

Департамент образования Вологодской области
Вологодский институт развития образования
Государственное образовательное учреждение
среднего профессионального образования
«Сокольский педагогический колледж»

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

Вологда
2005

ББК 74.268.3
Д 38

Печатается по решению редакционно-издательского
совета Вологодского института развития образования

Автор-составитель

Т. Ю. Егорова, преподаватель детской литературы
ГОУ СПО «Сокольский педагогический колледж»

Рецензенты:

С. Н. Патапенко, кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы Вологодского государственного
педагогического университета

Е. А. Барина, заместитель директора
ГОУ «Вологодский многопрофильный лицей»

Редактор

Т. Л. Шишигина, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры литературы Вологодского государственного
педагогического университета

Д 38 Детская литература англоязычных стран: Учебно-методическое пособие для студентов и преподавателей пед. колледжей / Автор-составитель: Т. Ю. Егорова. — Вологда: Издательский центр ВИРО, 2005. — 268 с.

Учебно-методическое пособие, созданное на основе программы «Детская литература англоязычных стран», знакомит с произведениями Великобритании и США, вошедшими в круг чтения детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Предлагаемый материал по истории и теории литературы, библиографические сведения, система заданий направлены на углубление литературоведческих знаний, необходимых для более глубокого восприятия и осмысления литературных произведений.

Пособие адресовано студентам педагогических колледжей, будет интересно учащимся образовательных школ, педагогам, осуществляющим раннее обучение детей английскому языку.

ISBN 5-87590-169-1

ББК 74.268.3
Д 38

ISBN 5-87590-169-1

© ВИРО, издательский центр, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Учебно-методическое пособие «Детская литература англоязычных стран» подготовлено для студентов педагогических колледжей и, на наш взгляд, будет интересно учащимся общеобразовательных школ, преподавателям детской литературы, педагогам, осуществляющим раннее обучение детей английскому языку. Оно призвано дать представление о литературе Великобритании, родины английского языка, и Соединенных Штатов Америки, одной из наиболее крупных англоязычных стран, как созданной специально для детей, так и вошедшей в круг детского чтения.

В переводах и переложениях на русский язык мы знакомимся с шедеврами англоязычной литературы. Переводная литература — это важнейшее средство обмена культурными ценностями, помогающее сближению и взаимодействию народов. Она способствует изучению социальных условий, культуры народов англоязычных стран, так как без социокультурных знаний настоящее общение и понимание состояться не может. «Искусство обладает волшебной способностью преодолевать преграды национальности и традиции, заставляя людей сознавать свое всемирное богатство. Научные и технические достижения какого-нибудь народа завоевывают ему уважение и восхищение, но творения искусства заставляют всех полюбить этот народ», — писал С. Я. Маршак.

Знакомство с иной национальной культурой через фольклорный материал, литературные тексты, несомненно, усилят интерес к процессу изучения английского языка, позволит лучше понять тонкости его употребления, расширит кругозор, убедит в ценности общечеловеческих нравственных качеств, необходимости уважительного отношения к другим народам и их культуре.

В пособии содержится материал по истории и теории литературы, библиографические сведения, тексты произведений, вошедших в круг чтения детей младшего возраста.

Принцип расположения девяти разделов пособия хронологический, что дает возможность проследить развитие литературы для детей младшего возраста от устного народного творчества до современности. В пределах хронологических рамок материал группируется по странам и по жанрам. Введения к разделам содержат общие сведения об особенностях развития детской литературы в данный период, монографические очерки посвящены творчеству наиболее ярких представителей литературы Великобритании и США, в обзорных главах произведения объединены общностью темы или жанра (литературная сказка, стихи и т. д.).

Народное творчество — основа литературы для детей. Разделы «Фольклор Великобритании» и «Героический эпос Великобритании» знакомят читателя с малыми фольклорными жанрами, которые стали классикой английской детской поэзии, а также сказками, легендами, балладами, отражающими мировоззрение и дух народа.

Произведения Великобритании, вошедшие в круг детского чтения, никогда не были собственно детскими и всегда пользовались изобразительно-выразительными средствами и образами литературы для взрослых. Материал раздела «Английская литература периода Средневековья и Нового времени» не только отражает развитие культуры данного периода, но и обращается к произведениям крупнейших представителей английского Просвещения — Д. Дефо и Д. Свифта, хотя их произведения создавались совсем не для детей. Юные читатели приняли книги, так как они отвечали потребности открывать мир, самих себя, переживая свое участие в воображаемой необычной ситуации. В чтение детей младшего возраста эти произведения вошли в адаптированном виде, но знакомство с ними — необходимый шаг в становлении талантливого читателя.

Детская литература в США имеет не такую долгую, хотя и не менее интересную, историю, как в родственной ей по языку Англии. Сформировалась она во второй половине XVIII века, после переселения в XVI веке в Америку европейских колонистов. Раздел «Фольклор Соединенных Штатов Америки» показывает влияние индейской, афроамериканской, европейской

культуры на становление собственного неповторимого фольклора американцев.

В литературе XIX века расширяется круг произведений, написанных специально для юных читателей, переосмысляются фольклорные традиции, проявляются новые жанры. В разделе «Английская детская литература XIX века» представлено творчество основателей литературы абсурда, нонсенса — Э. Лира и Л. Кэрролла. Фантастическим «миром навыворот», тонким юмором, а порой и сатирой, они повлияли на дальнейшее развитие детской литературы.

«Английская детская литература конца XIX — начала XX века» представляет художников слова, которые писали специально для детей младшего возраста. Ребенок становится самостоятельным и самоценным героем литературы — не как назидательный образец для поведения, а как личность в ее индивидуальном и социальном развитии. Это мы видим в произведениях Д. М. Барри, Б. Поттер. Традиции анималистической сказки развиваются в творчестве Д. Р. Кипплинга, Х. Лофтинга, К. Грэма, Б. Поттер.

Раздел «Литература США конца XIX — начала XX века» посвящен Д. Ч. Харрису, в чьем творчестве развивались традиции американского фольклора, и Л. Ф. Бауму, основоположнику американской литературной сказки.

XX век в детской литературе ознаменовался расцветом литературной сказки и поэзии, поэтому обзорные главы разделов «Английская литература для детей XX века» и «Литература Соединенных Штатов Америки и Канады XX века в чтении детей младшего возраста» рассказывают о развитии этих жанров в творчестве наиболее известных детских писателей, чьи произведения заняли свое место в детских хрестоматиях. Литература Канады представлена творчеством Э. Сетона-Томпсона, который большую часть жизни провел в США. Нам показалось необходимым на примере его произведений, впервые показавших реалистическое изображение животного, проследить развитие анималистической литературы.

Каждый раздел пособия, кроме учебной статьи и подборки художественных произведений как на русском, так и на английском языках, включает систему заданий для работы с текстом, фрагменты из критических и литературоведческих работ, которые помогут в поисках ответов на предложенные воп-

росы. Предложенные в конце пособия «Справочные материалы для организации самостоятельной работы» будут способствовать более успешной учебно-познавательной деятельности.

Автор искренне благодарен за оказание методической помощи и поддержку в издании пособия рецензентам: *Елене Абрамовне Бариновой*, зам. директора ГОУ «Вологодский многопрофильный лицей», *Светлане Николаевне Патапенко*, доценту кафедры литературы ВГПУ; редактору *Татьяне Леонидовне Шишигиной*, доценту кафедры литературы ВГПУ, а также *Маргарите Александровне Вавиловой*, профессору, декану филологического факультета ВГПУ, *Сергею Юрьевичу Баранову*, профессору, зав. кафедрой литературы ВГПУ, *Валерию Васильевичу Судакову*, профессору, ректору ВИРО, *Маргарите Альбертовне Углицкой*, проректору по научной работе ВИРО, *Раисе Валентиновне Ципилевой*, директору ГОУ СПО «Сокольский педагогический колледж», *Марине Викторовне Фокиной* и *Анне Леонидовне Рябинцовой*, преподавателям английского языка ГОУ СПО «Сокольский педагогический колледж».

ФОЛЬКЛОР ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Малые фольклорные жанры

В круг детского чтения раньше других форм устного народного творчества вошли малые формы фольклора. Английское слово «*folklore*» означает «народная мудрость».

«**Песенки матушки Гусыни**» — самая знаменитая, самая читаемая книга в странах, где говорят по-английски. Здесь смешные стихи, озорные песенки, пословицы, остроумные загадки, забавные считалки, дразнилки и другие жанры английского фольклора. Впервые все это собрано и напечатано в Англии около 1760 года Джоном Ньюбери, и с тех пор «Матушка Гусыня» издается каждый год.

Английские *детские песенки*, которые в настоящее время составляют золотой фонд английского фольклора, первоначально предназначались для взрослых. Некоторые из них были откликами на исторические события (например, «Шалтай — Болтай»), другие — пародии на высокий эпос или тексты религиозного характера. Постепенно теряя исходный смысл, они превращались в забавные стихи и песенки для детей.

*Pussy-Cat, pussy-cat,
Where have you been?
I've been to London
To look at the Queen.
Pussy-cat, pussy-cat,
What did you there?
I frightened a little mouse
Under the chair.*

— Где ты была сегодня, киска?
— У королевы у английской.
— Что ты видала при дворе?
— Видала мышку на ковре!

[пер. С. Маршака]

В этом коротком, остроумном диалоге много близкого ребенку: энергия, блестящий ритмический и синтаксический параллелизм, звучная рифма, забавная шутка.

В сборнике «Рифмы матушки Гусыни» встречаются и стихотворения, построенные в соответствии с архаичным куммулятивным композиционным принципом, где каждый следующий элемент присоединяется к предыдущему, образуя длинную цепочку: «Дом, который построил Джек», «Не было гвоздя...» и другие.

Англичане испокон веков славятся своеобразным чувством юмора, любят забавные истории, каламбуры, всяческие небылицы. Малым формам английского фольклора свойственно эксцентрическое видение мира, комическое нарушение обыденной логики, восприятие окружающего шиворот-навыворот. Переводы из английского фольклора говорят о распространенности жанра *перевертышей*, насчитывающего не одну сотню лет. Так английская песенка о Готенгентских умниках уже в IV веке считалась старинной. Нарочитое отклонение от реальности, «перевернутость фольклорного мира» привлекает маленького читателя. В перевертыше причина обратной координации вещей чаще всего мотивируется глупостью. Многие нелепицы начинаются с указания на чудо, а затем следует перечисление озорных и диковинных отклонений от общепринятой и существующей нормы.

*Я видел озеро в огне,
Собаку в брюках на коне...*

Перевертыши способствуют интенсивности умственной работы. Ребенку доставляет удовольствие осознавать, что он не глупец, он не допустит, чтобы его обманули, ведь самоутверждение необходимо ему в ежедневной сложной работе познания мира. А нелепица, чепуха — прекрасное средство для формирования чувства юмора, удовлетворения потребности в смехе, веселье, радости.

Игра — ведущий вид деятельности детей младшего возраста, а справедливой ее помогает сделать *считалка*. С ее помощью определяют ведущего, распределяют роли в игре и т. д. Главная особенность считалки — четкий ритм, возможность кричать раздельно все слова.

Большая группа считалок указывает на тех, кто будут участниками игры, а водит оставшийся после расчета. К этому же виду считалок относятся такие, где нет прямого словесного указания на водящего, его заменяет последнее слово. В этой

группе выделяются бессмысленные считалки с абсурдным сюжетом и звуко- и словосочетанием. Вот как пересказал английскую считалку С. Я. Маршак:

*Интер, мици, тици, тул,
Ира, дира, дон,
Окер, покер, доминокер,
Шишел, вышел вон.*

Следующая группа считалок — игровая — предназначена одновременно и для расчета, и для игры. Эти считалки заканчиваются вопросами-заданиями, указаниями, требованиями.

*...Умерли все, раз, два, три!
Джонни О'Брайен,
Бетти О'Брайен
И поросенок
Замри!*

В ритме считалки заложена объективность расчета. Попробуйте проскандировать:

*Вышли мыши как-то раз
Поглядеть, который час...*

или

*Гектор-Протектор
Во всем был зеленом...,*

и вы почувствуете, что каждый стишок имеет свое звучание, свой размер. Услышать ритмический рисунок считалки и подчиниться ему — умение не из легких, но это важно, чтобы соблюдать справедливость.

В английском фольклоре мы встречаем и *загадки*, способствующие умственному развитию ребенка. Отгадывание загадки — своеобразный экзамен на знание и сообразительность. Образности, сопоставлению, нестандартности мышления учат загадки ребенка, в том числе и английские загадки.

*Тонкая девчонка,
Белая юбчонка,
Красный нос.
Чем длиннее ночи,*

*Тем она короче
От горючих слез.*

[свеча; пер. С. Маршака]

Дразнилки отражают негативные моменты в восприятии детьми окружающей действительности. Ребенку свойственны не только радостные, веселые переживания, но и чувства огорчения, обиды, неприязни, отвращения... Издавна английская мудрость давала выход отрицательным эмоциям ребенка в слове, звуковых и ритмических сочетаниях, сопровождающих их движениях, гримасах. Английская дразнилка предназначена для того, чтобы поставить на место обидчика, высказать свое отношение к неприятным отклонениям в его поведении и привычках, внешнем виде.

Чаще дразнилка возникает как прибавление к имени ребенка рифмованного прозвища или звучного слова («Робин-Бобин Барабек»). Присоединение к прозвищу нескольких рифмованных строчек превращает прозвище в дразнилку. Содержание чаще не имеет связи с поводом, вызвавшим столкновение детей. В исключительных случаях английская дразнилка высмеивает и осуждает дурные наклонности и поступки ребенка, называя его трусом, вором, лентяем, обжорой:

*Том, Том, сын трубача,
Украл свинью и дал стрекача.*

Дразнилка склонна к преувеличению, преуменьшению, назойливому повторению, к чепухе, нелепости, перевертышу. Она учит детей подмечать плохое, несправедливое, слышать слова и подбирать их по созвучию и смыслу; развивает чувствительность к нелепым ситуациям в жизни и в словесном изображении. Знание детьми народных дразнилок, умение ими пользоваться — не только профилактика душевного здоровья, способность выразить собственные отрицательные эмоции, но и хорошая подготовка к восприятию авторской сатирической поэзии.

Для всех произведений малых форм английского фольклора характерна звонкая, порой каламбурная рифма, четкий ритмический рисунок, простота выразительных средств.

Слово в фольклорных текстах во всех его формах, значениях и смыслах становится предметом игры. Словесная ли-

тературная игра основана на знании языка, его лексики, грамматики, семантики.

Стихи, песни, считалки и другие малые фольклорные жанры принадлежат к классической детской английской поэзии, являются ярко выраженным идеалом народного воспитания, выразительным образцом художественного языка.

Сказки Великобритании

Английская сказка формировалась на многонациональной основе: в ее создании приняли участие не только сами англосаксы, но кельты, населявшие Британию до прихода германских племен, и норманнские завоеватели, покорившие остров в XI веке. В английской сказке представлены те же морфологические разновидности, которые известны и другим народам: сказки о животных, волшебные (наиболее архаичные типы сказок), авантурные и бытовые сказки (исторически более «молодые» типы).

Фольклорные сказки... Бродячие сюжеты и образы... Они в свое время появились и в Англии. Сходство культурно-исторических условий жизни народов обусловило близость сказочных мотивов, общность проблематики: отражение социальных и бытовых конфликтов, обличение власти имущих, философские размышления о ценности жизни.

Сравнительно немногочисленными являются английские сказки о животных, восходящие к глубокой древности. Наибольшей известностью пользуется сказка «Три поросенка», обладающая чертами, типичными для этой группы: наличие животного — ловкого обманщика, посрамление злого начала, постройка трех домов разной прочности, роль магического числа «три»... В 1936 году впервые была издана в переводе и обработке С. Михалкова. В основу обработки положен текст мультипликационного фильма студии Уолта Диснея, а в качестве иллюстраций использовались кадры из этого фильма.

Большая часть сказок — волшебные. В сказках «Чудовище Уинделстоунского ущелья», «Тростниковая шапка», «Великий Дреглин Хогни» и других особая атмосфера «нездешности» идет от древнего мира: феи, эльфы, великаны, драконы... Исследователи считают, что эти сказочные существа пришли в английский фольклор из кельтских преданий, как бы соединяют кельтских природных духов и германских карликов.

В бытовой сказке ярко выражено демократическое начало: ее герои — простые, незнатные люди в столкновениях с «сильными мира сего» одерживают верх. Для этих сказок характерно комическое, забавное, но сказка способна и на резкую сатиру. В русских переводах популярна сказка о том, как вдовый сын Джек продал корову за пять бобов, а затем по бобовому стеблю, выросшему до самого неба, не раз добирался до страшного Великана и возвращался с богатой добычей. В переводе Г. Кружкова много деталей, придающих тексту ироничность: «...Джек разбогател и стал жить счастливо... Но вот женился ли он на принцессе? Не знаю. Может быть, и на принцессе».

Английская сказка «Владыка из владык», ирландская «Удивительный сон» чем-то сродни английским нонсенсам: сюжет одной построен на словесных изысках, поданных иронически, другой — на недоразумении, которое сам на себя накликал чудаковатый крестьянин. Часто комизм ситуации создается неожиданным поворотом действия. Так в английской сказке «Ученик чародея» чародей оставил незапертой волшебную книгу, и ученик нечаянно вызывает демона Вельзевула. «Приказывай! — заревел демон. — Или я тебя задушу!» — И перепуганный юноша выкрикнул: «Полей вон тот цветок!»

Содержание народной сказки способствует активному построению картины мира, вводит в иноязычную культуру, знакомит с особенностями жизни, быта, мировоззрением народов Великобритании. Сказка представляет богатейшие возможности для сравнения разных культур, для проведения языковых и культурных параллелей. Но, знакомясь с иной культурой, мы вновь убеждаемся, что мир духовных ценностей един, так как всем народным сказкам присущ высокий нравственный потенциал, единая концепция нравственных ценностей.

Сказка помогает решать моральные проблемы, определяя симпатии для разграничения добра и зла. Сопереживая героям сказки, слушатель осуществляет перенос индивидуально-го опыта, полученного в процессе «проживания» сказки в реальную жизненную ситуацию.

Народная сказка привлекает ребенка ярким эмоциональным изложением событий реального мира и мира фантазии, предлагая образы, которыми он наслаждается, усваивая жизненно важную информацию.

Из английского фольклора

HUMPTY DUMPTY

Humpty Dumpty sat on a wall,
Humpty Dumpty had a great fall,
All the King's horses and all the King's men
Couldn't put Humpty together again.

If all the seas were one sea,
What a great sea that would be!
If all the trees were one tree,
What a great tree that would be!
And if all the axes were one axe,
What a great axe that would be!
And if all the men were one man,
What a great man he would be!
And if the great man took the great axe,
And cut down the great tree,
And let it fall into the great sea,
What a splash-splash that would be!

THE CROOKED MAN

There was a crooked man,
And he walked a crooked mile,
He found a crooked sixpence
Against a crooked stile,
He bought a crooked cat,
Which caught a crooked mouse,
And they all lived together
In a little crooked house.

[11: 110, 112]

ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ

Шалтай-Болтай
Сидел на стене.

Шалтай-Болтай
Свалился во сне.
Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не может

Шалтая,
Не может
Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая,
Шалтая-Болтая собрать!

[пер. С. Маршака, 28: 340]

ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ...

Кабы реки и озера
Слить бы в озеро одно,
А из всех деревьев бора
Сделать дерево одно,
Топоры бы все расплавить
И отлить один топор,
А из всех людей составить
Человека выше гор,
Кабы, взяв топор могучий,
Этот грозный великан
Этот ствол обрушил с кручи
В это море-океан, —
То-то громкий был бы треск,
То-то шумный был бы плеск!

[пер. С. Маршака, 34: 220]

СКРЮЧЕННАЯ ПЕСНЯ

Жил на свете человек,
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке.
А за скрюченной рекой
В скрюченном домишке

Жили летом и зимой
Скрюченные мышки.
И стояли у ворот
Скрюченные елки,
Там гуляли без забот
Скрюченные волки.
И была у них одна
Скрюченная кошка,
И мяукала она,
Сидя у окошка.
А за скрюченным мостом
Скрюченная баба
По болоту босиком
Прыгала, как жаба.
И была в руке у ней
Скрюченная палка,
И летела вслед за ней
Скрюченная галка.

[пер. К. Чуковского, 34: 96]

СТАРУШКА

Старушка пошла продавать молоко,
Деревня от рынка была далеко.
Устала старушка и, кончив дела,
У самой дороги вздремнуть прилегла.

К старушке веселый щенок подошел,
За юбку схватил и порвал ей подол.
Погода была в это время свежа,
Старушка проснулась, от стужи дрожа,

Проснулась старушка и стала искать
Домашние туфли, свечу и кровать,
Но, порванной юбки ощупав края,
Сказала: «Ах, батюшки, это не я!»

Пойду-ка домой. Если я — это я,
Меня не укусит собака моя!
Она меня встретит, визжа, у ворот,
А если не я, на куски разорвет!»

В окно постучала старушка чуть свет,
Залаяла громко собака в ответ.
Старушка присела, сама не своя,
И тихо сказала: «Ну, значит, не я!»

[пер. С. Маршака, 34: 88]

ПЕРЧАТКИ

Потеряли котятки
На дороге перчатки
И в слезах прибежали домой.
— Мама, мама, прости,
Мы не можем найти,
Мы не можем найти
Перчатки!

— Потеряли перчатки?
Вот дурные котятки!
Я вам нынче не дам пирога.
Мяу-мяу, не дам,
Мяу-мяу, не дам,
Я вам нынче не дам пирога!

Побежали котятки,
Отыскиали перчатки
И, смеясь, прибежали домой.
— Мама, мама, не злись,
Потому что нашлись,
Потому что нашлись
Перчатки!

— Отыскиали перчатки?
Вот спасибо, котятки!
Я за это вам дам пирога.
Мур-мур-мур, пирога,
Мур-мур-мур, пирога,
Я за это вам дам пирога!

[пер. С. Маршака, 28: 347]

КОРАБЛИК

Плывет, плывет кораблик,
Кораблик золотой,

Везет, везет подарки,
Подарки нам с тобой.
На палубе матросы
Свистят, снуют, спешат,
На палубе матросы —
Четырнадцать мышат.
Плывет, плывет кораблик
На запад, на восток.
Канаты — паутинки,
А парус — лепесток.
Соломенные весла
У маленьких гребцов.
Везет, везет кораблик
Полфунта леденцов.
Ведет кораблик утка,
Испытанный моряк.
— Земля! — сказала утка, —
Причаливайте! Кряк!

[пер. С. Маршака, 34: 147]

Я ВИДЕЛ

Я видел озеро в огне,
Собаку в брюках на коне,
На доме шляпу вместо крыши,
Котов, которых ловят мыши.
Я видел утку и лису,
Что пироги пекла в лесу,
Как медвежонок туфли мерил
И как дурак всему поверил.

[пер. С. Маршака, 34: 203]

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК

Вот дом,
Который построил Джек.
А это пшеница,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это веселая птица-синица,
 Которая часто ворует пшеницу,
 Которая в темном чулане хранится
 В доме,
 Который построил Джек.
 Вот кот,
 Который пугает и ловит синицу,
 Которая часто ворует пшеницу,
 Которая в темном чулане хранится
 В доме,
 Который построил Джек.
 Вот пес без хвоста,
 Который за шиворот треплет кота,
 Который пугает и ловит синицу,
 Которая часто ворует пшеницу,
 Которая в темном чулане хранится
 В доме,
 Который построил Джек.
 А это корова безрогая,
 Лягнувшая старого пса без хвоста,
 Который за шиворот треплет кота,
 Который пугает и ловит синицу,
 Которая часто ворует пшеницу,
 Которая в темном чулане хранится
 В доме,
 Который построил Джек.
 А это старушка, седая и строгая,
 Которая доит корову безрогую,
 Лягнувшую старого пса без хвоста,
 Который за шиворот треплет кота,
 Который пугает и ловит синицу,
 Которая часто ворует пшеницу,
 Которая в темном чулане хранится
 В доме,
 Который построил Джек.
 А это ленивый и толстый пастух,
 Который бранится с коровницей строгою,
 Которая доит корову безрогую,
 Лягнувшую старого пса без хвоста,
 Который за шиворот треплет кота,

Который пугает и ловит синицу,
 Которая часто ворует пшеницу,
 Которая в темном чулане хранится
 В доме,
 Который построил Джек.
 Вот два петуха,
 Которые будят того пастуха,
 Который бранится с коровницей строгою,
 Которая доит корову безрогую,
 Лягнувшую старого пса без хвоста,
 Который за шиворот треплет кота,
 Который пугает и ловит синицу,
 Которая часто ворует пшеницу,
 Которая в темном чулане хранится
 В доме, который построил Джек.

[пер. С. Маршака, 28: 355]

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Даю вам честное слово:
 Вчера в половине шестого
 Я встретил двух свинок
 Без шляп и ботинок.
 Даю вам честное слово.

[пер. С. Маршака, 34: 181]

ДОЖДЬ

Дождик, дождик, до свидания!
 Уходи скорей в Испанию,
 Может, там нужны дожди,
 А назад не приходи!

[пер. С. Маршака, 34: 240]

РОБИН ИЗ БОБИНА

Робин из Бобина
 Лук раздобыл,
 Целился в голубя,
 Галку убил.

Робин из Бобина
Мал да удал:
Целился в утку,
В тетку попал.
[пер. Г. Кружкова, 37: 72]

ДЖЕКИ — ДРУЖОК
Джеки — дружок
Сел в уголок,
Сунул в пирог свой пальчик,
Изюминку съел
И громко пропел:
«Какой я хороший мальчик!»
[пер. Г. Кружкова, 37: 73]

ДЖЕННИ
Дженни туфлю потеряла,
Долго плакала, искала.
Мельник туфельку нашел
И на мельнице смолол.

КОТАУСИ И МАУСИ
Жила-была мышка Мауси
И вдруг увидела Котауси.
У Котауси злые глазауси
И злые-презлые зубауси.
Подбежала Котауси к Мауси
И замахала хвостауси:
— Ах, Мауси, Мауси, Мауси,
Подойди ко мне, милая Мауси!
Я спою тебе песенку, Мауси,
Чудесную песенку, Мауси!
Но ответила умная Мауси:
— Ты меня не обманешь, Котауси!
Вижу злые твои глазауси
И злые-презлые зубауси!
Так ответила умная Мауси —
И скорее бегом от Котауси.
[пер. К. Чуковского, 44: 166, 159]

Сколько дней моя малышка
Может бегать и играть?
Понедельник, вторник, среду...
Даже трудно сосчитать?
Весь четверг она играет,
Пятницу, субботу,
Боже мой! И в воскресенье
У нее заботы!
Разойдитесь, расступитесь!
Дайте, дайте поиграть!
Завтра снова понедельник —
Начинай считать опять!
[пер. С. Маршака, 34: 225]

В королевство Кроватию,
В славный город Простынию
Отправляться пора.
В переулке Подушечном,
Во дворе Одеяловом
Погостим до утра.
[пер. И. Родиной, 34: 241]

Из шотландского фольклора

WILLIE WINKIE

Wee Willie Winkie runs through the town,
Upstairs, and downstairs in his night-gown,
Rapping at the window, crying through the lock,
«Are the children all in bed, for now it's eight o'clock?»
[11: 111]

КРОШКА ВИЛЛИ ВИНКИ

Крошка Вилли Винки
Ходит и глядит:
Кто не снял ботинки?
Кто еще не спит?

Стукнет вдруг в окошко
Или дунет в щель:
Вилли Винки, крошка,
Лечь велит в постель.
Где ты, Вилли Винки?
Влезь-ка к нам в окно.
Кошка на перинке
Спит уже давно.
Спят в конюшне кони,
Начал пес дремать.
Только мальчик Джонни
Не ложится спать.

КУПИТЕ ЛУК

Купите лук, зеленый лук,
Петрушку и морковку,
Купите нашу девочку,
Шалуню и плутовку!
Не нужен нам зеленый лук,
Петрушка и морковка.
Нужна нам только девочка,
Шалуня и плутовка!

СПЛЯШЕМ!

У Пэгги жил веселый гусь,
Он знал все песни наизусть.
Ах, до чего ж веселый гусь!
Спляшем, Пэгги, спляшем!
У Пэгги жил смешной щенок,
Он танцевать под дудку мог,
Ах, до чего ж смешной щенок!
Спляшем, Пэгги, спляшем!
У Пэгги старый жил козел,
Он бородой дорожки мел,
Ах, до чего ж умен козел!
Спляшем, Пэгги, спляшем

[пер. И. Токмаковой, 38: 25—29]

ТРИ ПОРОСЕНКА (английская народная сказка)

Жили-были на свете три поросенка. Три брата. Все одинакового роста, кругленькие, розовые, с одинаковыми веселыми хвостиками.

Даже имена у них были похожи. Звали поросят: Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф. Все лето они кувыркались в зеленой траве, грелись на солнышке, нежились в лужах.

Но вот наступила осень.

Солнце уже не так сильно припекало, серые облака тянулись над пожелтевшим лесом.

— Пора нам подумать о зиме, — сказал как-то Наф-Наф своим братьям, проснувшись рано утром. — Я весь дрожу от холода. Мы можем простудиться. Давайте построим дом и будем зимовать вместе под одной теплой крышей.

Но его братьям не хотелось браться за работу. Гораздо приятнее в последние теплые дни гулять и прыгать по лугу, чем рыть землю и таскать тяжелые камни.

— Успеется! До зимы еще далеко. Мы еще погуляем, — сказал Ниф-Ниф и перекувырнулся через голову.

— Когда нужно будет, я сам построю себе дом, — сказал Нуф-Нуф и лег в лужу.

— Я тоже, — добавил Ниф-Ниф.

— Ну, как хотите. Тогда я буду один строить себе дом, — сказал Наф-Наф. — Я не буду вас дожидаться.

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее.

Но Ниф-Ниф и Нуф-Нуф не торопились. Им и думать не хотелось о работе. Они бездельничали с утра до вечера. Они только и делали, что играли в свои пороссячьи игры, прыгали и кувыркались.

— Сегодня мы еще погуляем, — говорили они, — а завтра с утра возьмемся за дело.

Но и на следующий день они говорили то же самое.

И только тогда, когда большая лужа у дороги стала по утрам покрываться тоненькой корочкой льда, ленивые братья взялись наконец за работу.

Ниф-Ниф решил, что проще и скорее всего смастерить дом из соломы. Ни с кем не посоветовавшись, он так и сделал. Уже к вечеру его хижина была готова.

Ниф-Ниф положил на крышу последнюю соломинку и, очень довольный своим домиком, весело запел:

Хоть полсвета обойдешь,
Обойдешь, обойдешь,
Лучше дома не найдешь,
Не найдешь, не найдешь!

Напевая эту песенку, он направился к Нуф-Нуфу.

Нуф-Нуф недалеке тоже строил себе домик. Он старался скорее покончить с этим скучным и неинтересным делом. Сначала, так же как и брат, он хотел построить себе дом из соломы. Но потом решил, что в таком доме зимой будет очень холодно. Дом будет прочнее и теплее, если его построить из веток и тонких прутьев.

Так он и сделал.

Он вбил в землю колья, переплел их прутьями, на крышу навалил сухих листьев, и к вечеру дом был готов.

Нуф-Нуф с гордостью обошел его несколько раз кругом и запел:

У меня хороший дом,
Новый дом, прочный дом,
Мне не страшен дождь и гром,
Дождь и гром, дождь и гром!

Не успел он закончить песенку, как из-за кустов выбежал Ниф-Ниф.

— Ну, вот и твой дом готов! — сказал Ниф-Ниф брату. — Я говорил, что мы и одни справимся с этим делом! Теперь мы свободны и можем делать все, что нам вздумается!

— Пойдем к Наф-Нафу и посмотрим, какой он себе выстроил дом, — сказал Нуф-Нуф. — Что-то мы его давно не видели!

— Пойдем посмотрим! — согласился Ниф-Ниф. И оба брата, очень довольные тем, что им ни о чем больше не нужно заботиться, скрылись за кустами.

Наф-Наф вот уже несколько дней был занят постройкой. Он натаскал камней, намесил глины и теперь не спеша строил себе надежный, прочный дом, в котором можно было бы укрыться от ветра, дождя и мороза.

Он сделал в доме тяжелую дубовую дверь с засовом, чтобы волк из соседнего леса не мог к нему забраться.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф застали брата за работой.

— Что ты строишь? — в один голос закричали удивленные Ниф-Ниф и Нуф-Нуф. — Что это, дом для поросенка или крепость?

— Дом поросенка должен быть крепостью! — спокойно ответил им Наф-Наф, продолжая работать.

— Не собираешься ли ты с кем-нибудь воевать? — весело прохрюкал Ниф-Ниф и подмигнул Нуф-Нуфу.

И оба брата так развеселились, что их визг и хрюканье разнеслись далеко по лужайке.

А Наф-Наф как ни в чем не бывало продолжал класть каменную стену своего дома, мурлыча себе под нос песенку:

Я, конечно, всех умней,
Всех умней, всех умней!
Дом я строю из камней,
Из камней, из камней!
Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не ворвется в эту дверь,
В эту дверь, в эту дверь!

— Это он про какого зверя? — спросил Ниф-Ниф у Нуф-Нуфа.

— Это ты про какого зверя? — спросил Нуф-Нуф у Наф-Нафа.

— Это я про волка! — ответил Наф-Наф и уложил еще один камень.

— Посмотрите, как он боится волка! — сказал Ниф-Ниф.

— Он боится, что его съедят! — добавил Нуф-Нуф. И братья еще больше развеселились.

— Какие здесь могут быть волки? — сказал Ниф-Ниф.

— Никаких волков нет! Он просто трус! — добавил Нуф-Нуф. И оба они начали приплясывать и петь:

Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

Они хотели подразнить Наф-Нафа, но тот даже не обернулся.

— Пойдем, Нуф-Нуф, — сказал тогда Ниф-Ниф. — Нам тут нечего делать! И два храбрых братца пошли гулять.

По дороге они пели и плясали, а когда вошли в лес, то так расшумелись, что разбудили волка, который спал под сосной.

— Что за шум? — недовольно проворчал злой и голодный волк и поскакал к тому месту, откуда доносились визг и хрюканье двух маленьких, глупых поросят.

— Ну, какие тут могут быть волки! — говорил в это время Ниф-Ниф, который волков видел только на картинках.

— Вот мы его схватим за нос, будет знать! — добавил Нуф-Нуф, который тоже никогда не видел живого волка.

— Повалим, да еще свяжем, да еще ногой вот так, вот так! — расхвастался Ниф-Ниф и показал, как они будут расправляться с волком.

И братья опять развеселились и запели:

Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

И вдруг они увидели настоящего живого волка!

Он стоял за большим деревом, и у него был такой страшный вид, такие злые глаза и такая зубастая пасть, что у Ниф-Нифа и Нуф-Нуфа по спинкам пробежал холодок и тонкие хвостики мелко-мелко задрожали.

Бедные поросята не могли даже пошевелиться от страха.

Волк приготовился к прыжку, щелкнул зубами, моргнул правым глазом, но поросята вдруг опомнились и, визжа на весь лес, бросились наутек.

Никогда еще не приходилось им так быстро бегать!

Сверкая пятками и поднимая тучи пыли, поросята неслись каждый к своему дому.

Ниф-Ниф первый добежал до своей соломенной хижины и едва успел захлопнуть дверь перед самым носом волка.

— Сейчас же отопри дверь! — прорычал волк. — А не то я ее выломаю!

— Нет, — прохрюкал Ниф-Ниф, — я не отопру!

За дверью было слышно дыхание страшного зверя.

— Сейчас же отопри дверь! — прорычал опять волк. — А не то я так дуну, что весь твой дом разлетится!

Но Ниф-Ниф от страха ничего уже не мог ответить. Тогда волк начал дуть: «Ф-ф-ф-у-у-у!» С крыши дома слетали соло-

минки, стены дома тряслись. Волк еще раз глубоко вздохнул и дунул во второй раз: «Ф-ф-ф-у-у-у!» Когда волк дунул в третий раз, дом разлетелся во все стороны, как будто на него налетел ураган.

Волк щелкнул зубами перед самым пятачком маленького поросенка. Но Ниф-Ниф ловко увернулся и бросился бежать. Через минуту он был уже у двери Нуф-Нуфа.

Едва братья успели запереться, как услышали голос волка:

— Ну, теперь я съем вас обоих!

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф испуганно поглядели друг на друга. Но волк очень устал и потому решил пойти на хитрость.

— Я передумал! — сказал он громко, чтобы его слышали в домике. — Я не буду есть этих худосочных поросят! Я лучше пойду домой!

— Ты слышал? — спросил Ниф-Ниф у Нуф-Нуфа. Он сказал, что не будет нас есть! Мы худосочные!

— Это очень хорошо! — сказал Нуф-Нуф и сразу перестал дрожать. Братьям стало весело, и они запели как ни в чем не бывало:

Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

А волк и не думал куда уходить. Он просто отошел в сторонку и притаился. Ему было очень смешно. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не расхохотаться. Как ловко он обманул двух глупых маленьких поросят!

Когда поросята совсем успокоились, волк взял овечью шкуру и осторожно подкрался к дому.

У дверей он накрылся шкурой и тихо постучал.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф очень испугались, когда услышали стук.

— Кто там? — спросили они, и у них снова затряслись хвостики.

— Это я-я-я — бедная маленькая овечка! — тонким чужим голосом пропищал волк. — Пустите меня переночевать, я отбилась от стада и очень устала.

— Пустить? — спросил брата добрый Ниф-Ниф.

— Овечку можно пустить! — согласился Нуф-Нуф. — Овечка не волк!

Но когда поросята приоткрыли дверь, они увидели не овечку, а все того же зубастого волка. Братья захлопнули дверь и изо всех сил налегли на нее, чтобы страшный зверь не смог к ним ворваться.

Волк очень рассердился. Ему не удалось перехитрить поросят! Он сбросил с себя овечью шкуру и зарычал:

— Ну, погоди-те же! От этого дома сейчас ничего не останется!

И он принялся дуть. Дом немного покосился. Волк дунул второй, потом третий, потом четвертый раз.

С крыши слетели листья, стены дрожали, но дом все еще стоял.

И только когда волк дунул в пятый раз, дом зашатался и развалился. Одна только дверь некоторое время еще стояла посреди развалин.

В ужасе бросились поросята бежать. От страха у них отнимались ноги, каждая щетинка дрожала, носы пересохли. Братья мчались к дому Наф-Нафа.

Волк нагонял их огромными скачками. Один раз он чуть не схватил Ниф-Нифа за заднюю ножку, но тот вовремя отдернул ее и прибавил ходу.

Волк тоже поднажал. Он был уверен, что на этот раз поросята от него не убегут.

Но ему опять не повезло.

Поросята быстро промчались мимо большой яблони, даже не задев ее. А волк не успел свернуть и налетел на яблоню, которая осыпала его яблоками. Одно твердое яблоко ударило его между глаз. Большая шишка вскочила на лбу.

А Ниф-Ниф и Нуф-Нуф ни живы ни мертвы подбежали в это время к дому Наф-Нафа.

Брат быстро впустил их в дом. Бедные поросята были так напуганы, что ничего не могли сказать. Они молча бросились под кровать и там притаились. Наф-Наф сразу догадался, что за ними гнался волк. Но ему нечего было бояться в своем каменном доме. Он быстро закрыл дверь на засов, сам сел на табуреточку и громко запел:

Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,

Не откроет эту дверь,
Эту дверь, эту дверь!

Но тут как раз постучали в дверь.

— Кто стучит? — спокойным голосом спросил Наф-Наф.

— Открывай без разговоров! — раздался грубый голос волка.

— Как бы не так! И не подумаю! — твердым голосом ответил Наф-Наф.

— Ах, так! Ну, держитесь! Теперь я съем всех троих!

— Попробуй! — ответил из-за двери Наф-Наф, даже не привстав со своей табуреточки.

Он знал, что ему и братьям нечего бояться в прочном, каменном доме.

Тогда волк втянул в себя побольше воздуха и дунул, как только мог!

Но, сколько бы он ни дул, ни один даже самый маленький камень не сдвинулся с места.

Волк посинел от натуги.

Дом стоял как крепость. Тогда волк стал трясти дверь. Но дверь тоже не поддавалась.

Волк стал от злости царапать когтями стены дома и грызть камни, из которых они были сложены, но он только обломал себе когти и испортил зубы. Голодному и злому волк ничего не оставалось делать, как убираться восвояси.

Но тут он поднял голову и вдруг заметил большую, широкую трубу на крыше

— Ага! Вот через эту трубу я и проберусь в дом! — обрадовался волк. Он осторожно влез на крышу и прислушался. В доме было тихо.

«Я все-таки закушу сегодня свежей поросятинкой!» — подумал полк и, облизнувшись, полез в трубу.

Но, как только он стал спускаться по трубе, поросята услышали шорох. А когда на крышку котла стала сыпаться сажа, умный Наф-Наф сразу догадался, в чем дело.

Он быстро бросился к котлу, в котором на огне кипела вода, и сорвал с него крышку.

— Милости просим! — сказал Наф-Наф и подмигнул своим братьям. Ниф-Ниф и Нуф-Нуф уже совсем успокоились и, счастливо улыбаясь, смотрели на своего умного и храброго брата.

Поросятам не пришлось долго ждать. Черный, как трубочист, волк бултыхнулся прямо в кипяток. Никогда еще ему не было так больно. Глаза у него вылезли на лоб, вся шерсть поднялась дыбом. С диким ревом ошпаренный волк вылетел в трубу обратно на крышу, скатился по ней на землю, перекувырнулся четыре раза через голову, проехался на своем хвосте мимо запертой двери и бросился в лес.

А три брата, три маленьких поросенка, глядели ему вслед и радовались, что они так ловко проучили злого разбойника.

А потом они запели свою веселую песенку:

Хоть полсвета обойдешь,
Обойдешь, обойдешь,
Лучше дома не найдешь,
Не найдешь, не найдешь!
Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не откроет эту дверь,
Эту дверь, эту дверь!
Волк из леса никогда,
Никогда, никогда
Не вернется к нам сюда,
К нам сюда, к нам сюда!

С этих пор братья стали жить вместе, под одной крышей.

Вот и все, что мы знаем про трех маленьких поросят — Ниф-Нифа, Нуф-Нуфа и Наф-Нафа.

[пересказ С. Михалкова, 32: 89—94]

ЧУДОВИЩЕ УИНДЕЛСТОУНСКОГО УЩЕЛЬЯ

(английская народная сказка)

Жили некогда в Бамбургском замке могучий король и прекрасная королева, и было у них двое детей — сын по имени Чайлд-Винд и дочь Маргрит.

Чайлд-Винд вырос и уехал за море — мир повидать и себя показать. Вскоре после его отъезда королева-мать заболела и умерла. Долго горевал король, но однажды на охоте повстречался он с прекрасной чужеземкой, влюбился и решил на ней жениться. Был отправлен гонец с приказом, что-

бы в замке готовились к прибытию новой королевы — хозяйки Бамбурга.

Принцесса Маргрит не очень обрадовалась этой вести, но и не слишком огорчилась. Она выполнила повеление отца и в назначенный день сошла к воротам, готовая встретить новую королеву и передать ей ключи от замка.

Но случилось так, что, когда Маргрит приветствовала отца и мачеху, один из новых рыцарей свиты воскликнул:

— Клянусь, прелестней этой северной принцессы нет никого на свете!

Королева-мачеха была глубоко уязвлена, но не показала виду, лишь злобно пробормотала про себя: «Ну, ничего! Я позабочусь об этой прелести!»

В ту же ночь королева (а на самом-то деле она была ведьмой!) поднялась на самую-самую старую, самую-самую высокую башню замка и стала вершить там магические обряды. С помощью амулетов — драконьего зуба, совиных когтей, змеиной кожи — наложила она на свою падчерицу злые колдовские чары и заклала ее неслышанным, ужасным заклятием.

Наутро служанки и фрейлины не нашли принцессу в ее постели, и никто в замке не мог сказать, куда она исчезла.

В тот же самый день в Уинделстоунском ущелье, неподалеку от Бамбурга, появилось страшное и отвратительное чудовище — громадный кольчатый змей с железной чешуей и огнедышащей пастью. Чудовище это пожирало овец и коров, которые забредали в ущелье, а по ночам наводило страх на всю округу своим протяжным, жутким ревом.

Король был очень опечален этими двумя напастьями — пропажей дочери и появлением ужасного змея. Послал он гонца с письмом за море, к сыну своему Чайлд-Винду, умоляя его вернуться домой. «Ибо сам я слишком стар, мой сын, и не под силу мне бремя этих бедствий», — писал он в письме принцу.

Чайлд-Винд, получив это известие, начал готовиться к отплытию — велел оснастить корабль и отобрал из своего отряда тридцать лучших воинов, самых смелых и надежных. Да не забыл посоветоваться с чародеем, знатоком белой магии. И вот что сказал ему мудрый старик:

— Чтобы твой поход был успешным, вырежь бушприт своего корабля из целого ствола рябины, ведь рябина отвращает злые чары; да возьми с собой этот рябиновый пруттик. Прикоснись

им к своей мачехе-королеве. Вреда от этого не будет, а истина откроется.

Поблагодарил Чайлд-Винд чародея, взял прутик, укрепил бушприт из рябины на носу корабля и на рассвете отплыл на запад.

Но королева (которая, как вы знаете, была ведьмой!) разложила в уединенной башне свои амулеты, просеяла лунный свет сквозь решето и узнала, что Чайлд-Винд с тридцатью отборными воинами возвращается в Бамбургский замок.

Тогда она вызвала подвластных ей духов и приказала:

Слуги мои черные,
Мне одной покорные! Вихрями летите,
Море возмутите,
Корабль утопите,
Принца погубите!

Полетели черные духи, стали дуть навстречу кораблю, подымать вокруг него огромные волны, но бушприт из рябины рассеивал и отражал все злые чары, так что корабль Чайлд-Винда как ни в чем не бывало приближался к берегу.

Вернулись духи к королеве, признались в своем бессилии повредить принцу. Скрипнула королева зубами от злости, но не успокоилась. Приказала войску двинуться в гавань, встретить корабль, напасть на него и умертвить приплывших людей всех до единого.

Вот приближается Чайлд-Винд к берегу и вдруг видит: плывет навстречу огромный страшный змей с огнедышащей пастью. Подплывает вплотную, толкает корабль обратно, не дает войти в гавань. Снова и снова разворачивается корабль принца, пытается пройти к пристани, но каждый раз ужасный змей преграждает путь. Бессильны удары весел и копий против его железной чешуи.

Говорит Чайлд-Винду опытный кормчий:

— Отойдем в море, а потом развернемся и высадимся незаметно — вон там, за мысом.

Так и сделали. Но едва Чайлд-Винд высадился на берег и ступил несколько шагов по земле, как выползает из леса тот самый змей — отвратительное чудище с кольчатым телом и головой дракона.

Выхватил меч Чайлд-Винд, изготовился... И вдруг вместо страшного рева из пасти чудовища раздался нежный девичий голос:

О, спрячь свой меч и щит отбрось,
Не бойся ничего!
Три раза поцелуй меня —
И сгинет колдовство.

Чайлд-Винду кажется, словно узнает он голос... Что за наваждение! Или впрямь нечистая сила морочит его? Содрогнулся от ужаса принц, а чудовище говорит:

Не думай, что перед тобой
Лукавит гнусный змей,
Три раза поцелуй меня
И колдовство развеи!

Это же голос сестры — Маргрит! Заколебался принц, шагнул было вперед, но вспомнил, как бывают коварны злые духи. Снова поднял Чайлд-Винд свой меч, а чудовище покачало головой и говорит:

Без страха подойди ко мне
И поцелуй трикрат;
Лишь в том спасение мое.
Молю тебя, мой брат!

Тогда отбросил принц свой меч и щит, шагнул к чудовищу и трижды поцеловал его в страшную огнедышащую пасть.

В тот же миг со свистом и шипением чудовище отпрянуло назад, и — о чудо! — перед Чайлд-Виндом предстала его сестра Маргрит.

— Спасибо тебе, милый брат! — сказала принцесса. — Знай, что это наша мачеха-ведьма превратила меня в чудище и наложила заклятие, чтобы не знала я избавления до тех пор, пока мой брат трижды не поцелует меня в этом ужасном образе. Но отныне чары рассеялись и та, которая послала их, потеряла всю свою колдовскую силу.

Когда Чайлд-Винд об руку с сестрой и в сопровождении своих воинов вступил в отцовский замок, злая королева сидела в своей башне и без умолку твердила заклинания: очень

ей мечталось наколдовать принцу и принцессе какое-нибудь несчастье.

Услыхала она шаги Чайлд-Винда, хотела убежать, но принц прикоснулся к ней рябиновым прутиком, и ведьма прямо на глазах стала уменьшаться и съеживаться, съеживаться и уменьшаться, пока не превратилась в отвратительную жабу, которая — чоп-шлеп! чоп-шлеп! — ускакала из замка в лес.

[пер. Г. Кружкова, 37: 10—15]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Из курса «Детская литература» вспомните и раскройте значение следующих понятий:

фольклорные жанры: колыбельная, прибаутка, перевертыш, считалка, загадка, пословица, поговорка;

виды словесной образности: метафора, сравнение, эпитет, олицетворение, гипербола, литота.

2. Подготовьте к семинару устное сообщение по одной из тем:

— Исторические мотивы в английских народных песенках: «Шалтай-Болтай» и других (например, «Гвоздь и подкова», «Гектор-Протектор», «Дама бубен»).

— Образы детей в английском фольклоре: «Дженни», «Робин из Бобина», «Джеки-дружок» и другие (например, «Из чего только сделаны мальчики», «Так мы пляшем возле сливы» и т. д.).

— Забавные истории о животных: «Перчатки», «Кораблик», «Поросята», «В гостях у королевы», «Курица», «У Мери есть ручной баран» и другие.

— Перевертыш — любимый жанр английского фольклора: «Я видел», «Не может быть» и другие (например, «Однажды я видел такую картину», «Раз на Лондонском мосту» и т. д.).

— Своеобразие английского юмора в текстах-страшилках: «Старушка», «Скрюченная песня» и другие (например, «Однажды мистер Квак собрался погулять», «Десять негритят»).

— Детский фольклор: колыбельные песенки, загадки, скороговорки, считалки и другие. Их художественное своеобразие и педагогическая ценность.

— Поэтическое мастерство С. Я. Маршака-переводчика.

— Шотландские народные песенки в переводах И. Токмаковой (сборник «Крошка Вилли-Винки»).

3. Тексты не переводятся дословно, в любом переводе есть «доминанта отклонения от подлинника». Определите ее в переводах стихотворения «Robin the Bobin» К. И. Чуковского и С. Я. Маршака.

Robin the Bobin, the big-bellied Ben,
He ate more meat than fourscore man,
He ate a cow, he ate a calf,
He ate a butcher and a half.
He ate a priest and all the people!
A cow and a calf,
An ox and a half,
A church and a Steeple,
And all good people
And yet he complained that his stomach wasn't hell.

К. И. ЧУКОВСКИЙ «БАРАБЕК»

Робин Бобин Барабек
Скушал сорок человек,
И корову, и быка,
И кривого мясника,
Скушал церковь, скушал дом,
И кузницу с кузнецом.
А потом и говорит:
«У меня живот болит!»

С. Я. МАРШАК «РОБИН БОБИН»

Робин Бобин кое-как
Подкрепился натошак:
Съел теленка утром рано,
Двух овечек и барана,
Съел корову целиком
И прилавок с мясником,
Сотню жаворонков в тесте
И коня с телегой вместе,
Пять церквей и колоколен,
Да еще и недоволен.

4. Пробуем себя в поэтическом переводе...

Elizabet, Elspeth, Betsy and Bess,
They all went together
To seek a bird's nest.
They found a bird's nest
With five eggs in,
They all took one, and left four in.

5. Выучите английские народные песенки в переводе Маршака: «Дом, который построил Джек», «Если бы да кабы», «Шалтай-Болтай», «Перчатки» (или другие по вашему выбору).

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Какими средствами создается в песенках комический эффект? Подготовьте и покажите инсценирование одной из песенок в «театре картинок» или на фланелеграфе.

6. Составьте словарь «Английские пословицы и их русские аналоги».

7. С какими русскими сказками можно сравнить сказки «Три поросенка», «Чудовище Уинделстоунского ущелья»? Что объединяет их, а в чем проявляются особенности национальной культуры?

История Великобритании прошла сложный путь. Как говорит герой Киплинга Пак, боги приходили и уходили на туманный Альбион, а вместе с ними приходила культура разных народов.

На долю древней земли выпала нелегкая участь быть неоднократно завоеванной и разграбленной. Сначала римляне во главе с Цезарем, затем пикты и скотты, нападавшие на соседние племена бриттов; потом англосаксы под предводительством Генгиста и Горза.

В IX веке семь англосаксонских графств (государств) были объединены под властью короля Эгберта и получили название Англия.

После смерти Эгберта англосаксам пришлось вступить в борьбу с народами Севера — норманнами, или викингами, ужасавшими своими набегами Западную Европу. Первыми напали на Англию датчане и основали свое государство — Область Датского права. От них страну избавил Альфред Великий, который разбил датские дружины в 880 и 893 годах. Но викинги постоянно угрожали англам. После смерти короля Датского и Английского Кнута Англия освободилась от захватчиков, но вскоре была завоевана нормандцами во главе с Вильгельмом Завоевателем. На долгие века в Англии воцарилось французское влияние.

Единственным дошедшим до нас образцом англосаксонской героической поэзии является поэма **«Беовульф»**, которая существует в многочисленных пересказах для детей.

Две части поэмы связаны личностью главного героя и описанием его подвигов: в первой части Беовульф сражается с болотным чудовищем Гренделем и его злобной и ужасной мамашей, во второй — счастливо правит своей страной 50 лет, а потом сражается с огнедышащим драконом и умирает от ран.

О принадлежности поэмы к героическому эпосу говорит образ Беовульфа, который освобождает датчан от кровопийцы Гренделя, не боится спуститься на дно морское, где сражается с матерью Гренделя, увлекающей его в бездну, побеждает страшное чудовище.

Есть в поэме и признаки, позволяющие говорить о родстве ее с фольклором, в частности со сказкой: волшебное оружие,

испытание мужества, выносливости и силы, троекратные повторы; то, что в молодости Беовульф был ленив, а потом возмужал и обрел силу тридцати молодцов. Главный герой похож на сказочного богатыря, произошедшего от медведя, о чем свидетельствует и его имя: древнеанглийское *«Beowulf»* значит «пчелиный волк», т. е. медведь.

Великолепный перевод на русский язык сделал В. Тихомиров, а И. Токмакова пересказала ее для детей в прозе.

Легенды о рыцарях короля Артура и их приключениях пользуются у юных слушателей и читателей не меньшим успехом, чем у взрослых. Существует большое количество стихотворных и прозаических пересказов и переложений, а также романов, повестей и сказочных эпопей современных авторов для детей и взрослых. Источником рыцарских романов о короле Артуре явились кельтские легенды.

Самые ранние упоминания о короле Артуре относятся к концу V — началу VI веков и ассоциируют легендарного героя с историческим вождем кельтов, возглавившим борьбу против вторжения англосаксов в Британию. Не позднее XI века легенды распространяются на континенте, прежде всего в Британии, переосмысливаются рыцарской традицией, образ Артура видоизменяется: он предстает в виде мудрого короля.

Рыцарская традиция возникла на юге Франции и служила образцом для других народов. В рыцарской среде сложились определенные правила куртуазии — благородного поведения, согласно которым рыцарь должен был себя вести: быть вежливым и любить свою Прекрасную Даму, уважать своего сюзерена, защищать сирых и обездоленных, быть мужественным, честным и бескорыстным, преданно служить Святой Церкви. Эти идеалы нашли отражение в рыцарской литературе. На английском языке первые рыцарские романы появились в XIII веке.

В XIV веке создается поэма «Смерть Артура» в Шотландии и известный английский рыцарский роман «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», принадлежащий неизвестному мастеру английской средневековой поэзии.

Во множестве произведений, посвященных королю Артуру, рассказывается о том, как в младенчестве после смерти родителей он был унесен из дворца волшебником Мерлином, поскольку его жизни угрожала опасность, и взошел на трон,

лишь добыв волшебный меч при помощи Мерлина. Другая легенда гласит, что у Артура был еще один чудесный меч, Экскалибур, который подарила ему Дева Озера. Артур строит себе дворец в Карлеоне, где находится знаменитый Круглый стол, за которым восседают славные рыцари короля Артура. Один из них — добродетельный Ланселот Озерный. Наряду с рыцарями действуют в легендах волшебник Мерлин и фея Моргана.

Всем легендам присущ сказочный элемент, а в сюжеты романов вплетаются религиозные мотивы о Священном Граале — хрустальной чаше, в которую, по преданию, собрал кровь распятого Иисуса Иосиф Арифамейский и привез ее в монастырь в Гластонбери. Грааль находится в невидимом замке Монсальват и является лишь достойному, ибо олицетворяет символ нравственного совершенства.

XIV и XV века — время расцвета английской и шотландской народной поэзии. Наиболее распространенные ее жанры — песня и *баллада*.

Баллады имели большое значение для развития всей английской литературы и детской литературы в частности. Исполнялись бродячими сказителями — менестрелями под аккомпанемент музыкального инструмента. Свобода импровизации, сложный ритмический узор, звонкие рифмы, рефрены, сюжетность — все это способствовало успеху и развитию балладного жанра.

Источниками баллад были христианские легенды, древние эпические песни, рыцарские романы, даже античные сюжеты.

Одну из самых больших групп составляют *баллады исторические*, в них речь идет о реально существовавших личностях или произошедших в действительности событиях.

Из всех героев английских баллад наибольшей популярностью пользовался благородный разбойник **Робин Гуд**, реально, как считают многие исследователи, живший в XII веке. В латинской «Истории Великобритании» 1521 года Джона Мэра встречаются указания, что Робин Гуд и его славный помощник Маленький Джон жили во времена Ричарда Львиное Сердце. Робин Гуд стоял во главе сотни вольных стрелков, которые были недостижимы для войск государя. Разбойники грабили только богатых, а сирых и слабых защищали. Благородные разбойники воевали с притеснителями крестьян — «гордым шерифом», надменным епископом, «жирными монахами». В первой половине XIX века

была популярна версия, в которой Робин Гуд считался борцом против завоевавших Англию нормандцев.

Робин Гуд сыграл в истории Англии большую роль. Герой, не склоняющий голову перед королевскими законами, борющийся с несправедливостями, которыми был переполнен феодальный мир Средневековья, давал крестьянам силы для сопротивления, поддерживал в людях чувство собственного достоинства, которое не смогли растоптать чванливые лорды и хитроумные священники.

На русском языке существует перевод книги английского писателя Эскотта Линна «Робин Гуд и его вольница», переделки баллад А. Гершензона и И. Токмаковой.

Довольно большую группу составляют *баллады лирические*, главные темы которых любовь и ненависть, роковая страсть и кровная месть. Фантастика народных легенд и преданий вплетается в ткань повествования, и в балладах встречается много сказочных элементов.

Свободолюбивыми настроениями пронизаны многие шотландские баллады, отражающие патриотические национальные чувства шотландцев в длительных войнах с англичанами. Наряду с поэтическим изложением преданий о семейных и династических распрях («Джордж Кемпбелл», «Трагедия Дуглассов»), встречаются баллады с рыцарской окраской («Королева Элинора»), мистические (о привидениях, призраках, демонах), бытовые, выдержанные в шутливых тонах («Баллада о мельнике и его жене», «Старуха, дверь закрой!»).

В России английские и шотландские баллады переводили А. Пушкин, В. Жуковский, Н. Гумилев, Р. Рождественский, А. К. Толстой, С. Я. Маршак.

РОБИН ГУД И ЗОЛОТАЯ СТРЕЛА

Шериф без сна проводит ночь,
А днем не правит суд.
Ему покоя не дает
Разбойник Робин Гуд.
Вот в город Лондон, к королю
Отправился шериф,
И целый час держал он речь,

Колено преклонив.
«Тот не шериф, — сказал король, —
Кто упускает власть.
Не нападения надо ждать,
А первому напасть.
Найди приманку похитрей,
Захлопни западню,
А там вези врага ко мне,
Я сам его казню».
Шериф вернулся в Ноттингем
И думал по пути,
Как Робин Гуда заманить
И счета с ним свести.
И вот послушные гонцы
Летят во весь опор.
К шерифу доблестных стрелков
Зовут они на спор.
Кто в цель вернее попадет,
Сам стоя за чертой,
Тому достанется стрела
С головкой золотой.
Едва услышал Робин Гуд
Крылатую молву,
Велел он каждому стрелку
Проверить тетиву.
Но тут сказал один стрелок
По имени Давид:
«Пусть лучше будет наш отряд
В лесу надежно скрыт.
Не зря шериф зовет на спор,
Он нам расставил сеть,
И кто запутается в ней,
В петле тому висеть».
«Тут пахнет трусостью, стрелок, —
Ответил Робин Гуд. —
Идем на славную игру,
Потешим добрый люд».
Тогда сказал Малютка Джон:
«Ну что же, в добрый час!

Но хорошо бы сделать так,
Чтоб не узнали нас.
Давайте сбросим свой наряд,
Лесной зеленый цвет.
Пусть будет каждый наш стрелок
По-своему одет.
Вот желтый плащ, вот белый плащ,
Вот синие плащи.
Перемешаемся с толпой,
Попробуй, отыщи!»
Из леса вышли удалцы,
И каждый был готов
Хоть умереть, но победить
Шерифовых стрелков.
А в шумный город Ноттингем
Вошли по одному,
Чтоб раньше времени себя
Не выдать никому.
Шериф напрасно на толпу
Глядел из-под руки:
Не попадались на глаза
Мятежные стрелки.
Народ тихонько говорил,
Что Робина всегда,
Едва он выпустит стрелу,
Узнаешь без труда.
Шериф в затылке почесал,
Он был сердит и зол:
«Как ни отважен Робин Гуд,
А, видно, не пришел».
И, этой речью уязвлен,
Подумал Робин Гуд:
«Узнаешь скоро ты, шериф,
Что я сегодня тут».
Был славный лучник — желтый плащ,
Хорош и голубой,
Но красный плащ их превзошел
Искусною стрельбой.
Был в красном зоркий Робин Гуд,
Испытанный стрелок.

Куда шутя он попадал,
Никто попасть не мог.
Стрелой он прутик расщепил,
Сам стоя за чертой.
Он честно выиграл стрелу
С головкой золотой.
Пока сбегался весь народ
Смотреть на молодца,
Тихонько выбрались стрелки
Из тесного кольца.
Потом, сойдясь в глухом лесу,
Они присели в тень,
И тут рассказы начались
Про этот славный день.
«Люблю, — воскликнул Робин Гуд, —
Нелегкие дела!
Вот только плохо, что шериф
Не знает, где стрела!»
Ну что ж, — сказал Малютка Джон, —
Я верный дал совет,
Хотите, дам еще один,
Покуда лучших нет?»
Ответил Робин: «Говори,
Я знаю, ты умен.
У нас таким умом, как ты,
Никто не наделен».
Заговорил Малютка Джон:
«Пошлем-ка мы письмо,
Но не с гонцом пойдет оно,
А полетит само».
«Но как, скажи, послать письмо
Мы можем без гонца?»
«Имей терпенье, Робин Гуд,
Дослушай до конца.
Письмо к стреле я привяжу,
Пуцу стрелу в полет.
Пускай оно к шерифу в дом,
Как с неба, упадет».
Был в страшной ярости шериф
От дерзкого письма,

И сам потом дивился он,
Что не сошел с ума.

[8: 95—99]

А НУ, ЗАКРОЙ-КА ДВЕРЬ!

Однажды под Мартынов день,
Как водится везде,
Хозяйка пудинги пекла
В большой сковороде.
Ноябрьский ветер дул тогда,
Как дует и теперь;
Озябший муж сказал жене:
«Закрой-ка, что ли, дверь!»
«На мне уборка и стряпня,
Уже ни рук, ни сил!
Тебе приспичило закрыть —
Вот ты бы и закрыл!»
Поспорив, дали муж с женой
Себе такой зарок:
Кто скажет слово — должен встать
И двери на крючок.
Два джентльмена той порой
Поодаль шли в ночи,
И видят дом, а в доме том
Ни звука, ни свечи.
«Что это — замок иль шалаш?
Бедняк живет иль знать?»
Молчит жена, и муж молчит,
Чтоб дверь не открывать.
Решили гости пудинг съесть
И закусить вторым;
Немало слов, но про себя
Жена сказала им.
«Возьми мой нож», — промолвил гость.
«Ну и?» — сказал второй.
«Займись-ка мужней бородой,
А я займусь женой».
«Да как же мне его побрить,
Раз в доме нет воды?»

«А чем тебе, приятель, плох
Жир со сковороды?»
Вот тут поднялся грозный муж
И прокричал в ответ:
«С женой шутить — куда ни шло,
Но жир — уж это нет!»
Услышав мужние слова,
Хозяйка, верь не верь,
Открыла рот и говорит:
«Закрыл бы, что ли, дверь!»

[пер. Н. Голя, 8: 106—107]

СТАРУХА, ДВЕРЬ ЗАКРОЙ!

Под праздник, под воскресный день,
Пред тем, как на ночь лечь,
Хозяйка жарить принялась,
Варить, тушить и печь.
Стояла осень на дворе,
И ветер дул сырой.
Старик старухе говорит:
«Старуха, дверь закрой!»
«Мне только дверь и закрывать,
Другого дела нет.
По мне — пускай она стоит
Открытой сотню лет!»
Так без конца между собой
Вели супруги спор,
Пока старик не предложил
Старухе уговор:
«Давай, старуха, помолчим.
А кто откроет рот
И первый вымолвит словцо,
Тот двери и запрет!»
Проходит час, за ним другой.
Хозяева молчат.
Давно в печи погас огонь.
В углу часы стучат.
Вот бьют часы двенадцать раз,
А дверь не заперта,

Два незнакомца входят в дом,
 А в доме темнота.
 «А ну-ка, — гости говорят, —
 Кто в домике живет?»
 Молчат старуха и старик,
 Воды набрали в рот.
 Ночные гости из печи
 Берут по пирогу,
 И потроха, и петуха,
 Хозяйка — ни гугу.
 Нашли табак у старика.
 «Хороший табачок!»
 Из бочки выпили пивка.
 Хозяева — молчок.
 Все взяли гости, что могли.
 И вышли за порог.
 Идут двором и говорят:
 «Сырой у них пирог!»
 А им вослед старуха:
 «Нет! Пирог мой не сырой!»
 Ей из угла старик в ответ:
 «Старуха, дверь закрой!»

[пер. С. Маршака, 8: 107—109]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Дайте определение жанров: легенда, баллада.
2. Что вы можете сказать о герое баллады «Робин Гуд и золотая стрела»? Кто и почему выступает врагом Робина Гуда? Как относились к Робину Гуду современники? Как это отношение выразилось в балладе?
3. Посмотрите фрагмент фильма «Робин Гуд — принц врагов» (производство «Warner Brothers», 1997). Таким ли Вы представляли себе Робина Гуда? Почему?
4. Раскройте понятие *вольный перевод*. Сравните вольный перевод баллады, сделанный С. Я. Маршаком с переводом Н. Голя. Какой из них вам показался интереснее и почему?
5. Представьте статью учебного пособия «Героический эпос Великобритании» в виде конспекта, предварительно определив его вид. Дополните конспект материалами источников, рекомендованных преподавателем.

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И «НОВОГО ВРЕМЕНИ»

На протяжении всего XV столетия английская литература трудно и медленно овладевала гуманистической образованностью. Война с Францией, усугубленная междоусобной распрей двух ветвей династии Плантагенотов — Ланкастеров и Йорков, известной как война Алой и Белой розы (1455—1485), оставляла мало надежды на прочный мир и благоденствие.

Начало гуманистической эпохи отмечено изменившимся отношением к знанию, образованности, распространение которого во 2-й пол. XV века было немыслимо без книгопечатания, изобретенного немецким первопечатником Иоганном Гутенбергом. В Англию Гутенбергова эра пришла к 1475 году, когда английский купец Уильям Кэкстон перевез свой печатный пресс из Бургундии в Вестминстер. До своей смерти в 1491 году английский книгоиздатель успел выпустить 100 книг. Одно из самых прославленных изданий — «Смерть Артура» Томаса Мэлори, книга, представляющая собой прозаический свод легенд о рыцарях Круглого стола. Знаменательно, что этот памятник уходящему рыцарству был создан Мэлори во время тюремного заключения (1469).

На английском троне установилась новая династия — Тюдоров, а вместе с ней — мир. При первом ее представителе — Генрихе VII (1485—1509) — в Оксфорде сложился кружок, где латинскую и греческую словесность знали не хуже, чем в итальянских университетах. Из него вышел первый английский гуманист, получивший европейскую славу, — создатель «Утопии» Томас Мор.

Искусство английской поэзии эпохи Возрождения достигло своих высот при дочери Генриха VIII — Елизавете I (1558—1603). Эту королеву часто называют Великой, а всех литераторов, украсивших ее долгий век, — елизаветинцами, среди них и те, кто более всего создал славу английскому Возрождению — плеяда драматургов во главе с Уильямом Шекспиром.

Английское Возрождение явилось кратким, но очень мощным взлетом творческих сил. Это была вершина и одновременно трагический финал эпохи европейского Ренессанса, обещавшего свободу личности, а завершившегося, по выражению шекспировского Гамлета, тем, что «Время вышло из пазов»,

оставив человека с горьким ощущением своей потерянности и невозможности воплотить в жизнь гуманистическую мечту о достойной личности.

[по И. Шайтанову, 45: 439—441]

В XVI веке ...стали появляться книги для детей, основной целью которых было учить ребенка хорошо и достойно вести себя в обществе. Многие из таких книг переводились с латинского.

«По натуре ребенок испорчен», — считала протестантская церковь. Именно это утверждение определило направленность детской литературы XVI—XVIII веков в Англии. Сухой дидактизм и морализаторство пронизывало книги для детей того времени.

В 1702 году выходит «Маленькая книга для маленьких детей» Томаса Уайта, министра по делам религии, в которой он советует «не читать детям баллад и глупых книг, но изучать Библию».

Большинство книг было сборниками советов — чаще всего добрых отцов послушным детям. Однако уже в первых книгах — учебниках для детей появляются рифмованные загадки, азбука в стихах и игры.

[по Н. Будур, 7: 95—96]

XVII столетие в Англии — время мощных социальных потрясений, что не могло отразиться на литературе. Центром политических событий стала борьба королевской власти с парламентом, а главным предметом раздоров — политика Епископальной церкви, которую защищала монархия. Широкие слои населения критиковали Церковь за приверженность римскому католицизму и требовали «очистить» нравы и порядки, сложившиеся в правление Стюардов.

В результате Английской революции (1649) к власти пришел Оливер Кромвель, который правил в качестве лорда-протектора.

В 1660 году монархия была восстановлена, а в 1688—1689 годах произошла, так называемая, «Славная революция»: аристократия и новый класс буржуазии достигли мирного согласия. Власть короля ограничивалась Конституцией. Общество вздохнуло свободно.

Перевод в 1611 году Библии на английский язык стал огромным событием духовной и политической истории, а также важным этапом в развитии национальной словесности. Упростившееся Богослужение давало право вступать в отношение с Богом без посредства Церкви, обращаться к Творцу на родном языке. На английском начали излагать свои взгляды философы и ученые. Конец этого периода отмечен в литературе библейской образностью и возвышенным строем ритмизованной прозы.

В Англии XVIII столетия понятия «разум» и «природа» были основополагающими. Борьба за «царство разума» представлялась как возвращение к естественности. «Естественное состояние, — писал Локк, — есть состояние свободы. ... Разум учит всех людей, что никто не имеет права вредить жизни, здоровью, свободе, имуществу другого». Требовалось воспитать нового человека, человека разумного, и уроки Локка восприняли многие писатели эпохи.

В соответствии с новыми взглядами авторитет литературы становился непрекращаемым, а сами произведения объявлялись чуть ли не главным инструментом преобразования общества.

Александр Поп — самый крупный поэт XVIII века — учил следовать гармоническому идеалу. Поэт призывал следовать за классиками и изучать не Бога, а человеческую природу. Когда Попу было 12 лет, он воспел нравственность человека:

*Он телом здрав; в душе его все стройно;
Он кротко век живет.*

(пер. С. Боброва)

Однако реальные люди были далеки от совершенства. Поп ... с открытой насмешкой рисует быт и нравы светского общества. Исправление нравов было одной из главных забот времени.

Ричард Стил (1672—1729) и Джозеф Аддисон (1672—1719) сумели сделать поучение развлекательным. Сэмюэль Джонсон (1709—1784), поэт-сатирик, литературный критик, создатель первого толкового «Словаря английского языка» (1755), автор «Жизнеописаний наиболее выдающихся английских поэтов» (1779—1781), советовал учиться у древних четкости мысли и ясности слога.

Великий английский роман возник из сочетания идейной насыщенности и честного нравоописания. Яркие художественные достижения связаны с именами Джонатана Свифта (1667—1745) и Даниэля Дефо (1660—1731). Это крупнейшие представители английского Просвещения и одни из лучших писателей для детей, хотя книги создавались совсем не для них.

Внимание к душевным переживаниям человека отразилось в поэзии и прозе сентименталистов, а также привело к рождению готического романа. Пробудился интерес к историческому прошлому. В конце века епископ Томас Перси (1729—1811) издал «Памятник английской поэзии» — сборник народных баллад и песен, которые послужили источником вдохновения уже для писателей новой эпохи.

[по О. Свенцицкой, 45: 565—567]

Английское Просвещение развивалось в своеобразных условиях, определявшихся тем, что буржуазная революция в этой стране произошла уже в XVII веке. На XVIII век приходится промышленный переворот, заложивший основы английского капитализма. В соответствии с этим английским просветителям пришлось вести борьбу не с феодальной системой в целом, а с ее пережитками. Кроме того, английские просветители были поставлены перед задачей оценить складывавшийся на их глазах буржуазный строй. В зависимости от отношения к нему в английском Просвещении можно выделить умеренное направление, приемлющее буржуазный строй, и демократическое направление, его критикующее.

Даниэль Дефо относится к умеренному направлению. Ему принадлежат многочисленные литературные произведения, но обессмертил его имя роман «Приключения Робинзона Крузо» (1719). Роман этот — значительная веха на пути становления реализма в западноевропейской литературе. Роман художественно запечатлел новые черты человеческой личности, сложившиеся в результате победы новых общественных отношений. Робинзон — плоть от плоти буржуазного строя, ему чужды дворянские замашки и предрассудки, он ощущает себя творцом своей судьбы, рассчитывающим только на собственные силы, а не на наследственные привилегии. Он предприимчив, его влекут новые, неизведанные страны. Буржуазный

практицизм Робинзона сказывается в том, что отношение к окружающему миру у него почти лишено эмоциональной окраски, он на все смотрит с утилитарной точки зрения, с позиции полезности и выгоды. Эта же черта характеризует и его отношение к людям (Пятнице, Ксури). Не чуждается он и работорговли. Для детей роман интересен своими общечеловеческими идеями. Робинзон Крузо воспринимается прежде всего как человек, попавший в предельно трудные условия необитаемого острова и своими силами добывающий победы над стихиями. Свойственные ему трудолюбие, целеустремленность, находчивость, которые так импонировали людям XVIII века, видевшими в них черты «естественного человека», продолжают вызывать симпатию и восхищение и по сей день.

Стиль романа отличается необычной простотой и ясностью; описания событий, природы, предметов предельно точны и детализированы. Читателю представляется возможность разделить существование Робинзона, пережить его беды и радости, продумать его проблемы.

Первый русский перевод романа появился в 1762 году с французского издания. И только в 40-х годах XIX века с английского языка он был переведен П. А. Корсаковым. Наиболее часто издаваемая русская обработка «Робинзона Крузо» для детей принадлежит К. И. Чуковскому.

Джонатан Свифт, в отличие от Д. Дефо, запечатлел в своем творчестве изъяны буржуазного строя. Свифт известен прежде всего как автор сатирико-фантастического романа «Путешествия Гулливера». В адаптированном виде книга давно вошла в круг детского чтения. В романе — и сатира на современное Свифту английское общество (борьба политических партий, споры церковников, придворные нравы), и описание идеальной патриархальной монархии с просвещенным королем во главе, и описание страны разумных и говорящих лошадей. Роман отличается своеобразием и многогранностью комических приемов, например, комизм противоположностей (Гулливер у лилипутов и великанов), которые вместе со сказочным сюжетом делают первую и вторую книги особенно увлекательными для детей. Но чаще оборачивается сатирой комизм характеров. В целом ряде сатирических образов романа воплощены определенные человеческие типы, по отношению к которым Свифт не жалеет иронии и едкого сарказма.

Распространенные детские издания романа на русском языке — пересказ Т. Габбе двух первых частей для младших школьников и сокращенный перевод всех четырех частей Б. Энгельгардта для школьников среднего возраста.

[по М. Толмачевой, 45: 567—574]

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛИЛИПУТИЮ

(отрывок)

Когда Гулливер проснулся, было уже совсем светло. Он лежал на спине, и солнце светило прямо ему в лицо.

Он хотел было протереть глаза, но не мог поднять руку; хотел сесть, но не мог пошевелиться. Тонкие веревочки опутывали все его тело от подмышек до колен; руки и ноги были крепко стянуты веревочной сеткой; веревочки обвивали каждый палец. Даже длинные густые волосы Гулливера были туго намотаны на маленькие колышки, вбитые в землю, и переплетены веревочками.

Гулливер был похож на рыбу, которую поймали в сеть. «Верно, я еще сплю», — подумал он.

Вдруг что-то живое быстро вскарабкалось к нему на ногу, добралось до груди и остановилось у подбородка. Гулливер скосил один глаз.

Что за чудо! Чуть ли не под носом у него стоит человек — крошечный, но самый настоящий человек! В руках у него — лук и стрела, за спиной — колчан. А сам он всего в три пальца ростом. Вслед за первым человеком на Гулливера забралось еще десятка четыре таких же маленьких стрелков. От удивления Гулливер громко вскрикнул. Человечки замечались и бросились врассыпную. На бегу они спотыкались и падали, потом вскакивали и один за другим прыгали на землю. Минуты две-три никто больше не подходил к Гулливеру. Только под ухом у него все время раздавался шум, похожий на стрекотание кузнечиков. Но скоро человечки опять расхрабрились и снова стали карабкаться вверх по его ногам, рукам и плечам, а самый смелый из них подкрался к лицу Гулливера, потрогал копьём его подбородок и тоненьким, но отчетливым голосом прокричал:

— Гекина дегуль!

— Гекина дегуль! Гекина дегуль! — подхватили тоненькие голоса со всех сторон...

Долго лежал Гулливер на спине. Руки и ноги у него совсем затекли... Недалеко от его правого уха слышался частый, дробный стук, будто кто-то рядом вколачивал в доску гвоздики. Молоточки стучали целый час. Гулливер слегка повернул голову... — возле самой своей головы увидел только что построенный деревянный помост. Несколько человечков прилаживали к нему лестницу. Потом они убежали, и по ступенькам медленно поднялся на помост человек в длинном плаще. За ним шел другой, чуть ли не вдвое меньше ростом, и нес край его плаща. Наверно, это был мальчик-паж. Он был не больше Гулливерова мизинца.

...Он догадался, что перед ним какая-то важная особа, по всей видимости, королевский посол. Прежде всего Гулливер решил попросить у посла, чтобы его накормили. С тех пор как он покинул корабль, во рту у него не было ни крошки. Он поднял палец и несколько раз поднес его к губам. Должно быть, человек в плаще понял этот знак. Он сошел с помоста, и тотчас же к бокам Гулливера приставили несколько длинных лестниц. Не прошло и четверти часа, как сотни сторбленных носильщиков потащили по этим лестницам корзины с едой. В корзинах были тысячи хлебов величиной с горошину, целые окорока — с грецкий орех, жареные цыплята — меньше нашей мухи.

Гулливер проглотил разом два окорока вместе с тремя хлебцами. Он съел пять жареных быков, восемь вяленых баранов, девятнадцать копченых поросят и сотни две цыплят и гусей. Скоро корзины опустели. Тогда человечки подкатили к руке Гулливера две бочки с вином. Бочки были огромные — каждая со стакан. Гулливер вышиб дно из одной бочки, вышиб из другой и в несколько глотков осушил обе бочки. Гулливер подбросил обе разом. Бочки перекувырнулись в воздухе и с треском покатались в разные стороны.

...После вина Гулливеру сразу захотелось спать. Сквозь сон он чувствовал, как человечки бегают по всему его телу вдоль и поперек, скатываются с боков, точно с горы, щекочут его палками и копьями, прыгают с пальца на палец.

Ему очень хотелось сбросить с себя десяток — другой этих маленьких прыгунов, мешавших ему спать, но он пожалел их. Как-никак, а человечки только что гостеприимно накормили его вкусным, сытным обедом, и было бы неблагородно переломать им за это руки и ноги. К тому же Гулливер не мог не удивляться необыкновенной храбрости этих крошечных людей, бегавших взад и вперед по груди великана, которому бы ничего не стоило уничтожить их всех одним щелчком. Он решил не обращать на них внимания и, одурманенный крепким вином, скоро заснул. Человечки этого только и ждали. Они нарочно подсыпали в бочки с вином сонного порошка, чтобы усыпить своего огромного гостя.

[пересказ Т. Габбе, 35: 10—15]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Вспомните и раскройте значение терминов: Возрождение, Просвещение, роман, сатира.
2. Пользуясь материалом учебного пособия, составьте сложный план ответа по теме «Английская литература периода Средневековья и «Нового времени»».

ФОЛЬКЛОР СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Собираание фольклорных произведений в Америке началось только в конце XIX века. Вопрос об оригинальном фольклоре у американского народа, не знавшего дописменного периода, родившегося одновременно с печатным станком и газетой, разного по этническому составу, долгое время считался дискуссионным. Первые профессиональные писатели Америки (В. Ирвинг, Дж. Ф. Купер и др.) сетовали на отсутствие в их отечестве старинных преданий, которые бы сообщали культуре глубину, красочность, неповторимость. Со временем ученые заметили, а художественная литература приняла в себя пеструю, буйную стихию устного народного творчества.

С трагическим опозданием был по достоинству оценен индейский фольклор. Колонисты чаще исходили из убеждения, что «хороший индеец — мертвый индеец»: целые племена погибли, не оставив свидетельств своей духовной жизни. Мифы, легенды, волшебные сказки американских индейцев, веками передававшиеся изустно, удивительно своеобразны, философичны. Они повествуют о красоте мира, миграциях племен, о мудрости жизни, о силе, которую дает человеку родство с природой. В сказках индейцы попросту разговаривают с деревьями и животными, со звездами, Луной и Солнцем, с горами и ветром. В центре повествования часто — герой-индеец или пророк-учитель, который учит индейцев жить в мире и дружбе, а также разным ремеслам.

На основе индейской мифологии Лонгфелло создал эпическую поэму «Песнь о Гайавате», в классическом переводе И. Бунина поэма впервые была издана в России в 1896 году. Гайавата — историческое лицо. Он жил в XV веке, принадлежал к племени Онондага, родственному ирокезам. Оставил о себе благодарную память как учитель и вождь племени, заботящийся о его счастье и процветании. В «Песне о Гайавате» — поэтические картины природы Северной Америки, быта, культуры, верований индейцев. В поэме рассказывается о рождении, детстве, подвигах Гайаваты, обучившего свой народ искусствам, ремеслам, письменности, врачеванию. В поэме большое место занимают призывы к миру, дружбе между людьми. Потомок месяца и сын западного ветра, Гайавата предстает

не только как сказочный богатырь, но и как воплощение трудолюбия, отваги и мудрости индейского народа.

Сказки североамериканских индейцев, вошедшие в круг детского чтения, представлены в книге «Сын Утренней Звезды» (М., 1971). Они взяты из наиболее известных американских и канадских изданий, отражают особенность индейского фольклора — своеобразие и емкость языка, отличающегося поэтичностью и точностью. Многие сказки сборника рассказывают о дружбе человека со зверем, о близости его к природе. В них отражаются быт и воззрения индейцев, их этика и моральные требования. Удивительна в этом отношении сказка «Сын Утренней Звезды», где мы встречаем противостояние Звездного и Земного миров, убеждаемся, что тема жизни на других планетах по-своему волновала индейцев. Последняя сказка сборника — «Как был зарыт томагавк» — посвящена актуальной и вечной проблеме: как положить конец войнам и установить мир. Решение по-сказочному простое и по-народному мудрое: зарыть томагавк, т. е. уничтожить оружие войны.

Начиная с XVII века в Новый Свет хлынули переселенцы из многих стран Европы и Азии. Они привозили с собой сказания и песни, переосмысливали, заимствовали друг у друга отдельные элементы, так формировалась основа национальной культуры.

Своеобразный американский фольклор создавался почти на всем протяжении XIX века в ходе освоения континента: его творцами были охотники и лесорубы, фермеры и старатели — те, кому выпало на долю первыми пройти нелегкий путь от атлантического побережья к тихоокеанскому, приручая свою нравную природу. Простодушно-лукавое, исполненное жизнерадостия народное воображение рождало образы гигантов-тружеников, не знающих равных по силе и ловкости. В веселых историях о лесорубе Поле Баньяне рассказывалось, что был он настолько силен, что мог передвигать холмы, а работал так лихо, что топор раскалялся докрасна и приходилось остужать его в озере. Под стать Баньяну и другие герои: первопроходцы-охотники Даниэл Бун, Дэви Крокетт; Майк Финк — «полулошадь, полуаллигатор», первый удалец среди миссисипских лодочников; ковбой из Техаса Пекос Билл, который мог оседлать даже молнию или ураган. В этих историях эпические образы сочетались с приметами делового технического века:

герой меряется силами не только с природой, но и с машиной. Так, о великане негре-молотобойце Джоне Генри рассказывали, что он однажды бежал, настилая железнодорожное полотно, впереди курьерского поезда, и поезд так и не смог его догнать.

Особую роль в становлении американского фольклора сыграло устное творчество афроамериканцев. Отторженные от родных корней, вынужденные усваивать религию и язык хозяев, в своем социальном статусе приравненные к рабочему скоту, они не только сумели сохранить элементы национального фольклора, но и на его основе создали оригинальнейшую музыкальную и поэтическую культуру. Сказки о животных и шуточные побасенки, баллады и духовные песнопения (спиричуэлс) стали одной из самых колоритных составляющих общеамериканской словесности.

Из американского фольклора

КОЛЬ ХОТИТЕ

Коль хотите, чтобы вас
Укусили в руку,
Разыщите щучью пасть,
Суньте руку в щуку!

ОДНАЖДЫ МОНЕТУ НАШЕЛ Я В ГРЯЗИ

Однажды монету нашел я в грязи
И с этой монетой зашел в магазин.
Я взял себе бублик и сушку вдобавок
И деньги свои положил на прилавок.
Взглянула на деньги мои продавщица:
— Эй, мальчик, монета твоя не годится.
Ты видишь — в монете большущая дырка!
— Ах, тетенька-тетенька, это придирка —
И в сушке и в бублике тоже дыра.

СЛОН И СВЕРЧОК

Ногу слону отдал слон сверчок.
Слон — гора, а сверчок — с вершок.
Слон заплакал: дрянной сверчок.

Давил бы ноги другим сверчкам,
А то слонам признаваться срам,
Что ногу слону отдалив сверчок.

В ДЕТСТВЕ УВИДЕЛ — ПОМНЮ ПОНЫНЕ

В детстве увидел — помню поныне:
Кошка шила на швейной машине,
Вдруг взбунтовалась ее машина
И кошке лапу к шитью пришила.

МОЖНО ВОЙТИ, СЭР?

— Можно войти, сэр?
— Нет, сэр.
— Отчего, сэр?
— Я простужен, сэр.
— Где вы простудились, сэр?
— На Северном полюсе, сэр.
— А что вы там делали, сэр?
— Ловил медведей, сэр.
— И много поймали, сэр?
— Одного, двух, трех, четырех...

КАК ТЫ И ТВОЯ СЕМЬЯ

Как ты и твоя семья
Меня и мою семью,
Так я и моя семья
Тебя и твою семью
Любим: ведь не любил
Никто и ничья семья
Никого и ничью семью,
Как я и моя семья
Тебя и твою семью,
Как ты и твоя семья
Меня и мою семью.

Получил я ее в лесу,
Уселся и стал рассматривать.
Чем больше смотрел,

Тем меньше она мне нравилась.
И так как я не нашел ее,
То принес с собою домой.

ЧАЙНИК

Я чайник — ворчун, хлопотун, сумасброд,
Я всем на показставляю живот,
Я чай кипячу, клопочу и кричу:
— Эй, люди, я с вами почайпить хочу!

ОН ВЗГЛЯДОМ НА МЕНЯ ВЗГЛЯНУЛ

Он взглядом на меня взглянул,
Улыбкой улыбнул,
Потом рукою руканул
И мигом подмигнул.

[пер. Л. Сергеева, 27: 29, 56, 75, 136, 163]

КАК БЫЛ ЗАРЫТ ТОМАГАВК

(сказка индейцев Северной Америки)

Во главе одного индейского племени некогда стоял мудрый вождь. Звали его Белое Перо. Много раз его воины выходили победителями в сражениях, и первым среди них всегда был Белое Перо. Не ступал еще на тропу войны индеец храбрее и сильнее его.

Однажды, бродя между вигвамами, взглянул Белое Перо на играющих детей, и лицо его омрачилось. «Что ждет их в будущем? — размышлял он. — Скоро эти мальчишки возьмут в руки оружие, и сердца их наполнятся радостью, когда острые стрелы полетят в птицу или зверя. Придет время, и они так же станут разить людей. Но многие из них падут в битвах. Из девочек вырастут верные жены. Однако если мужья их или сыновья не вернуться после жаркой битвы, они тайком ото всех будут плакать по ночам, и глаза их выцветут, лица увянут, а спины сгорбятся».

Собрал тогда вождь старейшин своего племени и сказал:

— Тот, кто первым поднял томагавк на своего брата, был дурной человек!

Долго говорил еще Белое Перо, и старейшины согласно кивали головами. Когда вождь закончил, повелели они послать в соседнее селение гонцов:

— Пусть повсюду объявят, что отныне ни одна наша стрела не полетит в человека!

Самые сильные юноши племени — Легкий Мокасин и Быстрый Олень — понесли эту весть.

Лес на их пути становился все гуще и сумрачнее, ноги юношей начали вязнуть в болоте. И тогда Легкий Мокасин обернулся ястребом, а Быстрый Олень — волком. Звериными тропами пробрались они через такие места, где человеку не пройти.

Когда же солнце проглянуло сквозь толщу еловых веток, юноши приняли свой прежний облик и продолжали путь.

Дозорные чужого племени издалека заметили двух воинов. Однако на лицах пришельцев не было ярких боевых полос, а в руках оружия, поэтому их встретили как гостей и проводили к вождю.

Вождь выслушал юношей и повернулся к старейшинам племени.

— Кто лучше меня знает, что такое война? — загремел его голос. — Если бы слезы, что пролили наши жены, собрать воедино, перед нами заплескалось бы море без берегов. Если кровь, которую пролили наши воины, ключом забьет из земли, она окрасит все реки и озера в алый цвет! Не раз без страха ходил я в сражения, и никто не посмеет назвать меня трусом. Но теперь говорю: пусть будет мир! Через четыре дня мы сойдемся на берегу Большой реки с племенем Белого Пера. Там закопаем мы наше оружие и станем жить как братья. Я сказал!

Никто не возразил старому вождю. Легкий Мокасин и Быстрый Олень пустились в обратный путь.

Три дня после их возвращения прошли в нетерпеливом ожидании, а на четвертый все племя в самых лучших нарядах собралось у вигвама Белого Пера.

В полдень на берегу реки встретились два племени...

Солнце не прошло и полпути в небе, а индейцы уже вырыли глубокую яму. Первыми бросили в нее свои томагавки оба вождя, а потом и все остальные воины обоих племен.

До самой ночи неслись над рекой песни радости! Даже Великое Солнце не хотело уходить с небосвода, потому что не видало еще людей более счастливых!

[39: 7—9]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Вспомните и раскройте значение литературоведческих понятий: миф, мифология, мифологический образ, эпос.

2. Определите жанры текстов американского фольклора. В чем их своеобразие?

3. Подберите народную пословицу, выражающую тему сказки «Как был зарыт томагавк». Почему она так важна для этого народа? В чем сходство с русскими народными сказками, а в чем отличие?

4. Составьте простые тезисы текста учебного пособия по теме «Истоки американского фольклора».

АНГЛИЙСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

Оригинальная и переводная детская литература 1-й пол. XIX века отличается многообразием идейных и художественных направлений. Продолжают появляться познавательные книги, в которых заметны просветительские тенденции. В круг детского чтения входят произведения романтиков и представителей критического реализма.

Деятельность романтиков в XIX веке открыла читательской публике устное народное творчество, национальные истоки литературы каждого народа. Это способствовало развитию литературы для детей. Романтизму принадлежит и открытие детства в качестве самоценной стадии духовного развития человека. Детство в произведениях романтиков осмысливалось как драгоценный мир в себе, глубина и прелесть которого притягивает взрослых. Романтизм не только открыл детство, но и оставил в наследство его идеализацию, умиление перед ним.

С развитием реалистических тенденций, углублением психологизма в литературе для детей утверждается многогранный образ детства. В нем писатели открывают истоки развития человечества, проникают во внутренний мир ребенка, постигая сложность и глубину его характера, показывают, как формируется личность. Основное, что определяет творчество лучших писателей, — доверие к детству, уважение к растущему человеку.

Литературная сказка возникла в Англии в начале XIX века. Она выросла из записей фольклористов в эпоху романтизма, когда появился пристальный интерес ко всему народному, национальному. Сбирать и записывать народные сказки в Англии стали лишь в конце XIX века, но интерес к легендам и сказаниям замечен еще в произведениях авторов позднего средневековья — например, в книгах Томаса Мэлори. В духе народной сказочной поэзии написаны пьесы Шекспира «Зимняя сказка», «Буря», «Сон в летнюю ночь»; в последней мы знакомимся с эльфом-проказником Паком, который впоследствии станет героем сказочных сборников Р. Киплинга «Пак с холмов Пэка» и «Подарки фей».

Возникновение литературной английской сказки связано с творчеством писателя и ученого Вильяма Роско, который

считается основоположником анималистической сказки. Его традиции в произведениях для детей младшего возраста продолжили Р. Киплинг, Х. Лофтинг, Б. Поттер, К. Грэм.

Первая сказка-абсурд, сказка-нелепица появилась в 1839 году — «Невероятная история о великанах и эльфах» Кэтрин Синклер. В ней возможно все: великан кипятит котел на Везувии, совершает прогулки вокруг земного шара, а чай заваривает в озере. В 1946 году первую (из четырех) «Книгу нонсенов» выпустил поэт Эдвард Лир. Ему принадлежит честь создания слова «нонсенс», которое теперь существует во всех языках мира. В историю детской мировой литературы Лир вошел и как родоначальник нового стихотворного жанра — лимерик. Особенно известна «абсурдная» сказка стала благодаря Льюису Кэрроллу, сочинившему сказки для своей любимицы Алисы Лидделл, по имени которой они и названы.

Литература абсурда, нонсенса имеет глубокие корни в народной поэзии, являясь своеобразным способом осмысления мира.

Поэтическое творчество Эдварда Лира

Неприятие буржуазной действительности выразилось в *литературе нонсенса*, т. е. в развлекательных бессмыслицах и перевертышах, юмористических стихах и сказках. Слово «нонсенс» придумал Эдвард Лир (1812—1888), основоположник английской детской литературы, создатель нового направления — юмористической литературы абсурда.

Эдвард Лир был человеком необычайно одаренным, поэтому остро воспринимал жизненные конфликты. Поэт, художник, немного композитор, с ярко выраженным юмористическим и ироническим отношением к окружающему миру, Лир воспринимал нелепость ханжеских нравов в смешном аспекте, словно сокрушаясь, что люди так несовершенны, создали обременительные условности, мешающие естественному проявлению человеческих чувств, искренности, радости.

Сам он был своего рода отшельником. Из-за плохого здоровья или по другим причинам рано покинул Англию, много путешествовал, долгое время жил во Франции, Италии.

Лир написал большое количество песен, баллад и стихов-нонсенов. В 1846 году он выпустил первый сборник нонсенов, позднее вышли еще три. Все в этих книгах поставлено с ног

на голову, стихи-перевертыши и странные картинки, нелепые сказки и бестолковая ботаника, несуразная азбука и никудышная кулинария. Лир переосмыслил эксцентрическое начало, свойственное английскому фольклору, сделав его главным принципом своей поэзии. Во всех нелепицах на самом деле много смысла и много игры. Игра со словом и со смыслами развивает чувство языка.

В сказке Э. Лира «Чики-Рики — воробей», кроме забавной истории о заботливом воробьином семействе, примечателен припев — песенка воробья. Если на такую подробность не обратить внимание ребенка, останется незамеченным тот добрый юмор, улыбка, всеобъемлющая любовь к маленькой, суетливой птичке. Что может быть проще песенки воробья? Поэт изображает воробьиное чириканье четыре раза по-разному. Такое нужно не только суметь, но и услышать столько переливов звука в обыкновенном «чик-чирик».

Лимерик — старинный народный жанр, который Лир использовал как наиболее приемлемый для шуточных импровизаций. Название «лимерик» идет от ирландского города Лимерика: в этом городе, по преданию, распевались такие импровизированные народные песни во время застолья. Лимерик состоит из пяти строк, две из которых либо повторяются, либо варьируются (тогда повторяется только рифма). В первой, довольно длинной строке лимерика, обычно описывается, кто и где жил да был. Вторая, тоже довольно длинная строка, знакомит с какой-то интересной особенностью героя. Третья и четвертая строки короткие — они повествуют о неожиданных и невероятных событиях, странном поступке героя. Пятая строка, довольно длинная и самая смешная, часто повествует о реакции окружающих на поступок героя. Рифма в лимерике строго фиксирована: первая и вторая строки рифмуются с пятой, а третья с четвертой. Очень часто начинаются со слов «There was a...».

*There was a king, and he had three daughters,
And they all lived in a basin of water;
The basin bended,
My story's ended.
If the basin had been stronger,
my story would have been longer.*

Герои лимериков — большие чудачки и чудачки.

Лир несколько переиначил лимерик, не всегда выдерживая традиционный размер строфы.

*Жил-был старичок из Гвинеи,
Он был очень многих умнее.
Купил он коня
И средь бела дня
Сбежал от людей из Гвинеи.*

Этот образец лимерика скорее всего автобиографичен: он напоминает о Лире, сбежавшем от людей из викторианской Англии, от тупости и практичности, от мещанского благоразумия. В других текстах Эдварда Лира высмеиваются многие консервативные нормы быта и поведения англичан, косность человеческой мысли, в какой бы форме она ни проявлялась.

В 1871 году вышел второй сборник — «Бессмысленные песни, рассказы, ботаника и алфавиты», многие тексты из которого переведены С. Я. Маршаком. В 1877 году — «Смехотворная лирика», в 1882 — «Еще более чепуховые песенки». Эдвард Лир сам иллюстрировал свои книги.

Лир сознательно развлекал своих читателей, показывая мир таким, как это свойственно детскому фольклору с его весельем, радостью, противопоставленным скучной морали и нравоучениям взрослых. Но в то же время в его стихах чувствуется особый склад характера человека, который боится громких слов для проявления чувств и выражает их в ироническом тоне. Темы одиночества, потребность в нежности и любви звучат у него не в лирической, а в озорной тональности, словно поэт сам иронизирует над своими чувствами.

Большинство персонажей в стихах Лира все время путешествуют в поисках свободы, вольного духа и экзотики. Так путешествуют чудачки в балладе «В страну джамблей». Джамбли — придуманные поэтом существа с зелеными головами и синими руками, которые живут в далекой стране, на горном хребте. Путешествует Утка на хвосте Кенгуру, чтобы посмотреть на мир, путешествуют щипцы для орехов и щипцы для конфет.

Щипцы для орехов сказали соседям —
 Блестящим и тонким щипцам для конфет:
 — Когда ж наконец мы кататься поедем,
 Покинув наш тесный и душный буфет?
 ...Пора нам, — вздохнули щипцы для орехов,
 Бежать из неволи на солнечный свет.
 Мы всех удивим, через город проехав!
 — Еще бы! — сказали щипцы для конфет.
 ...И вот по дороге спокойно и смело,
 Со щелканьем четким промчались верхом
 Щипцы для орехов на лошади белой,
 Щипцы для конфет на коне вороном.
 Промчались по улице в облаке пыли,
 Потом — через площадь, потом — через сад...
 И только одно по пути говорили:
 — Прощайте! Мы вряд ли вернемся назад!
 И долго еще отдаленное эхо
 До нас доносило последний привет
 Веселых и звонких щипцов для орехов,
 Блестящих и тонких щипцов для конфет...

[пер. С. Маршака]

В песне «Комар-Долгоног и Муха» у одного слишком длинные ноги, у другой слишком короткие, поэтому Комар и Муха не могут блистать при королевском дворе: ведь там столько условностей!

*Кругом царит такой сумбур,
 Все в этом мире чересчур!*

Гармония существует только в стране джамблей. Это тоже своеобразный романтический уход от скучной реальности. Смеясь над своей мечтой, Лир помогает маленьким читателям воспринимать иронически многие несообразности жизни. Дети реагируют более непосредственно на чудачества «перевернутого мира» в юмористической поэзии этого английского мудреца.

FROW «A BOOK OF NONSENSE»

There was an Old Person of Ewell,
 Who chiefly subsisted on gruel;
 But to make it more nice, he inserted some mice,
 Which refreshed that Old Person of Ewell.

There was an old man of Dumbree,
 Who taught little owls to drink tea;
 For he said, «To eat mice is not proper or nice»,
 That amiable man of Dumbree.

There was an old person of Bray,
 Who sang through the whole of the day
 To his ducks and his pigs, whom he fed upon figs,
 That valuable person of Bray.

[41: 41, 53, 54]

ЭДВАРД ЛИР О САМОМ СЕБЕ

Мы в восторге от мистера Лира,
 Исписал он стихами тома.
 Для одних он — ворчун и придира,
 А другим он приятен весьма.
 Десять пальцев, два глаза, два уха
 Подарила природа ему.
 Не лишен он известного слуха
 И в гостях не поет потому...
 Он рыдает, бродя в одиночку
 По горам, среди каменных глыб,
 Покупает в аптеке примочку,
 А в ларьке — марципановых рыб.
 По-испански не пишет он, дети,
 И не любит он пить рыбий жир...
 Как приятно нам знать, что на свете
 Есть такой человек — мистер Лир.

[пер. С. Маршака, 27: 59]

ЛИМЕРИКИ

Жил-был старичок из Гонконга,
Танцевавший под музыку гонга.
Но ему заявили:
«Прекрати это — или
Убирайся совсем из Гонконга!»

Жил-был старичок из Винчестера,
За которым погнались шестеро.
Он вскочил на скамью,
Перепрыгнул свинью
И совсем убежал из Винчестера.

Жила на горе старушонка,
Что учила плясать лягушонка.
Но на все «раз — и — два»
Отвечал он: «Ква-ква!»
Ох, и злилась же та старушонка.

Один старикашка с косою
Гонялся полдня за осою.
Но в четвертом часу
Потерял он косу
И был крепко укушен осою.
[пер. Г. Кружкова, 37: 82—86]

ЧИКИ-РИКИ — ВОРОБЕЙ

Чики-Рики — воробей
Отдыхал в тени ветвей,
А жена его для крошек
Суп готовила из мошек,
Для полдюжины ребят,
Желторотых воробьят.
И над ними тихо-тихо

Пела песню воробьях:
Твики-вики-вики-ви,
Чики-рики-твики-ти,
Спики-бики-би!
Воробьях шепчет мужу:
— Милый друг, в такую стужу
Мне все ночи напролет
Спать твой кашель не дает.
И чихаешь ты ужасно.
Мне давно уж стало ясно,
Что тебе во время сна
Шапка теплая нужна!
Чики-вики-мики-ти,
Бики-вики-тики-ми,
Спики-чипи-ви!
Ты не стар, но и не молод,
И тебе опасен холод.
Надо, надо не забыть
Завтра шапку раздобыть.
Воробей ответил: — Верно!
Ты заботлива безмерно,
И тебе желаю я
Счастья, уточка моя!
Витчи-битчи-литчи-би,
Твики-мики-вики-би,
Тики-тики-ти!
О тебе, в постели лежа,
Я сегодня думал тоже —
Как ужасно ты храпишь,
И чихаешь, и сопишь.
Воробьи — народ незаябкий,
Но нельзя нам спать без шапки.
Полетим с тобой вдвоем,
Капор в городе найдем.
Витчи-китчи-китчи-ви,
Спики-вики-мики-би,
Чипи-випи-чи!
Купим в Лондоне сапожки
На твои босые ножки,
Купим платье мы с тобой,

Шарф небесно-голубой,
 Теплый капор самый модный,
 Как у дамы благородной!
 Джики-вики-бики-ти,
 Чики-бики-вики-би,
 Твики-витчи-ви!
 Утром оба, встав с постели,
 В город Лондон полетели.
 Опустились на момент
 На старинный монумент.
 А потом на Пикадилли
 Платье с обувью купили,
 Воробью купили шляпу,
 Воробьихе — модный капор.
 Зики-вики-мики-би,
 Витчи-витчи-митчи-ки,
 Рики-тики-ви!
 Увидав отца и мать,
 Дети начали кричать:
 — Как нарядны мама с папой!
 Как идут обоим шляпы!
 Воробей сказал: — О да!
 Мы одеты хоть куда,
 Можем в таком уборе
 Красоваться на заборе
 И чирикать:
 Чики-чи!
 Чиви-чиви-бики-би!
 Чики-рик.

[пер. С. Маршака, 32: 96]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Вспомните значение следующих понятий: небылица, нонсенс.
2. Нарисуйте словесный портрет Э. Лира? Что было свойственно личности поэта.
3. Составьте тезисный план ответа по теме «Творчество Эдварда Лира в чтении детей».
4. Выполните по вашему выбору одно из творческих заданий: перевести с английского лимерик Э. Лира или сочинить лимерик.

Льюис Кэрролл

Чарльз Доджсон (1832—1898) — профессор Оксфордского университета, специалист в области математической логики и анализа, поражающий оригинальностью суждений; блестящий фотограф (его снимки в анналах художественной фотографии), вошел в английскую литературу как поэт и сказочник Льюис Кэрролл, автор замечательных сказок «Алиса в стране чудес» (1865), «Алиса в Зазеркалье» (1871). Их он сочинил для своей любимицы Алисы Лидделл, дочери его друзей, обаятельной, умной и воспитанной девочки. Первая сказка была рассказана трем маленьким девочкам во время прогулки по реке Темзе, другая написана для выросшей Алисы, оставшейся другом Кэрролла на долгие годы.

Сюжет сказок сконцентрирован вокруг путешествий Алисы в подземелье, по карточному королевству и по Зеркальной шахматной стране.

Истоки сказок Кэрролла в английском фольклоре, с его юмором, тягой к эксцентричности, к нелепицам, перевертышам, каламбурам, шуткам, играм.

В сказках оживали старинные образы, запечатленные в пословицах и поговорках. «Безумен как мартовский заяц» — поговорка записана и опубликована в 1327 году. Чеширский кот обязан своей улыбкой поговорке «Улыбается, словно чеширский кот». Так говорили англичане еще в средние века. В сборнике 1564 года опубликована пословица «Котам на королей смотреть не возбраняется». Уходя корнями в глубину национального сознания, пословицы и поговорки реализовываются в развернутые метафоры, определяющие характер персонажей и их поступки.

Кэрролл не просто включает в свои сказки старые народные песенки, но и разворачивает их в целые прозаические эпизоды, сохраняя дух и характер фольклорных героев и событий, известных и русским маленьким читателям, в частности, по замечательным переводам С. Я. Маршака. Вот перед Алисой на высокой стене возникает самодовольный круглый Шалтай-Болтай. А в глуши леса девочка встречает смешных озорников — Труляля и Траляля, пришедших из старой детской песенки о чудакотых братцах, поссорившихся из-за испорченной погрешки.

Обыгрывая мотивы народной поэзии, Кэрролл вводит в сказку и множество своих стихов, в основном — пародий. Теперь, когда прототипы этих пародий забыты, стихи привлекают своими «лепыми нелепицами».

Однако многое ускользает от русского читателя, так как ему не известны некоторые обычаи, детали английского быта. В тексте множество персонажей, имеющих реальных прототипов в окружении Алисы Лидделл: орленок Эд — ее младшая сестра Эдит, попугайчик Лори, который все время хвастается, что он старше и «лучше знает, что к чему», — старшая сестра Лорина; Робин Гусь — приятель Кэрролла Дакворт, участник знаменитой лодочной прогулки; нелепая, заикающаяся птица Додо — сам автор. Кошка Дина, котенок Снежинка, чудак Болванчик и другие персонажи существовали на самом деле. Поэтому при чтении важны не только сами тексты, но и предисловия и комментарии, адресованные детям. Лучшее из предисловий принадлежит Н. Демуровой.

Что такое перевернутый мир, куда попадает Алиса вслед за Белым кроликом, как не та же самая Англия? Здесь есть королева, приказывающая рубить головы, а уж потом разбираться, виновен казненный или нет; есть суд присяжных, который ничего не решает; есть законы, написанные много сотен лет назад и остающиеся неизменными; есть даже традиционные чаепития, игра в крокет и прочие детали английского быта. Но реальная жизнь доведена до гротеска, осмыслена иронически — и поэтому предстает как смешная нелепость. Абсурд прикрывает здравый смысл, под детскими шутками скрывается социальная сатира, милые стихи подчас являются пародией. И это был единственный способ писать о проблемах, которых не позволяло коснуться викторианское ханжество.

Исследователи творчества Кэрролла находят политические, психологические, психоаналитические, богословские, математические, физические, филологические аллегории. Вероятно, на это есть свои основания. Даже если Кэрролл не думал об этом, когда писал свою книгу, в ней не могла не отразиться сложная внутренняя жизнь ученого и поэта.

В сказках об Алисе — уроки логических умозаключений, сопоставлений, выяснения причин и следствий. Например, сравнение пропорций, величин — чисто детское свойство познания мира. Интересен и разговор Алисы с Чеширским ко-

том, который утверждает, что в этом государстве все не в своем уме. «Начнем с того, — сказал кот, — что пес в своем уме... Пес ворчит, когда сердится, а когда доволен, виляет хвостом. Ну, а я ворчу, когда я доволен, и виляю хвостом, когда сержусь. Следовательно, я не в своем уме». В главе о Безумном чаепитии разговор заходит о времени. Часы у Шляпника показывают число, а не час. Вроде бы абсурд. Но время исчисляется не только часами и минутами, а и днями, неделями, годами, столетиями. Почему часы не могут показывать год или день? Не иначе, как изобретатель современных электронных часов внимательно читал сказку Кэрролла.

Прежде всего, сказки привлекают детей игрой слов. Сочетание «убить время» осмысливается как ничегонеделание и как буквальное уничтожение времени. Или: Белый рыцарь, падающий все время головой в канаву, говорит, что чем глубже застревает в канаве голова, тем глубже оказывается его ум. Так объясняет и творит слова ребенок, и получаются «кисельные барышни», «бармаглотские» чудеса; заявление Белой Королевы, что она «два часа отчаивалась с вареньем и сладкими булочками»; а треска называется треской, потому что от нее треску много...

Кэрролл поистине мастер каламбура.

«Yes, we went to school in the sea, though you mayn't believe it —»

...«We had the best of educations — in fact, we went to school every day —»

«I've been to a day-school too», said Alice; «you needn't be so proud as all that».

«With extras?» asked the Mock Turtle a little anxiously.

«Yes», said Alice, «we learned French and music».

«And washing?» said the Mock Turtle.

«Certainly not !» said Alice indignantly.

«Ah! then yours wasn't a really good school», said the Mock Turtle in a tone of great relief. «Now at ours they had at the end of the bill, "French, music, and washing — extra."»

«You couldn't have wanted it much», said Alice; «living at the bottom of the sea».

«I couldn't afford to learn it», said the Mock Turtle with a sigh. «I only took the regular course».

«What was that?» inquired Alice.

«Reeling and Writhing, of course, to begin with», the Mock Turtle replied: «and then the different branches of Arithmetic — Ambition, Distraction, Uglification, and Derision».

«I never heard of Uglification», Alice ventured to say. «What is it?»

The Gryphon lifted up both its paws in surprise. «Never heard of uglifying!» it exclaimed. «You know what to beautify is, I suppose. Don't you?»

«Yes», said Alice, doubtfully: «it means — to — make — anything — prettier».

«Well then», the Gryphon went on, «if you don't know what to uglify is, you are a simpleton».

Alice did not feel encouraged to ask any more questions about it, so she turned to the Mock Turtle, and said, «What else had you to learn?»

«Well, there was Mystery», the Mock Turtle replied, counting off the subjects on his flappers — «Mystery, ancient and modern, with Drawling — the Drawling — master was an old conger-eel, that used to come once a week: he taught us Drawling, Stretching, and Fainting in Coils».

Динамичность и остросюжетность действию придают диалоги. Кэрролл почти не описывает героев, природу, обстановку. Выигрывает тот, кто умеет обвести вокруг пальца соперника-собеседника. Алиса вроде бы не делается умнее и не набирается настоящего опыта, но читатель, благодаря ее победам и поражениям, развивает свой интеллект.

Дети видят в сказках невероятные приключения маленькой девочки, принимают как совершенно естественное все превращения, ибо мир сказки всегда причудлив. Автор утверждает, что детский ум, не заторможенный «безусловными и непрекращаемыми истинами», куда более восприимчив к абстрактным явлениям, над которыми ломают головы сторонники «здорового смысла», «житейской мудрости». И русского маленького читателя и слушателя привлекают, прежде всего, фантастический сюжет, смешные истории, стихи-нелепицы. Все это любят дети, независимо от страны, в которой они живут.

Сказки Кэрролла, опирающиеся на английскую фольклорную традицию, положили начало новому направлению в детской литературе. «Нонсенс» оказался привлекательной фор-

мой познания мира ребенком и выражения его внутренних психических потребностей, и в современной литературе мы увидим продолжение развития этой линии.

В озорных кэрролловских сказках нет скучной морали, дидактики. Но нельзя утверждать, что они вне нравственности. Ведь маленькая героиня воплощает этический идеал автора. Английский писатель Уолтер Дедамэр писал о ней: «Алиса с ее спокойным, но выразительным лицом и милой привычкой встряхивать головой, учтивая, приветливая — за исключением тех случаев, когда она должна постоять за себя, — легко примиряющаяся, склонная к слезам, но и умеющая их проглотить; с ее достоинством, прямоотой, чувством долга, мужеством (даже в самых немыслимых ситуациях) и стойкостью». В странный мир чудес эта девочка вносит чистоту и гармонию.

Кэрролл создает мир, противоречащий скучному здравому смыслу, нарушающий привычную обыденность нашей жизни, стремящийся к празднику, творческому взлету фантазии. В этом он духовно созвучен самым творческим и внутренне свободным людям на свете — детям.

Сказки неоднократно переводились на русский язык. Многие талантливые переводчики стремились дать собственную версию — Т. Щепкина-Куперник, В. Набоков, Н. Демурова, Б. Заходер, В. Орел, А. Щербаков, Л. Яхнин.

A MAD TEA-PARTY

There was a table set out under a tree in front of the house, and the March Hare and the Hatter were having tea at it: a Dormouse was sitting between them, fast asleep, and the other two were using it as a cushion, resting their elbows on it, and talking over its head. «Very uncomfortable for the Dormouse», thought Alice: «only as it's asleep, I suppose it doesn't mind».

The table was a large one, but the three were all crowded together at one corner of it: «No room! No room!» they cried out when they saw Alice coming. «There's plenty of room», said Alice indignantly, and she sat down in a large arm-chair at one end of the table.

«Have some wine», the March Hare said in an encouraging tone. Alice looked all round the table, but there was nothing on it but tea. «I don't see any wine», she remarked.

«There isn't any», said the March Hare.

«Then it wasn't very civil of you to offer it», said Alice angrily.

«It wasn't very civil of you to sit down without being invited», said the March Hare.

«I didn't know it was your table», said Alice; «it's laid for a great many more than three».

«Your hair wants cutting», said the Hatter. He had been looking at Alice for some time with great curiosity, and this was his first speech.

«You should learn not to make personal remarks», Alice said with some severity: «It's very rude».

The Hatter opened his eyes very wide on hearing this; but all he said was, «Why is a raven like a writing desk?»

«Come, we shall have some fun now!» thought Alice. «I'm glad they've begun asking riddles—I believe I can guess that», she added aloud.

«Do you mean that you think you can find out the answer to it?» said the March Hare.

«Exactly so», said Alice.

«Then you should say what you mean», the March Hare went on.

«I do», Alice hastily replied; «at least — at least I mean what I say — that's the same thing, you know».

«Not the same thing a bit!» said the Hatter. «Why, you might just as well say that “I see what I eat” is the same thing as “I eat what I see!”»

«You might just as well say», added the March Hare, «that “I like what I get” is the same thing as “I get what I like!”»

«You might just as well say», added the Dormouse, who seemed to be talking in his sleep, «that “I breathe when I sleep” is the same thing as “I sleep when I breathe!”»

«It is the same thing with you», said the Hatter, and here the conversation dropped, and the party sat silent for a minute, while Alice thought over all she could remember about ravens and writing desks, which wasn't much.

The Hatter was the first to break the silence.

«What day of the month is it?» he said, turning to Alice: he had taken his watch out of his pocket, and was looking at it uneasily, shaking it every now and then, and holding it to his ear.

Alice considered a little, and said, «The fourth».

«Two days wrong!» sighed the Hatter. «I told you butter wouldn't suit the works!» he added, looking angrily at the March Hare.

«It was the best butter», the March Hare meekly replied.

«Yes, but some crumbs must have got in as well», the Hatter grumbled: «you shouldn't have put it in with the bread-knife».

The March Hare took the watch and looked at it gloomily: then he dipped it into his cup of tea, and looked at it again: but he could think of nothing better to say than his first remark, «if it was the best butter, you know».

Alice had been looking over his shoulder with some curiosity. «What a funny watch!» she remarked. «It tells the day of the month, and doesn't tell what o'clock it is!»

«Why should it», muttered the Hatter.

«Does *your* watch tell you what year it is?»

«Of course not», Alice replied very readily: «but that's because it stays the same year for such a long time together».

«Which is just the case with mine», said the Hatter.

Alice felt dreadfully puzzled. The Hatter's remark seemed to her to have no sort of meaning in it, and yet it was certainly English. «I don't quite understand you», she said, as politely as she could.

«The Dormouse is asleep again», said the Hatter, and he poured a little hot tea on to its nose.

The Dormouse shook his head impatiently, and said, without opening his eyes, «Of course, of course: just what I was going to remark myself».

«Have you guessed the riddle yet?» the Hatter said, turning to Alice again.

«No, I give it up», Alice replied: «what's the answer?»

«I haven't the slightest idea», said the Hatter.

«No, I», said the March Hare.

Alice sighed wearily. «I think you might do something better with the time», she said, «than wasting it in asking riddles that have no answers».

«If you knew Time as well as I do», said the Hatter, «you wouldn't talk about wasting it: It's him»

«I don't know what you mean», said Alice.

«Of course you don't!» the Hatter said, tossing his head contemptuously. «I dare say you never even spoke to Time!»

«Perhaps not», Alice cautiously replied: «but I know I have to beat time when I learn music».

«Ah! That accounts for it», said the Hatter. «He won't stand beating. Now, if you only kept on good terms with him, he'd do almost anything you liked with the clock. For instance, suppose it were nine o'clock in the morning, just time to begin lessons: you'd only have to whisper a hint to Time, and round goes the clock in a twinkling! Half-past one, time for dinner!»

(«I only wish it was», the March Hare said to itself in a whisper.)

«That would be grand, certainly», said Alice thoughtfully: «but then—I shouldn't be hungry for it, you know».

«Not at first, perhaps», said the Hatter: «but you could keep it to half-past one as long as you liked».

«Is that the way you manage?» Alice asked.

The Hatter shook his head mournfully. «Not I», he replied. «We quarreled last March—just before he went mad, you know»—(pointing with his teaspoon at the March Hare)—«it was at the great concert given by the Queen of Hearts, and I had to sing:

*«Twinkle, twinkle, little bat!
How I wonder what you're at?»*

«You know the song perhaps?»

«I've heard something like it», said Alice.

«It goes on, you know», the Hatter continued in this way:

*«Up above the world you fly,
Like a tea-tray in the sky.
Twinkle, twinkle—»*

Here the Dormouse shook itself, and began singing in its sleep, «twinkle, twinkle, twinkle, twinkle—» and went on so long that they had to pinch it to make it stop.

«Well, I'd hardly finished the first verse», said the Hatter, «when the Queen bawled out “He”'s murdering the time! Off with his head!»

«How dreadfully savage!» exclaimed Alice.

«And ever since that», the Hatter went on in a mournful tone, «he won't do a thing I ask! It's always six o'clock now».

A bright idea came into Alice's head. «Is that the reason so many tea-things are put out here?» she asked.

«Yes, that's it», said the Hatter with a sigh: «it's always tea-time, and we've no time to wash the things between whiles».

«Then you keep moving round, I suppose?» said Alice.

«Exactly so», said the Hatter: «as the things get used up».

«But what happens when you come to the beginning again?» Alice ventured to ask.

«Suppose we change the subject», the March Hare interrupted, yawning. «I'm getting tired of this. I vote the young lady tells us a story».

«I'm afraid I don't know one», said Alice, rather alarmed at the proposal.

«Then the Dormouse shall!» they both cried. «Wake up, Dormouse!» And they pinched it on both sides at once.

The Dormouse slowly opened his eyes. «I wasn't asleep», he said in a hoarse, feeble voice: «I heard every word you fellows were saying».

«Tell us a story!» said the March Hare.

«Yes, please do!» pleaded Alice.

«And be quick about it», added the Hatter, «or you'll be asleep again before it's done».

«Once upon a time there were three little sisters», the Dormouse began in a great hurry; «and their names were, Elsie, Lacie, and Tillie; and they lived at the bottom of a well».

«What did they live on?» said Alice, who always took a great interest in questions of eating and drinking.

«They lived on treacle», said the Dormouse, after thinking a minute or two.

«They couldn't have done that, you know», Alice gently remarked: «they'd have been ill».

«So they were», said the Dormouse; «very ill».

Alice tried a little to fancy to herself what such an extraordinary way of living would be like, but it puzzled her too much, so she went on: «But why did they live at the bottom of a well?»

«Take some more tea», the March Hare said to Alice, very earnestly.

«I've had nothing yet» Alice replied in an offended tone, «so I can't take more».

«You mean, you can't take *less*», said the Hatter: «it's very easy to take more than nothing».

«Nobody asked your opinion», said Alice.

«Who's making personal remarks now?» the Hatter asked triumphantly.

Alice did not quite know what to say to this; so she helped herself to some tea and bread-and-butter, and then turned to the Dormouse, and repeated her question. «Why did they live at the bottom of a well?»

The Dormouse again took a minute or two to think about it, and then said, «It was a treacle-well».

«There's no such thing!» Alice was beginning very angrily, but the Hatter and the March Hare went «She! she!» and the Dormouse sulkily remarked, «If you can't be civil, you'd better finish the story for yourself».

«No, please go on!» Alice said very humbly: «I won't interrupt you again. I dare say there may be one».

«One, indeed!» said the Dormouse indignantly. However, he consented to go on. «And so these three sisters— they were learning to draw, you know».

«What did they draw?» said Alice, quite forgetting her promise not to interrupt.

«Treacle», said the Dormouse, without considering at all this time.

«I want a clean cup», interrupted the Hatter: «let's all move one place on».

He moved on as he spoke, and the Dormouse followed him: the March Hare moved into the Dormouse's place, and Alice rather unwillingly took the place of the March Hare. The Hatter was the only one who got any advantage from the change: and Alice was a good deal worse off than before, as the March Hare had just upset the milk-jug into his plate.

Alice did not wish to offend the Dormouse again, so she began very cautiously: «But I don't understand. Where did they draw the treacle from?»

«You can draw water out of a water-well», said the Hatter: «so I think you could draw treacle out of a treacle-well—eh, stupid?»

«But they were in the well», Alice said to the Dormouse, not choosing to notice this last remark.

«Of course they were», said the Dormouse— «well in».

This answer so confused poor Alice, that she let the Dormouse go on for some time without interrupting it.

«They were learning to draw», the Dormouse went on, yawning and rubbing its eyes, for it was getting very sleepy; «and they drew all manner of things—everything that begins with an M».

«Why with an M?» said Alice. «Why not?» said the March Hare.

Alice was silent.

The Dormouse had closed its eyes by this time, and was going off into a doze, but, on being pinched by the Hatter, it woke up again with a little shriek, and went on: «That begins with an M, such as mousetraps, and the moon, and memory, and muchness—you know you say things are “much of a muchness”—did you ever see such a thing as a drawing of a muchness?»

«Really, now you ask me», said Alice, very much confused, «I don't think—»

«Then you shouldn't talk», said the Hatter.

This piece of rudeness was more than Alice could bear: she got up in great disgust, and walked off: the Dormouse fell asleep instantly, and neither of the others took the least notice of her going, though she looked back once or twice, half hoping that they would call after her: the last time she saw them, they were trying to put the Dormouse into the teapot.

«At any rate I'll never go there again!» said Alice as she picked her way through the wood.

«It's the stupidest tea-party I was ever at in all my life!»

Just as she said this, she noticed that one of the trees had a door leading right into it. «That's very curious!» she thought. «But everything's curious to-day. I think I may as well go in at once». And in she went.

Once more she found herself in a long hall, and close to the little glass table. «Now I'll manage better this time», she said to herself, and began by taking the little golden key, and unlocking the door that led into the garden. Then she set to work nibbling at the mushroom (she had kept a piece of it in her pocket) till she was about a foot high; then she walked down the little passage

then — she found herself at last in a beautiful garden, among the bright flower-beds and the cool fountains.

[2: 106—119]

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, В КОТОРОЙ ПЬЮТ ЧАЙ, КАК НЕНОРМАЛЬНЫЕ

Возле дома под деревом был накрыт к чаю стол; Шляпа и Заяц пили чай, а между ними помещалась на стуле Садовая Соня — хорошенький маленький зверек вроде белочки. Она крепко спала; Шляпа и Заяц облокачивались на нее, как на подушку, и разговаривали через ее голову.

«Бедная Соня, — первым делом подумала Алиса, — ей, наверное, очень неудобно! Хотя раз она так крепко спит, то, значит, не сердится».

Еще она заметила, что, хотя стол был очень большой и весь уставлен посудой, вся троица теснилась в уголке, на самом краю.

— Мест нет! Мест нет! — дружно закричали Заяц и Шляпа, как только заметили Алису.

— Места сколько хочешь! — возмутилась Алиса. И она уселась в свободное кресло на другом конце стола.

— Не хочешь ли торта? — любезно предложил Заяц.

Алиса оглядела весь стол, но там ничего не было, кроме чайников и чайной посуды.

— Какого торта? Что-то я его не вижу, — сказала она.

— Его тут и нет, — подтвердил Заяц.

— Зачем же предлагать? Это не очень-то вежливо! — обиженно сказала Алиса.

— А зачем садиться за стол без приглашения? Это не очень — то вежливо! — откликнулся, как эхо, Заяц.

— Я не знала, что это ваш стол, — объяснила Алиса. — Я думала, он накрыт для всех, а не для вас троих!

— Не мешало бы тебе подстричься, — неожиданно сказал Шляпа.

Это были первые его слова, хотя все это время он рассматривал Алису с большим любопытством.

— Делать замечания незнакомым людям — очень грубо! — наставительно сказала Алиса. — Так меня учили!

Шляпа сделал большие глаза — видимо, это замечание его сильно удивило.

Однако в ответ он сказал вот что:

— Какая разница между пуганой вороной и письменным столом?

«Вот это совсем другой разговор! — подумала Алиса. — Загадки-то я люблю! Поиграем!»

— Кажется, сейчас я отгадаю, — прибавила она вслух.

— Ты думаешь, что могла бы отыскать отгадку? — удивленно спросил Заяц.

— Конечно, — сказала Алиса.

— Так бы и сказала! — укоризненно сказал Заяц. — Надо говорить то, что думаешь!

— Я всегда так и делаю! — выпалила Алиса, а потом, чуть-чуть подумав, честно прибавила: — Ну, во всяком случае... во всяком случае, что я говорю, то и думаю. В общем, это ведь одно и то же!

— Ничего себе! — сказал Шляпа. — Ты бы еще сказала: «я вижу все, что ем» и «я ем все, что вижу» — это тоже одно и то же!

— Ты бы еще сказала, — подхватил Заяц, — «я учу то, чего не знаю» и «я знаю то, чего учу» — это тоже одно и то же!

— Ты бы еще сказала, — неожиданно откликнулась Соня, не открывая глаз, — «я дышу, когда сплю» и «я сплю, когда дышу» — это тоже одно и то же...

— Ну для тебя-то это одно и то же, — сказал Шляпа, и на этом беседа оборвалась.

Пока все молчали, Алиса лихорадочно пыталась вспомнить все, что ей было известно про пуганых ворон и письменные столы. Сведений у нее, увы, было не так много.

Шляпа достал из кармашка часы, озабоченно посмотрел на них, встряхнул, поднес к уху и опять встряхнул. Он первым нарушил молчание.

— Какое сегодня число? — обратился он к Алисе.

Алиса посчитала в уме, подумала немного и сказала:

— Четвертое мая!

— Врут на два дня, — вздохнул Шляпа. — Говорил я тебе — нельзя их смазывать сливочным маслом! — добавил он, сердито глядя на Заяца.

— Да ведь... Да ведь... масло было высшего сорта! — неуверенно возразил Заяц.

— Ну и что? Все равно туда могли попасть крошки! — продолжал ворчать Шляпа. — Незачем было лазить в механизм хлебным ножом!

Заяц взял у него часы, посмотрел на них печально и окунул в свою чашку. Потом он достал их оттуда и снова внимательно осмотрел. Так как починить часы ему, видимо, не удалось и ничего нового не пришло ему в голову, он повторил свои прежние слова:

— Видите ли, масло было самого высшего сорта!

— Какие у вас странные часы, — сказала Алиса, с большим интересом наблюдавшая за манипуляциями Зайца, заглядывая ему через плечо. — Показывают число, а который час — не показывают!

— А с какой стати? — буркнул Шляпа. — Разве часы обязаны все показывать? У тебя часы показывают, какой год?

— Конечно, нет, — начала Алиса с полной готовностью, — но ведь...

— Но ведь, — перебил ее Шляпа, — ты не скажешь, что они негодные?

— Да-а, — сказала Алиса, — год-то — это совсем другое дело! Он так долго стоит на месте — целый год!

— Вот именно! Так сказать можно и про них, так сказать! — заявил Шляпа, и это заявление совсем сбilo бедную Алису с толку. Как она ни пыталась, она не могла найти тут ни тени смысла, хотя все слова были ей совершенно понятны.

— Я вас не совсем поняла, — сказала она со всей возможной при таких обстоятельствах вежливостью.

— Соня опять заснула, — ответил Шляпа и плеснул Соне на нос чаем.

Соня недовольно затрясла головой и пробормотала:

— Конечно, конечно, я сама именно это хотела сказать!

— Так ты отгадала загадку? — спросил Шляпа, снова обернувшись к Алисе.

— Нет, сдаюсь, — сказала Алиса. — А какой ответ?

— Понятия не имею, — сказал Шляпа.

— А я тем более, — поддержал Заяц.

Алиса тяжело вздохнула.

— Как вам не стыдно! Неужели ничего лучше нельзя придумать, чем загадки без отгадок? Вам, видно, время совсем не дорого, — сказала она разочарованно.

— Если бы ты знала время, как я его знаю, — сказал Шляпа, — ты бы не говорила о нем в среднем роде. Оно — не оно, а он — Старик-Время!

— Никогда бы не подумала, — сказала Алиса.

— Понятно! — фыркнул Шляпа, презрительно дернув носом. — Ты о нем вообще, наверное, в жизни не думала!

— Нет, почему, — осторожно начала Алиса, — иногда, особенно на уроках музыки, я думала — хорошо бы получше провести время...

— Все понятно! — с торжеством сказал Шляпа. — Провести время? Ишь чего захотела! Время не проведешь! Да и не любит он этого! Ты бы лучше постаралась с ним подружиться — вот тогда бы твое дело было... в шляпе! Старик бы для тебя что хочешь сделал! Возьми часы: предположим, сейчас девять часов утра, пора садиться за уроки; а ты бы только шепнула ему словечко — и пожалуйста, стрелки так и завертелись. Жжжжик! Дело в шляпе: полвторого, пора обедать!

— Ой, как бы хорошо было! — чуть слышно прошептал Заяц.

— Да, конечно, это было бы здорово, — протянула в раздумье Алиса, — но только ведь у меня бы тогда еще не было аппетита.

— Разве что на первых порах, — сказал Шляпа, — но ведь ты могла бы сколько хочешь подождать!

— А вот вы... а ваше дело в шляпе? — спросила Алиса.

Шляпа уныло покачал головой.

— Охо-хо! — ответил он. — Мы со Стариком поссорились! Недавно, в марте — как раз когда вот он (он показал ложкой на Зайца) очумел. Понимаешь, у Червонной Королевы был прием, и в концерте я должен был петь романс. Этот, всем известный:

Крокодилы мои,
Цветики речные!
Что глядите на меня
Прямо как родные?

Припоминаешь?

— Я что-то похожее слышала, — сказала Алиса.

— Ну как же! Дальше там, помнишь, — продолжал Шляпа:

Это кем хрустите вы
В день веселый мая,
Средь нескучанной травы
Головой качая?

Тут Соня встрепенулась и запела сквозь сон:
— Чая!.. Чая!.. Чая!..

Пела она до тех пор, пока не догадались ее ущипнуть.
Тогда она сразу замолчала.

— И представляешь, не успел я спеть первый куплет, — снова заговорил Шляпа, — Королева завопила: «Он у нас только время отнимает! Отрубить ему голову!»

— Какое ужасное зверство! — воскликнула Алиса.

— А самое ужасное, — продолжал Шляпа трагическим тоном, — что Старик почему-то обиделся! Теперь он меня знать не желает! И с тех пор у нас всегда пять часов.

Тут Алису осенило. Она вдруг все поняла.

— Ах, так вот почему у вас тут так много чайной посуды накопилось! — воскликнула она.

— Именно, именно, — сказал Шляпа со вздохом. — У нас всегда время только пить чай! Представляешь? Даже нет времени помыть все эти штуки.

— Значит, вам приходится все время пересаживаться, да? — спросила Алиса.

— Именно, именно! — сказал Шляпа. — По мере использования посуды!

— Ой! А что же будет, когда вы опять дойдете до начала? — не удержалась Алиса.

— Не пора ли переменить тему? — вмешался Заяц, зевая. — Мне все это уже порядком надоело! Предлагаю, чтобы наша юная гостя рассказала нам интересную сказку.

— Ой, лучше не надо! — испугалась Алиса. — Я ни одной как следует не знаю.

— Ну, тогда пускай Соня расскажет! — закричали Шляпа и Заяц. — Соня, хватит спать! Проснись!

И оба ущипнули ее — каждый со своего боку.

Соня с трудом открыла глаза.

— Что вы, ребята, я и не думала спать, — сказала она осипшим спросонья голосом. — Я все слышала, о чем вы тут говорили. Могу повторить каждое слово.

— Расскажи нам сказку! — скомандовал Заяц.

— Пожалуйста, пожалуйста! — умоляла Алиса.

— И поторапливайся, — добавил Шляпа, — а то опять уснешь, не добравшись до конца!

— В некотором царстве, в некотором государстве, — скороговоркой начала Соня, — жили-были три сестрички, три бедных сиротки, звали их Элси, Лэси и Тилли, и жили они в колодце на самом дне.

— А что же они там ели и пили? — спросила Алиса, которую всегда весьма интересовали вопросы питания.

Соня долго думала — наверное, целую минуту, — а потом сказала:

— Сироп.

— Что вы! Этого не может быть, — робко запротестовала Алиса, — они бы заболели!

— Так и было, — сказала Соня, — заболели, да еще как! Жилось им не сладко! Их все так и звали: Бедные Сиропки!

Алиса попыталась себе представить, что ей самой вдруг пришлось вести такую странную жизнь. Но у нее что-то ничего не получилось. Тогда она возобновила расспросы.

— А зачем они поселились в колодце, да еще на самом дне?

— Почему ты не пьешь больше чаю? — спросил Заяц заботливо.

— Что значит «больше»? — обиделась Алиса. — Я вообще ничего тут не пила!

— Тем более! — сказал Шляпа. — Выпить больше, чем ничего, — легко и просто. Вот если бы ты выпила меньше, чем ничего, — это был бы фокус!

— А вас никто не спрашивает! — выпалила Алиса.

— Так-с! Кто теперь делает замечания малознакомым людям? — победоносно сказал Шляпа.

Уничтожающий ответ что-то долго не приходил Алисе в голову, так что она просто-напросто намазала себе бутерброд, налила чаю, а спустя некоторое время, обернувшись к Соне, повторила свой вопрос:

— Так зачем они поселились на дне колодца?

Соня опять долго думала — во всяком случае, долго молчала! — а потом сказала:

— Потому что там было повидло!

— Какое повидло? — возмутилась Алиса. — Вы говорили, там был...

Но тут Шляпа и Заяц ужасно зашикали на нее, а Соня надулась и сказала:

— Не умеешь прилично вести себя — тогда досказывай сама.

— Ой, простите, пожалуйста, — взмолилась Алиса, — пожалуйста, рассказывайте, я вас больше ни разу не перебую! Вы говорили — там что-то было... — напомнила она.

— Мало ли, что там было, — сказал Заяц. — Что было, то сплыло.

— Кто старое помянет, тому глаз вон! — поддержал Шляпа.

(Алиса сидела тише воды, ниже травы, хотя, говоря по совести, она могла бы Шляпе кое о чем напомнить!)

— Так вот, — наконец возобновила свой рассказ Соня, — они таскали мармелад оттуда...

— Откуда взялся мармелад?.. — начала было Алиса, забыв о своем торжественном обещании, и тут же осеклась.

Но Соня, казалось, ничего не заметила.

— Это был мармеладный колодец, — объяснила она.

— Мне нужна чистая чашка, — прервал ее Шляпа. — Давайте подвинемся!

Он тут же пересел на соседний стул; Соня села на его место, Заяц — на место Сони, а Алиса — без особой охоты — пересела на стул Зайца. От всех этих перемещений выиграл только Шляпа, а Алиса, наоборот, сильно прогадала, так как Заяц только что опрокинул молочник.

— Я не понимаю, — очень робко, боясь опять рассердить Соню, начала Алиса, — как же они таскали оттуда мармелад?

— Из обыкновенного колодца таскают воду, — сказал Шляпа, — а из мармеладного колодца всякий может, я надеюсь, таскать мармелад. Ты что — совсем дурочка?

— Я говорю, как они могли таскать мармелад оттуда? Ведь они там жили, — сказала Алиса, решив оставить без ответа последние слова Шляпы.

— Не только жили! — сказала Соня. — Они жили-были!

И этот ответ настолько ошеломил бедную Алису, что она позволила Соне некоторое время продолжать рассказ без вынужденных остановок. Это было весьма кстати, так как рассказчица отчаянно зевала и усиленно терла глаза.

— Так вот, — продолжала Соня, — этот самый мармелад они ели или пили — делали что хотели...

Тут Алиса не выдержала.

— Как же они пили мармелад? — закричала она. — Этого не может быть!

— А кто сказал, что они его пили? — спросила Соня.

— Как кто? Вы сами сказали.

— Я сказала — они его ели! — ответила Соня. — Ели и лепили! Лепили из него все, что хотели, — все, что начинается на букву М, — продолжала она, позевывая — ее сильно клонило ко сну.

— Почему на букву М? — только и могла спросить Алиса.

— А почему нет? — сказал Заяц.

Алиса прикусила язычок. «Хотя да, мармелад ведь тоже на М», — мелькнуло у нее в голове.

Соня к этому времени успела закрыть глаза и основательно задремать; но Шляпа снова ущипнул ее, и она с легким писком пробудилась и продолжала рассказ:

— На букву М: мышеловки, и морковки, и мартышки, и мальчишки, и мораль, и даже мурашки... Ты видела мурашки, хотя бы на картинках?

— Кажется, да, — начала Алиса неуверенно, — хотя не знаю...

— А не знаешь, так помалкивай, — перебил ее Шляпа.

Алиса вытерпела за этот день немало грубостей, но это было уже слишком! Возмущенная до предела, она, не говоря ни слова, встала и гордо удалилась. На хозяев ее уход не произвел, увы, особого впечатления. Соня немедленно заснула, а остальные двое, по всей видимости, вообще ничего не заметили, хотя Алиса несколько раз оборачивалась, втайне надеясь, что они одумаются и будут упрашивать ее вернуться. Но, обернувшись напоследок, она увидела только, что они пытаются запихнуть Соню в чайник.

— Ни за что на свете сюда больше не вернусь! — повторила Алиса, пробираясь между деревьями. — Ни за какие коврижки! Никогда с такими дураками чаю не пила!

И тут-то она заметила, что в одном дереве есть дверь и эта дверь открывается прямо в дерево.

«Как интересно! — подумала Алиса. — А если войти — наверное, будет еще интересней. Пожалуй, войду!»

Она смело вошла — и тут же оказалась в знакомом подземелье, как раз возле стеклянного столика.

— Ну, теперь-то я знаю, что делать! — сказала Алиса, поскорее взяла золотой ключик и отперла дверцу в сад.

Потом она достала ТОТ кусочек гриба (у нее сохранились остатки в кармашке) и жевала его, пока не стала как раз такого роста, что свободно могла войти в заветную дверь.

Потом она прошла по тесному, как крысиный лаз, коридорчику, а потом... потом она, наконец, оказалась в чудесном саду, среди ярких, веселых цветов и прохладных фонтанов.

[пер. Б. Заходера, 24: 76—83]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Раскройте значение следующих понятий: литературная сказка, нонсенс, аллегория, гротеск, ирония, каламбур, метафора.

2. Предложите проект памятника Льюису Кэрроллу. Каким бы Вы изобразили писателя? Где предложили бы поставить памятник?

3. Б. Заходер сказал об авторе Л. Кэрролле: «Особенно он любил и умел играть ... со словами. Самые серьезные, самые солидные, самые трудные слова по его приказу кувыркались, и ходили на голове, и показывали фокусы, и превращались одно в другое — словом, бог знает что выделявали! И еще он умел переделывать старые, надоевшие стишки — переделывать так, что они становились ужасно смешными».

Подтвердите эти слова переводчика, ознакомившись с предложением в пособии отрывком. Можно ли эту характеристику отнести и к самому Борису Заходеру?

4. Сформулируйте тезисы ответа по вопросам:

— Каковы истоки кэрролловских сказок?

— Чем сказки интересны и близки детям?

АНГЛИЙСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Английская литература конца XIX — начала XX века дала блестящую плеяду художников слова, которые писали специально для детей младшего возраста.

Как пишут английские исследователи, «золотой век» детской литературы начался с Льюиса Кэрролла. Вершина его — в конце XIX — начале XX века, когда публикуют свои произведения для детей Р. Киплинг, выходит «Ветер в ивах» К. Грэма, «Питер Пэн» Д. Барри, «История кролика Питера» Б. Поттер.

Произведения для детей Джозефа Редьярда Киплинга

Д. Р. Киплинг (1865—1936) — первый из английских писателей — лауреат Нобелевской премии (1907).

Родился в Бомбее. В шесть лет родители отправили его учиться в Англию, так как считали, что истинный британец должен знать свою страну и пропитаться английским духом. В 18-летнем возрасте вернулся в Индию и поступил на службу в газету. В качестве корреспондента побывал в Англии, Японии, США, Южной Африке, Новой Зеландии ...

Киплинг — фигура неоднозначная в английской литературе. Критики много писали о его стремлении к идеалам силы, порядка и солдатской доблести. По его мнению, Британская империя превыше всего, англичане — высшая нация в мире, призванная просвещать другие народы и заставлять их жить по своим — лучшим — законам; героем является солдат, чиновник колониальной империи, выполняющий повседневную «грязную работу» во имя Британии. Однако «время простило писателя и его взгляды, потому что он хорошо писал», а полемика вокруг политических взглядов Киплинга вернула ему в конце XX века известность. Его произведения всегда привлекали стройностью и ясностью, силой и мужеством, жизнестойкостью и здоровым оптимизмом персонажей.

А сказки Киплинга — одни из лучших в мире, и дети совсем не думают об идеях силы и порядка, когда читают «Книги джунглей», отрывки из которых известны на русском языке под названием «Маугли».

Киплинг долгое время работал в индийских колониях журналистом, прекрасно знал восточный фольклор и видел все красоты природы Востока, что нашло отражение в его творчестве. В Индии были случаи, когда маленькие дети пропадали в джунглях и выживали, но они не овладевали человеческой речью. Киплинг по-иному осмысливает отношения человека с обитателями джунглей. Человеческий детеныш, принятый волчьей стаей, постигает законы природы, которые ему преподают мудрые учителя — пантера Багира и медведь Балу: никогда не убивать ради убийства, а только для утоления голода; уважать законы каждой стаи и мудрость тех, кто знает больше; быть почтительным к тому, с кем встречаешься в джунглях... Человеческое общество, с точки зрения обитателей джунглей, более несовершенно, так как в нем нет справедливости. Люди лгут, полны странных предрассудков, ценят деньги, убивают друг друга без необходимости. Ярко это показано в эпизоде с топориком, унесенным Маугли из подземелья разрушенного городка. Драгоценные камни, украшавшие топорик, приводят к цепи убийств. Маугли и Багира, наблюдавшие за людьми, потрясены, не понимают причины бессмысленных убийств. Чтобы избежать дальнейших напрасных жертв, Маугли относит топорик в подземелье.

Великолепны в сказке образы животных с их индивидуальными характерами и повадками: ворчун и педант Балу, мудрая и верная Багира, готовая прийти на помощь; благородный Акела, строго соблюдавший законы стаи; хранитель памяти джунглей питон Каа; справедливый слон Хати... Киплинг ярко рисует природу и обитателей джунглей. Сказочные мотивы переплетаются с реальными картинками экзотической природы Индии. Но главное, что утверждает автор, — превосходство человеческого ума, его способность познать и понять больше, чем могут собрать по стае.

Творил Киплинг и в жанре *сказки фантастической*. Он был одним из родоначальников жанра «фэнтези», создав сказочную эпопею в двух томах — «Пак с холмов Пэка» и «Подарки фей», главным героем которой является шекспировский Пак, рассказывающий девочке Юне и ее брату Дану историю Англии и веселящий их своими проделками и волшебством. Это своеобразный учебник по истории, написанный в живой

и увлекательной форме, — от каменного века и времен правления римлян до разгрома Армады и войны с Наполеоном. Состоит из 21 новеллы, в которых не указываются конкретные даты. Читатель должен сам догадаться по рассыпанным по всей книге подсказкам.

Детям всего мира знакомы *анималистические сказки* из сборника «Вот так сказки» (или «Просто сказки»), первые из которых писатель стал создавать, отвечая на бесконечные «откуда» и «почему» своей маленькой дочери Эффи. С лукавым юмором автор рассказывает, откуда взялся у слона хобот, отчего леопард стал пятнистым, как появился у верблюда горб, почему у кита узкая глотка, как было составлено первое письмо, как появились домашние животные и т.д. Писатель обнаруживает тонкое понимание психологии маленького читателя, любящего юмор и невероятные приключения. В шуточной форме автор сближает поведение животных с поведением ребенка. Киплинг дает волю творческой фантазии, но и заставляет детей задуматься над многими вещами.

Сказки Киплинга привлекают малышей необычайной выдумкой, яркостью красок, живым разговорным языком.

Это невероятно домашняя книга, написанная любящим отцом для любимого ребенка, сказки пронизаны идеей дома, который, как известно, всегда был для англичанина надежным убежищем, его крепостью. Дети не могут не заметить и не оценить этого. Киплинг сам проиллюстрировал сказки и дал пояснения к ним.

Почти во всех сказочных сборниках Киплинга текст построен по следующему принципу: каждую сказку предваряет небольшое стихотворение, которое и создает «настроение» последующей прозы. Киплинг был не только прекрасным прозаиком, но и блестящим поэтом.

Как детский писатель, Киплинг предстает перед нами создателем новой тенденции английской детской литературы. Перед читателем-ребенком он ставит недетские, серьезные вопросы, решение которых еще далеко впереди.

Эти сказки, переведенные К. И. Чуковским, со стихами в переводе С. Я. Маршака занимают достойное место в русской литературе для детей.

In the High and Far-Off Times the Elephant, O Best Beloved, had no trunk. He had only a blackish, bulgy nose, as big as a boot, that he could wriggle about from side to side; but he couldn't pick up things with it. But there was one Elephant — a new Elephant — an Elephant's Child — who was full of "satiableness", and that means he asked ever so many questions. And he lived in Africa, and he filled all Africa with his "satiableness". He asked his tall aunt, the Ostrich, why her tail-feathers grew just so, and his tall aunt the Ostrich spanked him with her hard, hard claw. He asked his tall uncle, the Giraffe, what made his skin spotty, and his tall uncle, the Giraffe, spanked him with his hard, hard hoof. And still he was full of "satiableness"! He asked his broad aunt, the Hippopotamus, why her eyes were red, and his broad aunt, the Hippopotamus, spanked him with her broad, broad hoof; and he asked his hairy uncle, the Baboon, why melons tasted just so, and his hairy uncle, the Baboon, spanked him with his hairy, hairy paw. And still he was full of "satiableness"! He asked questions about everything that he saw, or heard, or felt, or smelt, or touched, and all his uncles and his aunts spanked him. And still he was full of "satiableness"!

...But it was really the Crocodile, O Best Beloved, and Crocodile winked one eye — like this!

«Scuse me», said the Elephant's Child most politely, «but do you happen to have seen a Crocodile in these promiscuous parts?»

Then the Crocodile winked the other eye, and lifted half his tail out of the mud; and the Elephant's Child stepped back most politely, because he did not wish to be spanked again.

«Come hither, Little One», said the Crocodile. «Why do you ask such things?»

«Scuse me», said the Elephant's Child most politely, «but my father has spanked me, my mother has spanked me, not to mention my tall aunt, the Ostrich, and my tall uncle, the Giraffe, who can kick ever so hard, as well as my broad aunt, the Hippopotamus, and my hairy uncle, the Baboon, and including the Bi-Coloured-Python-Rock-Snake, with the scalesome, flailsome tail, just up the bank, who spansks harder than any of them; and so, if it's quite all the same to you, I don't want to be spanked any more».

«Come hither, Little One», said the Crocodile, «for I am the Crocodile», and he wept crocodile-tears to show it was quite true.

Then the Elephant's Child grew all breathless, and panted, and kneeled down on the bank and said, «You are the very person I have been looking for all these long days. Will you please tell me what you have for dinner?»

«Come hither, Little One», said the Crocodile, «and I'll whisper».

Then the Elephant's Child put his head down close to the Crocodile's musky, tusky mouth, and the Crocodile caught him by his little nose, which up to that very week, day, hour, and minute, had been no bigger than a boot, though much more useful.

«I think», said the Crocodile — and he said it between his teeth, like this — «I think to-day I will begin with Elephant's Child!»

I have six honest serving-men.
(They taught me all I knew);
Their names are What and Why and When
And How and Where and Who.
I send them over land and sea,
I send them East and West;
But after they have worked for me,
I give them all a rest.

I let them rest from nine till five,
For I am busy then,
As well as breakfast, lunch and tea,
For they are hungry men.
But different folk have different views;
I know a person small —
She keeps ten million serving-men,
Who get no rest at all!
She sends 'em on her own affairs,
From the second she opens her eyes —
One million Hows, two million Wheres,
And seven million Whys!

[14: 74—88]

СЛОНЕНОК

Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давным-давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепешка, черненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, и все же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давным-давно, жил один такой Слон, или, лучше сказать, Слоненок, который был страшно любопытен, и кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами.

Он пристаёт к Страусихе, своей долговязой тетке, и спрашивал ее, отчего у нее на хвосте перья растут так, а не этак, и долговязая тетка Страусиха давала ему за то тумака своей твердой-претвердой ногой.

Он пристаёт к своему длинноногому дяде Жирафу и спрашивал его, отчего у него на шкуре пятна, и длинноногий дядя Жираф давал ему за то тумака своим твердым-претвердым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тетку Бегемотиху, отчего у нее такие красные глазки, и толстая тетка Бегемотиха давала ему за то тумака своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядю Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядя Павиан давал ему за то тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы он ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся, — он тотчас же спрашивал обо всем и тотчас же получал тумаки от всех своих дядей и теток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слоненок — надоеда и приставала — спросил об одной такой вещи, о которой он еще никогда не спрашивал. Он спросил:

— Что кушает за обедом Крокодил?

Все испуганно и громко закричали:

— Тс-с-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, стали сыпать на него тумаки.

Били его долго, без передышки, но, когда кончили бить, он сейчас же подбежал к птичке Колоколо, сидевшей в колючем терновнике, и сказал:

— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тетки колотили меня, и все мои дяди колотили меня за не сносное мое любопытство, и все же мне страшно хотелось бы знать, что кушает за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо печальным и громким голосом:

— Ступай к берегу сонной, зловонной, мутно-зеленой реки Лимпопо; берега ее покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку. Там ты узнаешь все.

На следующее утро, когда от равноденствия уже ничего не осталось, этот любопытный Слоненок набрал бананов — целых сто фунтов! — и сахарного тростнику — тоже сто фунтов! — и семнадцать зеленых дынь, из тех, что хрустят на зубах, взвалил все это на плечи и, пожелав своим милым родичам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте! — сказал он им. — Я иду к сонной, зловонной, мутно-зеленой реке Лимпопо; берега ее покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку, и там я во что бы то ни стало узнаю, что кушает за обедом Крокодил.

И родичи еще раз хорошенько вздули его на прощание, хотя он чрезвычайно учтиво просил их не беспокоиться.

И он ушел от них, слегка потрепанный, но не очень удивленный. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем. Из города Грэма он пошел в Кимберлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда наконец не пришел к сонной, зловонной, мутно-зеленой реке Лимпопо, окруженной как раз такими деревьями, о каких говорила ему птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слоненок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза, — был Двухцветный Питон, Скалистый Змей, обвинившийся вокруг какой-то скалы.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слоненок чрезвычайно учтиво. — Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли мне Крокодил? — презрительно переспросил Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Нашел о чем спрашивать!

— Извините, пожалуйста! — продолжал Слоненок. — Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слоненку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуей.

— Вот чудеса! — сказал Слоненок. — Мало того, что мой отец колотил, и моя мать колотила меня, и мой дядя колотил меня, и моя тетка колотила меня, и другой мой дядя, Павлиан, колотил меня, и другая моя тетка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное мое любопытство, — здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попрощался с Двухцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему опять обмотаться вокруг скалы и пошел себе дальше; его порядком потрепали, но он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю — потому что, повторяю, чем бы он стал поднимать их? — и скоро набрел на какое-то бревно, валявшееся у самого берега сонной, зловонной, мутно-зеленой реки Лимпопо, окруженной деревьями, нагоняющими на всех лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это было не бревно, это был Крокодил. И подмигнул Крокодил одним глазом — вот так!

— Извините, пожалуйста! — обратился к нему Слоненок чрезвычайно учтиво. — Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слоненок (опять-таки очень учтиво!) отступил назад, потому что ему не хотелось получить нового тумака.

— Подойди-ка сюда, моя крошка! — сказал Крокодил. — Тебе, собственно, зачем это надобно?

— Извините, пожалуйста! — сказал Слоненок чрезвычайно учтиво. — Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тетка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядя Жираф колотил меня, моя другая тетка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядя, мохнатый Павлиан, колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей, вот только что колотил меня больно-пребольно, и теперь — не во гнев будь вам сказано — я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка, — сказал Крокодил, — потому что я и есть Крокодил.

И он стал проливать крокодиловы слезы, чтобы показать, что он и вправду Крокодил.

Слоненок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, скорее, что кушаете вы за обедом?

— Подойди поближе, я шепну тебе на ушко.

Слоненок нагнул голову близко-близко к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был ничуть не больше башмака.

— Мне кажется, — сказал Крокодил, и сказал сквозь зубы, вот так, — мне кажется, что сегодня на первое блюдо у меня будет Слоненок.

Слоненку, мой милый мальчик, это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пустите бедя, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, приблизился к нему и сказал:

— Если ты, о мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то мое мнение таково, что не успеешь ты сказать «раз, два, три!», как вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадешь туда, в ту прозрачную водяную струю...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда говорят вот так.

Слоненок сел на задние ножки и стал тянуть. Он тянул, и тянул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил ее, как взбитые сливки, тяжелыми ударами хвоста, и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слоненка вытягивался, и Слоненок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него все вытягивался. А Крокодил бил хвостом, как веслом, и тоже тянул, и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался нос у Слоненка, и больно было этому носу у-ж-ж-жас-но! И вдруг Слоненок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиною:

— Довольдо! Осдавьде! Я больше де богу!

Услышав это, Двухцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задних ног Слоненка и сказал:

— О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны поднатужиться сколько возможно, ибо впечатление мое таково, что этот военный корабль с живым винтом и бронированной палубой — так величал он Крокодила — хочет загубить твое будущее...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слоненок, но тянет и Крокодил. Тянет, тянет, но так как Слоненок и Двухцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов должен выпустить нос Слоненка, и Крокодил отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слоненок как стоял, так и сел и очень больно ударился, но все же успел сказать Двухцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, а потом принялся ухаживать за своим вытянутым носом: обернул его холодноватыми листьями бананов и опустил в воду сонной, мутно-зеленой реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— К чему ты это делаешь? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слоненок. — Нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придется ждать, — сказал Двухцветный Питон, Скалистый змей. — То есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слоненок просидел над водою три дня и все поджидал, не станет ли нос у него короче. Однако нос не становился короче, и — мало того — из-за этого носа глаза у Слоненка стали немного косыми.

Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слоненку нос в самый заправдашний хобот точь-в-точь такой, какие имеются у всех нынешних Слонов.

[пер. К. Чуковского, 25: 23—36]

Есть у меня шестерка слуг,
Проворных, удалых,
И все, что вижу я вокруг, —
Все знаю я от них.
Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.
Я по морям и по лесам
Гоняю верных слуг.
Потом работаю я сам,
А им даю досуг.
Я по утрам, когда встаю,
Всегда берусь за труд,
А им свободу я даю —
Пускай едят и пьют.
Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг —
И всем покоя нет.
Она гоняет, как собак,
В ненастье, дождь и тьму
Пять тысяч Где,
Семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!

НА ДАЛЕКОЙ АМАЗОНКЕ

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда,
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.
Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию, Бразилию —
И я хочу в Бразилию —
К далеким берегам!
Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.
Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие невиданных зверей!
Увижу ли Бразилию,
Бразилию, Бразилию,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

[пер. С. Маршака, 25: 37, 53]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Вспомните и раскройте значение следующих понятий: миф, анималистическая сказка, жанр «фэнтези».

2. Как вы поняли: хобот — это наказание слоненку за любопытство или награда за смелость?

3. Литературовед Г. Ионкис отмечает: «Тонкий юмор соседствует в сказках с назидательностью. Животные наделены человеческой речью, но мыслят и выражаются при этом очень по-своему...»

На примере сказки «Слоненок» обоснуйте это высказывание.

4. Проанализируйте одну из сказок Р. Киплинга из сборника «Вот так сказки», используя, при необходимости, предложенный план анализа.

План анализа литературной сказки

1. Творческая история произведения.
2. Тема.
3. Сюжетная организация. Роль пролога и эпилога.
4. Система образов. Образы основные и вспомогательные. Взаимоотношения между персонажами. Явный и скрытый конфликт.
5. Речь монологическая, диалогическая. Приемы персонификации речи персонажей.
6. Фраза: ее длина, степень сложности, наличие тропов (эпитет, сравнение, гипербола, метафора ...). Афористичность речи.
7. Связь текста с фольклором, мифом, легендой.
8. Педагогическая ценность сказки.

Джеймс Мэтью Барри

Д. М. Барри (1860—1937) — английский драматург и писатель, родился в г. Кирримьюир (Шотландия), образование получил в Эдинбургском университете. В 1885 году переехал в Лондон и целиком посвятил себя литературному творчеству. Писал сентиментальные комедии, одноактные пьесы, романы; под маской художественного вымысла стремился изображать реальных людей и реальные события.

Роль Барри в истории детской литературы в одном имени — Питер Пэн, странный мальчик, которого мать потеряла в детстве. Поселившись на острове Нетинебудет, он решил никогда не взрослеть. С ним вместе живут мальчишки, тоже потерянные в раннем детстве. А еще на острове живут дикие звери, индейцы, пираты, что явилось совершенно новым и неожиданным для сказочной литературы, обусловило интересные коллизии и повороты сюжета.

Книга «Питер Пэн» основана на историях, рассказанных Барри старшим сыновьям своих друзей — Артура и Сильвии Льюэллин Дэвис — в то время, когда их младший сын Питер был еще младенцем. Барри забавлял юных приятелей выдумками о том, что Питер умеет летать, что дети в прошлом были птицами. Так родилась пьеса о Питере Пэне, малыше, который, забыв, что он не птица, упорхнул в окно. Впервые Чарльз Фроман в 1904 году поставил пьесу, и она имела грандиозный успех. Потом последовали повесть «Питер Пэн в Кенсинг-

тонских садах» и роман «Питер и Венди». Сама пьеса подвергалась переработкам почти к каждому театральному сезону и имеет около 20 вариантов.

В сказке ощущаются автобиографические мотивы:

— необитаемый остров — любовь к романам Дефо и Стивенсона;

— трагически погибший старший брат Дэвид, тринадцатилетний золотоволосый мальчуган;

— любимый сенбернар Портос — прототип заботливой Нэны;

— ностальгические ноты, навеянные одиночеством, горечью неудачного брака и несбывшегося отцовства.

В сказке есть все, что так любят дети всех времен: захватывающие приключения, знаменитые пираты, индейцы, джунгли.

Противопоставление Питер — капитан Крюк — это не только соперничество благородного героя и архизлодея приключенческого романа. Крюк, выпускник привилегированной школы, становится символом взрослого, рассудочного мира, противопоставленного непредсказуемому детству.

Сказка внушает детям: не спешите становиться взрослыми. Детство — самая счастливая пора. Наслаждайтесь игрой, улетайте на необитаемые острова, верьте в фей и русалок, сражайтесь с пиратами, дружите с индейцами, повзрослеть вы всегда успеете!

Но Барри не идеализирует и детство. Он отмечает неосознанный эгоизм и сосредоточенность на самом себе, оборачивающиеся бездумной бессердечностью. Питер — воплощение игрового начала, игра подменила для него жизнь, и в этом его счастье и трагедия.

В Лондоне в Кенсингтонском парке есть памятник — бронзовый мальчик на бронзовой скале, Питер Пэн, который живет на своем чудесном острове Нетинебудет и к которому улетают поиграть дети.

В переводе И. Токмаковой книга вышла в 1981 году. С тех пор многократно переиздавалась. Для дошкольников ею сделан краткий пересказ, который познакомит читателя-слушателя с сюжетом и подготовит его для будущего знакомства с этой бессмертной книгой.

PETER PAN

If you ask your mother if she knew about Peter Pan when she was a little girl, she will say, «Why, of course I did, child». And if you ask her if he rode on a goat in those days, she will say, «What a foolish question to ask. Certainly he did».

Then if you ask your grandmother if she knew about Peter Pan when she was a girl, she also says, «Why, of course I did, child». But if you ask her if he rode on a goat in those days, she says that she never heard that he had a goat. Perhaps she has forgotten, just as she sometimes forgets your name and calls you Mildred which is your mother's name.

Goat or no goat it shows that Peter is very old but that really he is always the same age. His age is one week. When he was seven days old he went out of the window and flew to Kensington Gardens. If you think that he was the only young child who wanted to do this it shows how you have forgotten your own young days. Think very hard and you will remember that you wanted to go back to the trees just as the birds.

When Peter Pan stood on the windowsill he could see the trees in Kensington Gardens. When he saw them he forgot that he was a little boy in pyjamas and he started to fly. He flew over the houses to the gardens. It is wonderful that he could fly without wings. He came down on the grass and started to play. He already didn't know that he was a little boy. He thought that he was a bird. When he tried to catch a fly he couldn't because he tried with his hand which a bird never does. He saw a lot of fairies. They were all very busy and didn't see him. He was thirsty now, so he flew to the pond to have a drink. He tried to drink like a bird but forgot that he didn't have a beak but a nose.

Then he wanted to sleep. At first it was hard to be comfortable on the branches of the trees but soon he learnt and fell asleep. He woke up in the night. As everybody knows what seems a warm night to a bird is a cold night to a boy in pajamas.

Peter wanted to talk to the fairies but to his surprise they all ran away and hid when he came near. They shouted, «There's a boy in the park». Peter never thought for a moment that he was the boy because he was a bird. He wanted to talk to the birds but

he couldn't find any to talk to. They all flew away. Every living thing ran away or flew away from him. Poor little Peter Pan! He sat down and cried. But even if he thought he was a bird he did not sit as a bird does. Happily he did not know this and so he didn't lose his faith in the fact that he could fly. Why can birds fly and we can't? It is only because they have faith, because to have faith is to have wings.

[26: 20—21]

ПИТЕР ПЭН

(Свободный сокращенный пересказ с английского И. Токмаковой)

Весело жилось в семействе Дарлингов! В доме всегда царило прекрасное настроение. Частенько, когда мистер Дарлинг по вечерам возвращался с работы, он заставал в гостиной весело отплясывающих вместе с мамой, миссис Дарлинг, троих своих детишек: старшую Венди, Джона — он был помоложе — и малышку Майкла.

А еще в их семействе жила лучшая на свете няня: огромная собака по имени Нэна. Она прекрасно ухаживала за детьми! Водила их в детский сад и на прогулку в парк, купала по вечерам, укладывала спать и подавала лекарство, в случае если кто из них вдруг заболит. И, право же, ничто не предвещало беды. Но неожиданно, в один весьма не прекрасный вечер, случилось вот что. Когда дети уже собирались отойти ко сну и миссис Дарлинг зашла пожелать им спокойной ночи, вдруг окошко спальни само собой растворилось, и в комнату влетел какой-то странный, незнакомый мальчик. Это был Питер Пэн. За ним последовал крошечный, похожий на искорку огонечек. Он стал быстро кружиться по комнате, на мгновение остановился перед миссис Дарлинг и закружился снова. Чуткая Нэна моментально ощутила таившуюся во всем этом опасность. Злобно зарычав, она стремглав кинулась на мальчишку, но успела ухватить только его тень. Мальчишка тут же скрылся из виду, а тень так и осталась в зубах у Нэны. Скатав оторванную тень в трубочку, миссис Дарлинг сунула ее в один из ящичков комода.

Но вот прошло несколько дней, и Питер Пэн явился снова. А вместе с ним и порхающий огонечек. И это была... кто бы вы думали? Крошечная фея по имени Динь-Динь. Она реши-

тельно всюду таскалась вслед за Питером. Родителей в этот день не было дома. Они отправились в гости к друзьям, жившим неподалеку.

Ясное дело, Питер вернулся, чтобы выручить свою тень. Не обнаружив ее нигде, он горько заплакал.

Венди стало его очень жаль. Она выдвинула ящик комода, достала свернутую трубочкой тень и, вооружившись иголкой с ниткой, стала пришивать ее на место. При этом язык ее не умолкал ни на минуту.

— Подумай, Питер. — говорила она, — папа хочет, чтобы мы скорее выросли. А нам вовсе этого не хочется. Вырастешь — и прощай все игры. Взрослые, они такие зануды!

— Я знаю остров, где дети никогда не взрослеют, — отвечал Питер. — Он называется остров Нетинебудет.

И Питер поведал девочке об этом острове, где живут потерянные мальчишки. Те, которых родители потеряли в раннем детстве. Кто заблудился, кто выпал из колясочки. Они там все живут вместе, и Питер у них за предводителя. У них на острове здорово весело!

Обуреваемая любопытством, Венди воскликнула:

— Питер, я тоже хочу на этот остров!

Чего проще! — отозвался Питер. — Я научу вас летать, и мы все прямо сейчас и полетим.

И вот все трое, Венди, Джон и Майкл, вылетели вслед за Питером в открытое окно. Пролетев над крышами засыпающего города, они понеслись над морскими просторами и вскоре достигли маленького острова с сонными заливчиками и бухточками.

— Вот мы и прибыли, — объявил Питер Пэн.

В этот самый момент солнце скрылось за горизонтом, и остров погрузился во тьму. В темноте были едва различимы силуэты идущих вдоль берега потерянных мальчишек, крадшихся следом за ними пиратов, также обитавших на острове, а следом за ними — индейцев и охотившихся на них диких зверей.

Чтобы пираты не могли напасть в ночное время, потерянные мальчишки оборудовали себе дом под землей. А спускались они туда по стволу старого дуплистого дерева, и главарь пиратов — капитан Крюк — долго не мог обнаружить, куда же мальчишки деваются по ночам.

В былые времена Питер ухитрился в битве отсечь капитану правую руку, и теперь у него вместо руки был приделан железный крюк. Пиратский капитан жаждал отомстить Питеру. А тут еще получилось так, что отсеченную руку Питер швырнул крокодилу, которому она пришлась здорово по вкусу. Теперь крокодил постоянно охотился за Крюком. Однако поймать Крюка ему никак не удавалось по той причине, что крокодил однажды проглотил будильник, и теперь громкое «тик-так» в его желудке предупреждало всякого о приближении опасности.

Но вернемся к Питеру и его новым друзьям. Довольно скоро Венди сумела сделаться настоящей мамой для потерянных мальчишек. Она готовила им обед, штопала драные носки и каждый вечер, уложив их в постель, рассказывала им увлекательную сказку. Ведь беднягам до того времени никто не рассказывал сказок.

И все шло просто превосходно.

Однажды под вечер все отдыхали на прибрежной скале. Вдруг Питер, который всегда первым чуял опасность, закричал:

— Пираты! Ныряй!

Все мальчишки, и Венди тоже, прыгнули в воды лагуны. Скала опустела, Юркий пиратский ялик стремительно приближался к скале. В нем находились двое пиратов, Старки и Сми, а третьей была связанная крепкими веревками Тигровая Лилия — дочь индейского вождя.

— Держи по ветру, салага! — командовал Старки. — Давай скинем эту краснокожую тут, на скале. И пусть себе тонет.

Одной минуты им хватило, чтобы перекинуть связанную девушку на скалу.

— Близится час прилива, — шепнул Питер на ухо Венди. — Она захлебнется. Ее срочно надо спасти!

Питер мгновенно сообразил, что надо сделать.

— Эй-й, вы там, салаги! — закричал он голосом Крюка. — Сейчас же развяжите и отпустите девчонку!

Пираты не осмелились послушаться капитана. Тигровая Лилия тут же скользнула в воду и поплыла к берегу.

Буквально через несколько минут на море показалась лодка, в которой плыли капитан Крюк и все остальные пираты.

— Что вы сделали с девчонкой? — завопил Крюк, убедившись, что скала пуста.

— Но капитан, — возразил ему Смит, — ты же сам распорядился...

Однако гордый своей сообразительностью Питер не выдержал.

— Ха-ха-ха! — захохотал он. — Ловко же я вас всех одурачил!

Крюк пришел в бешенство.

— Поймать мальчишку и доставить мне живым или мертвым! — прорычал он.

Между мальчишками и пиратами завязалась отчаянная битва. Мечи сверкали прямо над поверхностью воды.

— Пробыл твой последний час, Крюк! — Кричал Питер.

А Крюк от этого наливался злостью. Через какое-то время Крюк поднялся на скалу, чтобы перевести дух. И Питер взобрался туда же, только с другой стороны. Внезапно они оказались лицом к лицу. Питер быстро выхватил нож у Крюка из-за пазухи и уже был готов вогнать его в своего врага, как заметил, что он, Питер, стоит на скале несколько выше Крюка. Он благородно протянул руку, чтобы помочь противнику стать повыше. Иначе битва не была бы честной. Но бессовестный пират изо всех сил укусил руку Питера. Он прокусил ее до крови. На мгновение Питер остолбенел от такой подлости, но, придя в себя, резко толкнул Крюка в воду. А в воде... в воде послышалось тиканье. Это к Крюку приближался крокодил. Крюк в ужасе скрылся под водой и вынырнул только тогда, когда оказался уже очень далеко от скалы.

Тем временем мальчишки сумели завладеть пиратской лодкой. На скале остались только раненный Крюком Питер и Венди, которая ни за что не хотела покинуть его.

— Венди, — проговорил Питер. — Наступает час прилива. Вода становится все выше и выше. Плыви к берегу!

— Я не доплыву, Питер!

Вдруг что-то легонько коснулось щеки Питера. Оказалось — воздушный змей, которого Майкл смастерил на днях и который от него улетел.

Питер обмотал Венди мочальным хвостом, и змей понес ее к берегу. А вода все прибывала. «Мне предстоит умереть», — с грустью подумал Питер. И тут он увидел, как к скале в своем гнезде подплыла птица. Нет, старинная его приятельница.

— Скорее перебирайся ко мне в гнездо, — потребовала она.

Довольно быстро они добрались до твердой земли.

Схватка в лагуне возле скалы обеспечила Питеру преданность краснокожих. Теперь они день и ночь несли вахту возле дуплистого дерева, где был вход в подземное жилище потерянных мальчишек... Как-то вечером перед сном Венди рассказывала им сказку: «Жили-были на свете один господин и его жена. У них было трое детей. И вот однажды все трое улетели на волшебный остров. Их мама очень сильно опечалилась. И теперь она всегда держит окно открытым, надеясь, что когда-нибудь ее дети вернуться». Слушая ее, малыш Майкл расплакался.

— Я хочу назад, к нашей маме, — захныкал он.

Питер тяжело вздохнул.

— Ты ошибаешься насчет матерей, Венди, — заметил он, — Я тоже так думал, как ты. Но когда я наконец полетел домой, окно оказалось закрытым, а в моей постельке спал другой малыш.

Неожиданно сверху донеслись страшный шум и отчаянные крики. Это Крюк и его банда напали на индейцев. Завязалась кровавая битва. Грохот закончился так же внезапно, как и начался.

— Кто победил? — спросила Венди с тревогой.

Пираты жадно прислушивались к голосам, доносившимся через пустой ствол дерева. Они слышали ответ Питера:

— Если победили индейцы, они будут бить в там-там.

Тут капитана Крюка осенило. «Старики! — заорал он. — Лупи в там-там! Тогда они все по одному вылезут из своего убежища, а мы их схватим».

Пираты выстроились в цепь. Поднимавшихся по одному мальчишек они перекидывали друг другу. Венди выходила последней. С иронической любезностью Крюк предложил ей руку, не забыв предварительно снять шляпу и поклониться. Крюк отдал распоряжение, чтобы пленников препроводили на корабль. Питер — его раненая рука все еще болела — остался внизу. Но Крюку не столько были нужны мальчишки, сколько сам Питер. Он не простил ему скормленную крокодилу руку и жаждал мести. С трудом протискиваясь по стволу дерева, он спустился вниз. Питер спал. Крюк, оглядевшись, увидел на полочке стаканчик с лекарством, который приготовила Венди. Ага! Ясно, что, проснувшись, Питер его выпьет.

И коварный Крюк накапал в лекарство смертельный яд. Все! С ненавистным мальчишкой скоро будет покончено! Но он не заметил маленькую фею Динь-Динь, которая все видела сквозь щелку в занавесочке. И когда Питер проснулся и потянулся здоровой рукой за лекарством, Динь-Динь, как молния, выхватила стакан, мгновенно проглотила содержимое.

— Зачем ты это сделала? — изумился Питер.

— Потому что в стаканчике был смертельный яд. Крюк отравил твоё лекарство.

— Но теперь умрешь ты! — воскликнул Питер, и слезы брызнули у него из глаз.

— Не плачь, — успокоила его Динь-Динь. — Ты забыл, что я фея? Волшебные чары спасут меня.

Динь-Динь рассказала Питеру, как Венди и мальчишки попали в лапы к пиратам.

— Надо их спасти! На этот раз либо Крюк, либо я! — торжественно произнес Питер.

Он направился к морю, ужом прополз по земле, невидимый и неслышимый. Мальчишки, уже связанные, сидели на палубе пиратского корабля, Венди стояла, крепко привязанная веревками к корабельной мачте. Вдруг отчетливо послышалось: «тик-так», «тик-так». Ужас искажил физиономию Крюка. «Кро...ко...кодил», — прошептал он, прячась за спины своей пиратской команды. А те вертели головами и никак не могли увидеть никакого крокодила. Его попросту не было!

Мальчишки тоже с напряжением глядели в ту сторону, откуда доносилось тиканье. Но кого же они увидели вместо страшного чудовища? Питер Пэн собственной персоной появился на палубе! Это он придумал военную хитрость и принял тикать для устрашения своего врага. Разъяренный Крюк приказал немедленно казнить всех мальчишек.

— Фи, фи, капитан! — пристыдил его Питер. — Какой дурной тон! Только открытое сражение способно решить наш спор. Разве вы, капитан, не боитесь потерять лицо?

Надо заметить, что Крюк когда-то учился в привилегированном колледже, где самым большим грехом считалось поддаться дурному тону и «потерять лицо». Через минуту корабль наполнился звоном оружия. Может, пираты и победили бы, если бы они сражались дружно. Но натиск со стороны мальчишек, которых Питер, ясное дело, незаметно освобо-

дил от пут, застал их рассеянными в разных местах, и они метались по палубе. Некоторые прятались в темных углах, где их отыскивал кто-нибудь из мальчишек. А некоторые сами со страху прыгали в воду. Мальчишкам удалось расправиться со всеми. Оставался один только Крюк, но он стоил всех пиратов, вместе взятых.

— Мечи в ножны! — вдруг скомандовал Питер. — Этот человек принадлежит мне!

Питер и Крюк долго-долго смотрели друг на друга.

— Заносчивый и высокомерный мальчишка, готовься встретить свою смерть, — проговорил наконец капитан Крюк.

— Злой и мрачный мужчина, я тебя одолею, — отозвался Питер.

И не говоря больше ни слова, они скрестили оружие. Питер был отличным фехтовальщиком. Но Крюк решил пуститься на хитрость. Размахивая шпагой, которую он держал в левой руке, и отвлекая внимание мальчика, он попытался всадить в него свой острый железный крюк. Но тот сумел ловко увернуться, и Крюк, потеряв равновесие, полетел за борт... прямо в разинутую пасть крокодила!

Прощай, капитан Крюк! Прощай навсегда!

Следующим вечером в привычный час миссис Дарлинг вошла в гостиную, под села к роялю и заиграла грустную мелодию, которую она теперь наигрывала, после того, как все трое детей улетели из дома.

— Это мама! — воскликнули в один голос Джон и малышка Майкл. — Давайте войдем в гостиную на цыпочках и закроем ей ладошками глаза. Вот будет сюрприз!

— Что за глупая мысль, — возмутилась Венди. — Радостные вести тоже надо уметь сообщать деликатным способом.

Когда чуть позже миссис Дарлинг вошла в детскую, чтобы проверить, открыто ли окно, она не поверила своим глазам. Все три детские кровати были заняты их постоянными обитателями.

— Да, — вздохнула она. — Мне так часто казалось, что они вернулись! И вот опять — мерещится...

— Нет, мама, тебе ничего не мерещится, — закричала Венди, выскакивая из кровати и бросаясь в материнские объятия. За ней последовали ее младшие братья.

А сколько радости было за семейным ужином, какое царило веселье, когда мистер Дарлинг вернулся с работы и старая добрая Нэна подавала кушанья на стол. И никто не заметил мальчика, заглядывавшего снаружи в окно, и маленькую искорку, кружившую в вечернем воздухе.

— Ну что ж, Динь-Динь, нам пора, — произнес Питер Пэн. И за окном никого не стало.

[40: 83—88]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Определите значение следующих понятий: конфликт, антитеза.
2. Какими качествами, присущими детям, обладает Питер Пэн? Чему учит эта сказка?
3. Если бы вам пришлось создать образ-аллегию детства, что бы вы изобразили?
4. Сформулируйте свою тему письменной работы по сказке Барри «Питер Пэн», раскройте ее в сочинении-миниатюре.

Развитие анималистической сказки

Хью Лофтинг (1886—1947) — инженер и архитектор по образованию, создал книги о докторе Дулитле, благодаря которым в английской детской литературе получила дальнейшего развитие анималистическая сказка.

Сказку эту Лофтинг сначала написал в письмах с фронта в первую мировую войну и снабдил ее собственными иллюстрациями. Первая книга «Приключения доктора Дулитла» вышла в 1920 году, вторая — «История доктора Дулитла» — в 1922.

Доктор Дулитл — обаятельный образ, друг зверей, способный с отвагой защищать друзей и выполнять свой врачебный долг: открывший бесплатную лечебницу для зверей, отправляется в Африку лечить обезьян. Там он попадает в плен к страшному разбойнику и после многих приключений благополучно возвращается домой со своими верными спутниками и новым приятелем — двухголовым Тянитолкаем. Во 2-ой части подвиги Дулитла завершаются окончательной победой над морскими разбойниками.

Сказка добрая, в ней много веселых перевертышей, так как, пребывая на войне, Лофтинг в письмах своим детям не хотел

рассказывать о ее ужасах, а предпочел смешить и радовать их забавными историями. Детей также привлекает неторопливость и основательность фольклорного повествования, детального и обстоятельного.

Русским детям доктор Дулитл знаком под именем доктора Айболита, благодаря пересказу К. И. Чуковского.

THE STORY OF DOCTOR DOLITTLE

Once upon a time, many years ago — when our grandfathers were little children — there was a doctor and his name was John Dolittle. He lived in a little town called Puddleby-on-the-Marsh. All the people, young and old, knew him very well and when he walked down the street in his high hat everybody said:

«There goes the doctor. He's a very clever man».

All the dogs and cats knew him and even the birds that lived in the roof of the church knew him.

The house in which he lived was quite small but his garden was very large and had a lot of grass and flowers. His sister, Sarah Dolittle, took care of the doctor and the doctor took care of the garden. He loved animals and kept many pets. He had goldfish in the pond at the end of the garden, rabbits, white mice, a cow, a horse, chickens and many, many more. His favourite pets were Dab-Dab the duck, Jip the dog and Polynesia the parrot. His sister always said that she could never keep the house tidy when there were so many animals.

One day when an old lady came to see the doctor she sat on a hedgehog which was asleep on the sofa. The old lady never came again. Then his sister, Sarah Dolittle, came to see him and said: «John, people will not come to see you if you have so many pets in the house. A doctor cannot have a living room for hedgehogs and mice. Mr Jenkins and Mr Parsons say that they will never come near your house again. Soon we will have no money because the best people won't have you for a doctor».

«But I like my pets more than the "best people"», said the doctor.

His sister left the room, she knew she couldn't talk to him about his pets.

So, as time went on, the doctor got more and more pets but nobody came to see him. Only the Cat's-meat-Man came because he liked all animals. John Dolittle had more and more pets and it took a lot of money to buy them food. So he sold his piano. Then he sold his brown suit that he wore on Sundays. And now when he walked down the street in his high hat people said to one another: «There goes John Dolittle. There was a time when he was the best doctor in town. Look at him now. He hasn't any money and his socks and shoes are nothing but holes». But the dogs and the cats and the birds loved him as before.

One day the doctor was in his kitchen with the Cat's-meat-Man.

«You should take care of people's pets», said the Cat's-meat-Man. The parrot Polynesia stopped talking and started to listen.

«You know so much about pets», said the Cat's-meat-Man. «My wife read your book about cats to me. It's wonderful. You know how cats think. You could make a lot of money. Do you know that? I can send you all the people who have pets that are not very well. You can be their doctor».

The Cat's-meat-Man left the doctor think about his idea. The parrot flew on to the doctor's table and said: «That man is clever. That's what you must do. Take care of animals and not people».

«Oh, there are a lot of animal doctors», said John Dolittle.

«Yes, there are a lot», said Polynesia. «But they are not as good as you. Now listen and I'll tell you something. Did you know that animals can talk?» «I knew that parrots can talk», said the doctor.

«Oh, we parrots can speak two languages — people's language and bird's language», said Polynesia.

«If I say, "Polly wants a biscuit," you understand me. But listen: Ka-ka, oi-ee, fee-fee?»

«What did you say?» said the doctor.

«I said, "Is the porridge hot yet?" — in bird's language».

«You have never talked that way to me before», said the doctor.

«Tell me some more».

He went to get some paper and a pencil.

«Now don't go too fast and I'll write it down. Give me the Birds' ABC first — slowly now». And that is how the doctor came to know that animals have a language of their own and that they can talk to each other. Soon, with the parrot's help, the

doctor learnt the language of the animals so well that he could talk to them and understand what they said.

When the Cat's-meat-Man told everybody that John Dolittle was now an animal doctor people began to bring him their pets. He had a lot more work than before. And you will understand that the pets were so happy that at last they had a doctor who really knew what they wanted or needed.

[26: 11—13]

ДОКТОР АЙБОЛИТ

(отрывок)

Жил-был доктор. Он был очень добрый. Звали его Айболит. И была у него злая сестра, которую звали Варвара.

Больше всего на свете доктор любил зверей. В комнате у него жили зайцы. В шкафу у него жила белка. В буфете жила ворона. На диване жил колючий еж. В сундуке жили белые мыши. Но из всех своих зверей доктор Айболит любил больше всего утку Кику, собаку Авву, маленькую свинку Хрю-Хрю, попугая Карудо и сову Бумбу.

Очень сердилась на доктора его злая сестра Варвара за то, что у него в комнате столько зверей.

— Прогони их сию же минуту! — кричала она. — Они только комнаты пачкают. Не желаю жить с этими скверными тварями!

— Нет, Варвара, они не скверные! — говорил доктор. — Я очень рад, что они живут у меня.

Со всех сторон к доктору приходили лечиться больные пастухи, больные рыбаки, дровосеки, крестьяне, и каждому давал он лекарство, и каждый сразу становился здоров.

Если какой-нибудь деревенский мальчишка ушибет себе руку или поцарапает нос, он сейчас же бежит к Айболиту — смотришь, через десять минут он как ни в чем не бывало, здоровый, веселый, играет в пятнашки с попугаем Карудо, а сова Бумба угощает его леденцами и яблоками.

Однажды к доктору пришла очень печальная лошадь. Она тихо сказала ему:

— Лама, воной, фифи, куку!

Доктор сразу понял, что на зверином языке это значит:

«У меня болят глаза. Дайте мне, пожалуйста, очки».

Доктор давно уже научился говорить по-звериному. Он сказал лошади: «Купуки, кануки!» По-звериному это значит: «Садитесь, пожалуйста».

Лошадь села. Доктор надел ей очки, и глаза у нее перестали болеть.

— Чака! — сказала лошадь, замахала хвостом и побежала на улицу.

«Чака» по-звериному значит «спасибо».

Скоро все звери, у которых были плохие глаза, получили от доктора Айболита очки. Лошади стали ходить в очках, коровы — в очках, кошки и собаки — в очках. Даже старые вороны не вылетали из гнезда без очков.

С каждым днем к доктору приходило все больше зверей и птиц. Приходили черепахи, лисицы и козы, прилетали журавли и орлы. Всех лечил доктор Айболит, но денег не брал ни у кого, потому что какие же деньги у черепах и орлов! Скоро в лесу на деревьях были расклеены объявления:

Открыта больница
Для птиц и зверей.
Идите лечиться
Туда поскорей!

Расклеивали эти объявления Ваня и Таня, соседские дети, которых доктор вылечил когда-то от скарлатины и кори. Они очень любили доктора и охотно помогали ему.

[пересказ К. Чуковского, 32: 125—126]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Определите значение следующих понятий: герой, антигерой.
2. Какими качествами должен обладать человек, чтобы выполнить миссию доктора Айболита?
3. Сопоставьте различные иллюстрации к сказке «Доктор Айболит». На каком художнике-иллюстраторе вы бы остановили свой выбор? Почему?

Кеннет Грэм (1859—1932) — уважаемый служащий банка, написавший в письмах к сыну историю об обитателях Речного Берега. Но повесть «Ветер в ивах» появилась в Англии лишь в 1908 году. Успех же пришел в 1929 году, ког-

да повесть переделал в пьесу А. Милн. С тех пор она не сходит с подмостков театров мира.

О КЕННЕТЕ ГРЭМЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Э. Иванова

Долгое время нас лишали знакомства со многими значительными именами мировой литературы. Отрадно, что литература русского зарубежья хлынула сейчас на страницы периодики, а вот с достижениями мировой культуры наши издатели знакомят читателя все еще недостаточно. Но и здесь случаются «прорывы» к вершинам. К ним-то и можно отнести выход книги Кеннета Грэма «Ветер в ивах» («Детская литература»; перевод Ирины Токмаковой; для старшего дошкольного возраста).

...Судьба Кеннета Грэма не из блестящих. После завершения учебы он работал банковским служащим, тогда и начал сочинять. Первый его сборник повестей и рассказов — «Золотой век» — вышел в 1859 году, за ним второй — «Мечты и дни». Хотя обе книги причисляли к ведомству детской литературы, они скорее были психологическими студиями детской души и детского способа мышления для взрослого читателя. Детской книгой в истинном смысле, книгой, принесшей автору мировую славу, стала сказка, сложенная из писем к сыну, «Ветер в ивах» (1908).

Однако путь ее к детям не был столь скорым. Рукопись, посланную в несколько издательств, отклонили. После долгих сомнений сказку опубликовало одно лондонское издательство. Первые критические статьи отличались сдержанностью. Понадобились годы, чтобы книга завоевала популярность в Англии, Америке, в других странах, чтобы еще по истечении какого-то срока вошла в число «детских любимцев» всего мира.

В сказке «Ветер в ивах», состоящей из отдельных глав, каждая из которых — самостоятельный эпизод, нет лихо закрученной интриги, стремительных поворотов сюжета. Нет в сказке и захватывающих поединков, противоборства, перестрелки (только в конце книги). Герои ее гуляют, путешествуют, ходят друг к другу в гости, устраивают пикники, беседу-

ют друг с другом. Но в этой неторопливой, незатейливой жизни есть своя мудрость — мудрость благородного и разумного бытия, построенного в соответствии с высокими моральными принципами, кодексом чести, несовместимым с ложью, жестокостью, корыстолюбием.

Не случайно герои повести — животные. Кеннет Грэм был человеком страстно влюбленным в природу. Вот что говорил писатель о замысле этой книги: «Я написал о тех, кого знал, ибо чувствовал, что мой моральный долг — рассказать о моих друзьях. Каждое животное живет, повинаясь инстинкту, в согласии с природой. А потому живет мудро, обнаруживая превосходство по отношению к людской традиции... Животные никогда не лгут... не лицемерят, все животные правдивы, а потому... красивы и добры».

Да, на первый взгляд «Ветер в ивах» может показаться сказкой анималистической. Многовековые традиции животного эпоса и волшебной сказки здесь ощущаются. Но ее философские, мировоззренческие и нравственные аспекты позволяют судить о ней шире, видеть черты сказки-притчи, сказки философской. Доброта, личное достоинство, привязанность к родным пенатам, тяга к познанию, благородная дружба — вот что составляет нравственный «скелет» сказки, ее стержень, на который нанизываются события, повороты сюжета, детали быта и реальности, взаимоотношения ее героев.

Философию жизни, ее полноту и яркость, средоточие свежести и искренности чувств, непрерывного движения, развития и обновления, неустанный ток энергии К. Грэм связывает с Рекой (прообразом которой послужила Темза, где прошло детство писателя). Река воплощает то вечное и ценное, к чему устремлены помыслы автора и его героев и чему противопоставлена бездушная «машинория», воплощенная в образе дороги, по которой проносятся ревущие автомобили. На заре XX века они казались чудом и воспринимались как символ прекрасного будущего. Но Грэм оценивал автомобилестроение иначе, предчувствуя опасность бесконтрольного развития техники, наступавшей на человека и подчинявшей его своему диктату. Опасения Грэма (равно как и опасения его младшего современника Э. М. Форстера, высказанные в знаменитой новелле «Машина останавливается») приковывали внимание читателя к экологии, внушали ему доброе, бережное отноше-

ние к природе, среде своего обитания. Мастерски выписанные, они будили и будят щемящее чувство сопричастности всему живому. Летний пейзаж, зимний, весенний, осенний под рукою мастера становятся маленьким гимном в честь животворности природы, ее чистоты и разумности. Но не только экологии природы учит нас писатель; вольно или невольно читатель приобщается и к экологии культуры, культуры взаимоотношений, уважению, вниманию, доверительности.

В сказке, не противореча друг другу, перекрещиваются и взаимодополняют друг друга две линии. Первая связана с любознательным, общительным Кротом, которого мы застаем за утомительной уборкой дома после долгой зимы. Им овладевает смутное беспокойство, некое неосознанное легкомыслие, которое и заставляет бросить все дела и отправиться в огромный мир, полный весенних запахов, суеты и неожиданностей. Ему выпадает счастливая встреча с Водяной Крысой, дядюшкой Рэт. Завязывается дружба, которой в дальнейшем суждены различные испытания. Так начинаются волнующие приключения двух симпатичных, трогательных существ, каждый из которых вносит в повествование свою тему, свой оттенок бытия.

Дядюшка Рэт знакомит Крота с Рекой, своей кормилицей и поилицей, открывает ее красоту, знакомит с ее обитателями, их радостями и заботами. Благодаря другу Крот учится плавать, обращаться с лодкой, благодаря другу он полюбит проточную воду и, приняв ухом к тростниковым стеблям, подслушает, что им все время нашептывает и нашептывает ветер.

Знакомство с Рекой не приглушает у Крота любознательности и страсти к путешествиям. Несмотря на предостережения дядюшки Рэт, он все-таки отправляется дальше — в Дремучий Лес, который манит его своей красотой и таинственностью. Да и просто хочется ему свести знакомство с нелюдимым Барсуком. И тут Крот познает то, что называется страхом, то, что испытывают жители леса в самые темные минуты своей жизни, от чего дядюшка Рэт тщетно пытался его оградить — Ужас Дремучего Леса! В какие глубины порою нас заманивает любознательность! Крот неминуемо угодил бы в беду, если б не верный дядюшка Рэт, разыскавший его в лесу и после долгих мытарств доставивший друга в гостеприимный дом Барсука.

Долгие скитания отвлекают Крота от родных пенатов. Но однажды, в канун Рождества, возвращаясь с охоты, он ощуща-

ет как легкое дуновение какие-то ласковые призывы. Дом! Старенький, небольшой, скромно обставленный, но такой родной, уютный. Как хорошо после дальних странствий оказаться у родного очага!

Тяга к неизвестному, далекому и прекрасному овладевает и благоразумным дядюшкой Рэт. С этим образом в повествование входит поэзия. Деликатный и дружелюбный, Рэт в минуты хорошего настроения сочиняет стихи, часто веселые:

В тихой, сонной заводи —
Гляньте, просто смех! —
Наши утки плавают
Хвостиками вверх.

Белых хвостиков — не счесть,
Желтых лапок — вдвое.
Где же клювы? Тоже есть,
Но только под водою!

Эти «утиные припевки» очень нравятся самому сочинителю. Правда, вот уткам, которым они посвящаются, озорство дядюшки Рэт немножко надоедает. Встреча с бывалым Мореходом — морской крысой, побывавшим во многих странах и повидавшим знаменитые портовые города, его рассказы о заманчивых путешествиях пробуждают в дядюшке Рэт тягу к романтике дальних странствий. Ему хочется отправиться вдаль, изведать необычное, познать неведомое. Крот удерживает друга от необдуманных поступков. Но окончательно возвращает его к жизни спасительная поэзия.

Другая линия сказки связана с достойным мистером Тоуд. Вот тут мягкие, поэтичные ноты повествования сменяются сатирическими. Образ богача жабы — мистера Тоуд, претерпевает изменения. В начале книги этот симпатичный франтоватый господин, одетый с иголочки, с отчаянной легкостью хватающийся за все новое, непрерывно увлекающийся, вызывает улыбку. То он ходит на яхте под парусом, то пересаживается в плоскодонку с шестом, то заводит барку с домом и плавает по Реке. Но вот мистером Тоуд овладевает новая причуда — путешествие в экипаже, куда он берет с собой неразлучных Крота и Рэт: по дороге норовит свалить на них все хозяйственные заботы. Путешествие кончается плачевно: чудо

XX века роскошный автомобиль пугает их лошадь, и путешественники сваливаются в канаву. С этого юмористического эпизода у мистера Тоуд разгорается автомобильная страсть, настолько умопомрачительная, что приводит его в тюрьму.

Может быть, автомобиль, вернее, страсть к сенсации, становится причиной катастрофического изменения характера мистера Тоуд. А может, все это накапливалось в нем подспудно. Однако симпатия к нему убывает. К концу повествования юмор писателя достигает неподдельного сарказма. Чего стоит, например, самодовольная песня мистера Тоуд:

...Вся армия нынче идет на парад,
За взводами движется взвод.
Кому отдают солдаты салют?
Конечно же, мистеру Тоуд!

Сидела с утра королева в саду
И шила из байки капот.
Воскликнула: «Ах! Кто там весь в орденах!»
Ответили ей: «Мистер Тоуд!»

Юмор в детской книге — вещь, пожалуй, обязательная. С помощью юмора, легкой беззаботной шутки можно достичь многого. Юмор — кратчайший путь к сердцу читателя. Сказать, что сказка «Ветер в ивах» — произведение юмористическое, значит ничего не сказать. У К. Грэма — юмор особого свойства, традиционно английский, без внешнего эффекта, но с глубинным подтекстом, останавливающим внимание и заставляющим во многое вдуматься. Вот, к примеру, Рэт, Крот и мистер Тоуд отправляются путешествовать. Но если два участника поездки сидят на повозке, то Крот шагает впереди возле лошадиной морды и беседует с лошастью, потому что лошадь жалуется, что на нее никто не обращает внимания. Или приключения мистера Тоуд. Они описаны в такой юмористической тональности, что не раз вызывают веселый беззаботный смех, оглушительный хохот. Так, за угон машины мистер Тоуд осужден на двадцать лет тюремного заключения. Но он бежит из тюрьмы, переодевшись прачкой. Вот Тоуд бежит, например, по лесу и натывается на лису, кричащую ему вслед: «Привет, прачка! Опять не хватает наволочки и одного носка. Смотри, чтобы это было в последний раз!» Вот Тоуд, спасаясь

бегством на похищенной лошади, возмущенно кричит цыгану: «Разве ты не видишь, что эта лошадь не для того, чтобы таскать повозку. Это лошадь хороших кровей! Частично. Не там, где ты на нее смотришь. С другой стороны, где тебе не видно!»

Сказка Грэма адресована юным слушателям-читателям. Однако, как это нередко бывает с незаурядными мастерами, она популярна и среди взрослых, так как овеяна поэзией детства, тоской автора по этой поре жизни с ее голубым небом, ярким солнцем, неутомимой рекой, неподдельными чувствами, искренней радостью, верной дружбой и преходящими печальями.

Безусловно, «Ветер в ивах» — один из замечательных примеров современной анималистической сказки с глубоким мировоззренческим подтекстом. Юмор Грэма, образный строй его книги тесно связан с его предшественниками, прежде всего Л. Кэрроллом. Однако тон повествования у Грэма претерпевает изменения: он смело вводит в книгу реалии иного, нежели у Кэрролла, времени — начала XX века. Современность мелкими подробностями быта вплетается в сказку и приближает ее к читателям, так что сказочные герои оказываются не такими уж непостижимыми существами. Как сказочник, Грэм владеет и прекрасным искусством типизации, унаследованным современной английской литературой от великих критических реалистов XIX века. А как писатель иной эпохи он великолепно вписывается в наше время, в наши заботы о воспитании нравственно чистой личности, живущей в мире и согласии с природой и другими живыми существами.

Мы сейчас много говорим о широте и глубине культурной памяти, об органичном освоении не только собственного наследия, но и других слагаемых нынешней многосоставной, основанной на общечеловеческих ценностях цивилизации, о диалоге культур. Все чаще и чаще отмечаются сохраняющиеся для нашего читателя «белые пятна» западной литературы, незнание имен, входящих за рубежом в школьные и вузовские программы, осуждаются элементы духовной изоляции, которые принесли миру много бед в прошлом, которые и в дальнейшем чреваты немалыми потерями.

Между тем в программах воспитания в детских садах и существующих ныне школьных курсах зарубежная детская литература и мировая классика представлены микроскопическими дозами. То небольшое из иностранной литературы, что

издается для детей, как правило, бесконечные переиздания Андерсена, Перро, Дефо, Стивенсона, Жюль Верна, А. Дюма. Ни для кого не секрет: современные дети не знают зарубежной литературы. Те немногие переводы, которые к ним случайно попадают, они не воспринимают как принадлежность к другой культуре.

А ведь какой благодатный материал для литературного воспитания так называемые «бродячие сюжеты»! К примеру, Золушка, так красочно описанная Ш. Перро, братьями Гримм, да и нашим Е. Шварцем. Или сюжет померанской сказки и сказки А. С. Пушкина «О золотой рыбке». И не показателен ли для малышей такой диалог культур: К. Коллоди «Пиноккио» — А. Н. Толстой «Приключения Буратино», Хью Лофтинг «Доктор Дулитл» — К. И. Чуковский «Доктор Айболит»? И разве не дополняют картину мира, формирующуюся в сознании маленького читателя, такие шедевры мировой литературы, как лесная сказка Ф. Зальтена «Бемби» и Э. Синклера «Гномобиль», речная сказка К. Грэма «Ветер в ивах» и другие всемирно известные, но пока не переведенные у нас сказки его соотечественников — Клайва Степлза Льюиса, Элизабет Несбит, Джорджа Макдональда, американца Элвина Брукса Уайта?

Освоив это в детстве, ребята, подростки, осознают: всемирная литература — не механическая сумма литератур отдельных народов, а многосложное явление со своими внутренними соотношениями и взаимосвязями. Тогда они лучше поймут и свою отечественную литературу в системе мирового литературного единства, да и ощутят жизненность идеи общечеловеческого братства.

Вот на какие мысли, кроме благодарности за великолепный перевод Ирине Токмаковой, наводит сказка, появившаяся три четверти века назад и только сейчас обретающая у нас «права гражданства».

[22: 53—57]

ВЕТЕР В ИВАХ

(отрывок)

— Рэтти, — сказал Крот однажды ясным летним утром, — я хочу тебя о чем-то попросить, можно?

Дядюшка Рэт — Водяная крыса — сидел на берегу и напевал песенку. Он только что ее сам сочинил, и она, надо сказать, очень ему нравилась. Он не обращал внимания ни на Крота, ни на кого бы то ни было вообще. Он с раннего утра досыта наплавался в реке вместе со своими друзьями утками. Когда вдруг утки неожиданно становились в воде вниз головой, как это свойственно уткам, он тут же нырял и щекотал им шейки, как раз в том месте, где мог оказаться подбородок, если бы он у них был, до тех пор щекотал, пока им не приходилось торопливо выныривать на поверхность. Они выныривали, разбрызгивая воду, сердясь и топорща на него свои перышки, потому что невозможно сказать все, что ты о ком-то думаешь, когда у тебя голова под водой. Под конец они уж просто взмолились и попросили заняться своими собственными делами и оставить их в покое. Ну вот, дядюшка Рэт и отстал от них, и уселся на бережке, и сочинил про них песенку, которую он назвал

Утиные припевки

В тихой сонной заводи —
Гляньте, просто смех!
Наши утки плавают
Хвостиками вверх.
Белых хвостиков — не счесть,
Желтых лапок — вдвое.
Где же клювы? Тоже есть,
Но только под водою!
— Там, где заросли густы,
Где шустрят плотвички,
Мы всегда запас еды
Держим по привычке.
То, что любишь, делай ты,
Мы же, в свой черед,
Любим вверх держать хвосты,
А клюв — наоборот.
С криком кружатся стрижи
В небе без помех,
Мы ныряем от души
Хвостиками вверх!

— Мне что-то не очень, Рэтти, — заметил Крот осторожно. Сам он не был поэтом, стихи ему были как-то безразличны, он этого и не скрывал и говорил всегда искренне.

— И уткам тоже не очень, — бодро заметил дядюшка Рэт. — Они говорят: «И почему это нельзя оставить других в покое, чтобы они делали, как хотят, что хотят и когда хотят, а надо вместо того расслаивать на берегах, и отпускать всякие там замечания, и сочинять про них разные стишки и все такое прочее. Это довольно-таки глупо». Вот что говорят утки.

— Так оно и есть, так оно и есть! — горячо поддержал уток Крот.

— Вот как раз и нет! — возмутился дядюшка Рэт.

— Ну, нет так нет, — примирительно отозвался Крот. Я вот о чем хотел тебя попросить: не сходим ли мы с тобою в Тоуд-Холл? Я столько слышал: «Жаба — мистер Тоуд — то, да мистер Тоуд — се», а до сих пор с ним не познакомился.

— Ну, разумеется, — тут же согласился добрый дядюшка Рэт и выкинул на сегодня поэзию из головы. — Выводи лодку, и мы туда быстрехонько доплываем. К нему, когда ни явись, все будет вовремя. Утром ли, вечером ли, он всегда одинаковый. Всегда в хорошем настроении, всегда рад тебя видеть, и каждый раз ему жаль тебя отпускать.

— Мистер Тоуд, наверное, очень хороший зверь, — заметил Крот, садясь в лодку и берясь за весла, в то время как дядюшка Рэт устраивался поудобнее на корме.

— Он, действительно, просто замечательный зверь, — ответил дядюшка Рэт. — Такой простой, и привязчивый, и с хорошим характером. Ну, может, он не так уж умен, но все же не могут быть гениями, и, правда, он немножечко хвастун и зазнайка. Но все равно у него много превосходных качеств, у нашего мистера Тоуд, в самом деле, много превосходных качеств.

Миновав излучину, они увидели красивый и внушительный, построенный из ярко-красного кирпича старинный дом, окруженный хорошо ухоженными лужайками, спускающимися к самой реке.

— Вот и Тоуд-Холл, — сказал дядюшка Рэт. — Видишь слева бухточку, где на столбике объявление: «Частная собственность. Не чалиться», там как раз его лодочный сарай, там мы и оставим свою лодку. Справа — конюшни. А это, куда ты смотришь, банкетный зал. Самое старое строение из

всех. Мистер Тоуд довольно богат, и у него, пожалуй, самый хороший дом в наших краях. Только мы при нем это особенно не подчеркиваем.

Легко скользя, лодка пересекла бухту, и в следующий момент Крот стал сушить весла, потому что они уже въезжали в тень большого лодочного сарая. В сарае было много хороших лодочек, подвешенных к поперечным балкам при помощи канатов или поднятых на стапеля. Ни одной лодки не было спущено на воду, и вообще здесь все выглядело как-то заброшенно и неуютно, и казалось, что сюда уже давно никто не заглядывал. Дядюшка Рэт поглядел вокруг.

— Понимаю, — сказал он. — С лодочным спортом покончено. Ему надоело, он наигрался. Интересно, какая новая причуда теперь им овладела? Пошли, поищем, где он. Очень скоро мы сами все это услышим, не беспокойся.

Они сошли на берег и двинулись наискосок через веселые цветущие лужайки на поиски хозяина, на которого вскорости и наткнулись, найдя его сидящим в плетеном кресле с очень сосредоточенным выражением лица. Огромная карта была расстелена у него на коленях.

— Ура! — закричал он, вскакивая, лишь только завидел их. — Это замечательно!

Он горячо пожал лапы обоим, не дожидаясь, пока ему представят Крота. — Как это мило с вашей стороны! — выплясывал он возле гостей. — Я только что собирался послать кого-нибудь в лодке за тобой, Рэтти, и дать строгий наказ немедленно тебя привезти, как бы ты там ни был занят. Вы мне очень нужны оба. Ну, чем вас угостить? Войдите в дом, перекусите немножечко. Вы даже не представляете себе, как здорово, что вы появились именно сейчас!

— Давай-ка посидим тихонько хоть минутку, Тоуд, — сказал дядюшка Рэт, усаживаясь в кресло, в то время как Крот занял другое, бормоча учтивые слова насчет «прелестной резиденции».

— Самый прекрасный дом на всей реке! — воскликнул мистер Тоуд хвастливо. — На всей реке и вообще где бы то ни было, если хотите, — добавил он.

Дядюшка Рэт легонько толкнул Крота. К сожалению, мистер Тоуд заметил это и страшно покраснел. Наступило неловкое молчание. Потом мистер Тоуд расхохотался.

— Да ладно, Рэтти. Ну, у меня такой характер, ты же знаешь. И на самом-то деле это ведь не такой уж плохой дом, правда? Признайся, что тебе он тоже нравится. А теперь послушай. Будем благоразумны. Вы как раз те, кто мне нужен. Вы должны мне помочь. Это чрезвычайно важно.

— Полагаю, это связано с греблей, — заметил дядюшка Рэт с невинным видом. — Ты делаешь большие успехи, хоть и поднимаешь брызги чуть-чуть больше, чем надо. Но если ты проявишь терпение и поупражняешься как следует, то ты...

— Вот еще, лодки! — перебил его мистер Тоуд с отвращением в голосе. — Глупые мальчишеские забавы! Я уже давным-давно это оставил. Пустая трата времени, вот что я вам скажу. Мне просто до слез вас жалко, когда я вижу, как вы тратите столько драгоценной энергии на это бессмысленное занятие. Нет, я наконец-то нашел стоящее дело, истинное занятие на всю жизнь. Я хочу посвятить этому остаток своей жизни и могу только скорбеть о зря потраченных годах, выброшенных на пустяки. Пойдемте со мной, Рэтти, ты и твой доброжелательный друг, если он будет так любезен, здесь недалеко идти, всего лишь до конюшни. Там вы кое-что увидите.

Он пошел вперед, указывая им путь в сторону конюшенного двора, а следом за ними двинулся дядюшка Рэт с выражением крайнего сомнения на лице. И что же они увидели? Во дворе стояла выкаченная из каретного сарая новехонькая цыганская повозка канареечно-желтого цвета, окаймленная зеленым, и с красными колесами!

— Ну! — воскликнул мистер Тоуд, покачиваясь на широко расставленных лапах и раздуваясь от важности. — Вот вам истинная жизнь, воплощенная в этой небольшой повозочке. Широкие проселки, пыльные большаки, вересковые пустоши, равнины, аллеи между живыми изгородями, спуски, подъемы! Ночевки на воздухе, деревеньки, села, города! Сегодня здесь, а завтра — подхватились — и уже совсем в другом месте! Путешествия, перемены, новые впечатления — восторг! Весь мир — перед нами, и горизонт, который всякий раз иной! И заметьте, это самый прекрасный экипаж в таком роде, свет не видал более прекрасного экипажа. Войдите внутрь и посмотрите, как все оборудовано. Все в соответствии с моим собственным проектом!

Кроту было необыкновенно любопытно поглядеть, и он торопливо поднялся на подножку и полез внутрь повозки. Дядюшка Рэт только фыркнул и остался стоять, где стоял. Все было сделано, действительно, очень разумно и удобно. Маленькие коечки, столик, который складывался и приставлялся к стене, печечка, рундучки, книжные полочки, клетка с птичкой и еще — чайники, кастрюльки, кувшинчики, сковородки всяких видов и размеров.

— Полный набор всего, чего хочешь! — победоносно заявил мистер Тоуд, откидывая крышку одного из рундучков. — Видишь: печенье, консервированные раки, сардины — словом, все, чего ты только можешь пожелать.

— Здесь — содовая, там — табачок, почтовая бумага и конверты, бекон, варенье, карты, домино, вот ты увидишь, — говорил он, пока они спускались на землю, — ты увидишь, что ничего, решительно ничего не забыто, ты это оценишь, когда мы сегодня после обеда тронемся в путь.

— Я прошу прощенья, — сказал дядюшка Рэт с расстановкой, жуя сухую соломинку, — мне показалось или я в самом деле услышал что-то такое насчет «мы», и «тронемся в путь», и «после обеда»?

— Ну, милый, ну хороший, ну старый друг Рэтти, ну не начинай разговаривать в такой холодной и фыркучей манере, ну ты же знаешь, ты просто должен со мной поехать! Я просто никак не могу без тебя обойтись, ты уж, пожалуйста, считай, что мы уговорились. И не спорь со мной — это единственное, чего я совершенно не выношу. Не собираешься же ты всю жизнь сидеть в своей старой, скучной, тухлой речке, жить в прибрежной норе и только и знать, что плавать в лодке? Я хочу показать тебе мир! Я хочу сделать из тебя зверя, как говорится, с большой буквы, дружочек ты мой!

— Мне наплевать! — сказал дядюшка Рэт упрямо. — Я никуда не еду, и это совершенно твердо. Я именно собираюсь провести всю жизнь на реке в прибрежной норе и плавать на лодке, как плавал. Мало того, Крот тоже останется со мной и будет делать все то, что делаю я, правда, Крот?

— Да, конечно, — отозвался верный Крот, — я всегда буду с тобой, и как ты скажешь, так все и будет. И все-таки, знаешь, было бы вроде весело... — добавил он задумчиво.

Бедный Крот! Жизнь Приключений! Для него все было так ново, так интересно. Его манили новые впечатления. К тому же он просто влюбился с первого взгляда в канареечный экипажик и его замечательное оборудование.

Дядюшка Рэт понял, что творится в его голове. Он заколебался. Он не любил никого огорчать, а к тому же любил Крота и готов был почти на все, чтобы порадовать его. Мистер Тоуд пристально глядел на обоих.

— Пошли в дом, перекусим чего-нибудь, — сказал он дипломатично, — Мы все это обсудим. Ничего не надо решать сразу. Мне вообще-то все равно. Я хотел доставить вам удовольствие, ребята. «Жить для других» — таков мой девиз.

Во время ланча — а он был отличным, как все вообще в Тоуд-Холле, — мистер Тоуд все-таки не удержался. Не обращая никакого внимания на дядюшку Рэт, он играл на неопытной душе Крота, как на арфе. По природе разговорчивый, с богатым воображением, тут уж он просто не закрывал рта. Он рисовал перспективу путешествия, вольной жизни, всяких дорожных удовольствий такими яркими красками, что Кроту с трудом удавалось усидеть на стуле. Постепенно как-то само собой получилось, что путешествие оказалось делом решенным, и дядюшка Рэт, внутренне не очень-то со всем согласный, позволил своей доброй натуре взять верх над его личным нежеланием. Ему было трудно разочаровывать друзей, которые успели глубоко погрузиться в планы и предчувствия, намечая для каждого дня в отдельности занятия и развлечения, планируя их на много недель вперед.

Когда все окончательно созрело для поездки, мистер Тоуд вывел своих компаньонов на луг за конюшней и велел поймать старую серую лошадь, которой предстояло во время путешествия выполнять самую тяжелую и пыльную работу, хотя, к ее неудовольствию, с ней никто предварительно не посоветовался. Она открыто предпочитала луг, и поэтому некоторое время пришлось потратить, чтобы ее изловить. Тем временем мистер Тоуд набил рундучки еще плотнее всякими необходимыми вещами, а лошадиные горбы с овсом, мешочки с луком, охапки сена и всякие мелкие корзинки прикрепили снизу ко дну повозки.

Наконец лошадь изловили и запрягли, и путешественники тронулись в путь, все что-то говоря разом, кто сидя на коз-

лах, кто шагая рядышком с повозкой, — кому как заблагорассудилось.

Было золотое предвечерье. Запах пыли, которую они поднимали по дороге, был густой и успокаивающий. Из цветущих садов по обеим сторонам дороги их весело окликали птицы. Добродушные путники, которые попадались навстречу, останавливались и здоровались с ними, говорили несколько слов в похвалу красивой повозки, а кролики, сидя на крылечках своих домов, спрятанных в живой изгороди, поднимали передние лапки и восклицали: «Ах! Ах! Ах!»

Поздним вечером, усталые и счастливые, находясь уже очень далеко от своего дома, они свернули на пустырь, распрягли лошадь, чтобы она попаслась. Они уселись поужинать на травке возле повозки. Мистер Тоуд хвастался тем, что он предпримет в ближайшие дни: а звезды вокруг них все разгорались и разгорались, и желтая луна, которая молча появилась неизвестно откуда, придвинулась, чтобы побыть с ними и послушать, о чем они говорят. Наконец они улеглись на свои коврики, и мистер Тоуд, блаженно вытягивая ноги под одеялом, сказал сонным голосом:

— Спокойной ночи, ребята! Вот это настоящая жизнь для джентльмена! И не говорите мне больше ни слова о реке.

— Я не говорю о реке, Тоуд, ты же видишь, я ничего не говорю. Но я думаю о ней, — вздохнул Рэт печально. — Я думаю о ней все время!

Крот высунул лапу из-под одеяла, нащупал в темноте лапу друга и пожал ее.

— Я сделаю, как ты захочешь, Рэтти, — прошептал он. — Хочешь, мы завтра рано утром убежим? Очень-очень рано? И вернемся в нашу милую норку на реке?

— Нет, погоди, уж доведем дело до конца, — ответил дядюшка Рэт тоже шепотом. — Спасибо тебе. Но я предпочел бы находиться рядом с мистером Тоуд, пока это путешествие не завершится. Небезопасно оставлять его одного. За ним надо приглядеть. Впрочем, все скоро кончится. Его причуды недолговечны. Спокойной ночи!

[пер. И. Токмаковой, 32: 102—107]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Раскройте значение понятия «экология культуры».
2. К. Грэм писал: «Каждое животное живет, повинаясь инстинкту, в согласии с природой. А потому живет мудро, обнаруживая превосходство по отношению к людской традиции... Животные никогда не лгут, не лицемерят, все животные правдивы, а потому... красивы и добры». Подтвердите слова писателя примерами из сказки.
3. Напишите реферат по материалам статьи Э. Ивановой «О Кеннете Грэме и не только о нем».

Беатрис Хелен Поттер (1866—1943) — писательница и художник, ее замечательные сказки о животных вошли в сокровищницу английской детской литературы. Большинству детей она известна как автор книг о Кролике Питере, храбром, жизнерадостном зайчонке, всегда находящем выход из затруднительных ситуаций, и его друзьях.

Животных Б. Поттер любила с детства — она выросла в богатой семье, в окружении гувернанток и множества домашних зверушек, среди которых были котята и птицы, лягушка и еж, крыса и мышка. Получив первые гонорары за «Питера — кролика» (1901), она купила ферму Хилл Топ, где и написала большинство своих знаменитых сказок для собственных детей и детей своих близких.

Почти во всех сказках Поттер не позволяет читателям усомниться в реальности происходящего, какими бы невероятными ни были чудесные приключения ее героев.

Беатрис Поттер писала стихи и очень любила загадывать маленьким читателям загадки в стихах. Так бельчонок по имени Орешкин, герой одноименного рассказа, «дергался, словно красная ВИШНЯ на ветке, и распевал:

*Эту загадку не знает никто;
Маленький, красненький, в красном пальто,
С палкой в руке,
С камнем в мешке.
Отгадай — и прибавится
Пенс в кошельке!*

Но сказки Поттер не только занимательны и смешны. Они учат детей, как правильно вести себя, как важно быть вежли-

вым и внимательным, добрым и трудолюбивым, помогать взрослым и слушаться родителей.

Все тексты она иллюстрировала сама, создавая нежные акварели в пастельных тонах, но не любила рисовать человеческие фигуры. В сказках люди появляются изредка и никогда не играют решающей роли.

Невероятное обаяние поттеровских сказок в бесконечной, какой-то надбытовой доброте, в умении каждому зверю придать точный человеческий характер, в прозрачности и безыскусности языка.

THE TALE OF PETER RABBIT

Once upon a time there were four little rabbits and their names were Flopsy, Mopsy, Cotton-tail and Peter. They lived with their mother under a very big tree.

«Now, my dears», said old Mrs Rabbit one morning, «you may go into the forest but don't go into Mr McGregor's garden: your father was put in a pie by Mrs McGregor. Now run along. I am going out. «Then old Mrs Rabbit took a basket and her umbrella, and went through the forest to the baker's. She bought a loaf of brown bread and five buns.

Flopsy, Mopsy and Cotton-tail, who were good little bunnies, went to gather blackberries. But Peter, who was very naughty, ran to Mr McGregor's garden. First he ate some lettuces and some beans, and then he ate some radishes. But suddenly whom should he meet but Mr McGregor! Mr McGregor was watering young cabbages. He ran after Peter calling out, «Stop thief!» Peter was afraid; he ran all over the garden and couldn't find the way back home. He lost one of his shoes among the cabbages, and the other shoe among the potatoes. He ran into the toolshed and jumped into a can which had a lot of water in it. Then he jumped out of a window. The window was too small for Mr McGregor, and he was tired of running after Peter. He went back to his work.

[26: 5—6]

СКАЗКА ПРО МИССИС ТИГГИ МИГЛ

(Перевод с английского и инсценировка И. Токмаковой)

Действующие лица: Ведущий (воспитатель), Люси, Курочка Пеструшка, Кот Полосатик, мама Крольчиха, Ежиха, миссис Тигги Мигл.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двор возле домика, где живет Люси.

Ведущий: Здравствуйте, дети! Здравствуйте, девочки и мальчики! И взрослые тоже к нам сегодня пришли? Здравствуйте, дорогие взрослые! Сейчас мы расскажем вам сказочку про девочку Люси...

Жила-была девочка, и, как уже было сказано, звали ее Люси. Жила она на ферме, которая называлась Литтлтаун, что означает по-русски — «городок». Очень хорошая была девочка Люси, добрая и послушная. Только все время теряла свой передничек и носовые платочки. Да вот она сама сюда идет.

Ведущий отходит в сторону. Входит Люси.

Люси (всхлипывая): Ну, вот беда! Опять беда! Пропал передник без следа. Пропал платочек беленький, расшитый клеткой меленькой, другой платочек — кружевной, и третий — с синенькой каймой. Ах, где же, где же мой передничек и мои платочки?

Ищет, не находит. Появляется курочка Пеструшка.

Пеструшка (клюет зернышки и напевает):

Раз — зерно, и два — зерно,

Очень вкусное оно,

Это просо, вот ячмень.

Так тружусь я целый день,

Не скучаю, не грущу,

Вас яичком угощу.

Люси (бросаясь навстречу Пеструшке): Курочка Пеструшка, не знаешь ли ты, где мой передничек? И платочек беленький, расшитый клеткой меленькой, и платочек кружев-

ной, и третий — с синенькой каймой? Я опять их потеряла и никак не могу найти!

Пеструшка: Откуда-куда я знаю? Может, и близко, а может, и далеко-ко-ко!

Пеструшка уходит, появляется мама Крольчиха,
у нее в лапках — корзинка с овощами.

Крольчиха:

Морковку и капустку,

И спелые початки

Съедят в одну минутку

Сынки мои — крольчатки,

Скорей берите стульчики,

Садитесь все за столики,

Давайте, мойте лапки.

(Оглядывается.)

Эй, где вы, где вы, кролики?

Люси (подбегает к Крольчихе): Мама Крольчиха, не видела ли ты моего передничка? И платочки тоже потерялись! Один платочек беленький, расшитый клеткой меленькой, другой платочек — кружевной, а третий — с синенькой каймой. Где они могут быть?

Крольчиха: Не до твоих платочков, Люси! Я ищу своих крольчат, им пора обедать. (Убегает.)

Люси: Ну, где же, где же все-таки мои платочки и мой любимый хорошенький передничек?

Появляется кот Полосатик. Он движется плавно, держится важно.

Полосатик:

Мяу-мурр, мяу-мурр,

Как я гляну сквозь прищур,

Сразу я увижумышь,

От меня не убежишь!

Я не трачу лишних слов,

Я отличный мышелов.

Мурр, Люси! Здравствуй! Что ты такая сегодня печальная?

Люси: Да как же мне не печалиться, Полосатик, опять я потеряла свой любимый хорошенький передничек, и платочки — один платочек беленький, расшитый клеткой мелень-

кой, другой платочек кружевной, а третий — с синенькой каймой. Ты случайно не видел их, а Полосатик? Ну, вспомни, пожалуйста, вспомни.

Полосатик: Да откуда мне знать, где твои платочки. Я мышь подстерегал, занят был всю ночь. А ты — платочки!

Люси (*пристально взглядываясь вдаль*): Ой, что это там мелькает? Что-то белеет вон там, там, на вершине холма! (*Убегает.*)

Ведущий: И побежала девочка Люси, стала карабкаться на холм быстро-быстро по крутой тропинке все вверх, так что Литтлтаун оказался прямо под нею. Она могла бы, если б захотела, забросить камешек прямо в трубу. Невдалеке Люси увидела маленький домик и направилась к нему.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Интерьер дома миссис Тигги Мигл. Стол, стул.

На столе — бельевая корзинка. Плита. На плите в ведре кипит белье.

Миссис Тигги Мигл помешивает палкой.

Ведущий: Знаете, где мы оказались? В домике миссис Тигги Мигл. Догадались, кто она? Ну, конечно, вы же видите иголки, которые выглядывают у нее из-под чепчика. Ясное дело — она ежиха. А занята она тем, что стирает белье, да так чисто, так умело! Что это она там про себя бормочет?

Ведущий отходит в сторону.

Тигги Мигл:

Блузки — скатерочки,

Кружева-оборочки,

Не осталось ни пятна,

Все сплошная белизна.

Все-таки отличная я прачка. Нет, я не хвастаюсь. Как можно не порадоваться тому, что делаешь свое дело хорошо. Вот стоит мне прийти в Литтлтаун, как все меня приветствуют: мол, здравствуйте, миссис Тигги, добрый день, миссис Тигги Мигл. Почему «Мигл»? Ну, потому, что я тоже рада их видеть и всем радостно подмигиваю. Вот меня и зовут миссис Тигги Мигл. Т-сс... Слышите? Тук-тук-тук... Это кто-то стучит. Войдите! Открыто!

Входит Люси.

Люси: Здравствуйте! Меня зовут Люси. А вы — миссис Тигги Мигл?

Тигги Мигл: О, да, да, да, сударыня! С вашего позволения, меня так и зовут — миссис Тигги Мигл. И знаете, никто не умеет крахмалить белье лучше меня.

Люси: А вы случайно не видели...

Тигги Мигл (*перебивая*): Обратите внимание, как отглажен и как накрахмален этот нагрудничек кота Полосатика. Видите?

Люси: А вы случайно не находили...

Раздается стук в дверь.

Тигги Мигл: Войдите, не заперто!

Входит кот Полосатик.

Тигги Мигл: А вот, с вашего позволения, и он сам. Прощу вас, получите свой нагрудничек.

Полосатик (*рассматривая*): Идеально выстирано, идеально выглажено. Спасибо, миссис Тигги Мигл.

Тигги Мигл: Я рада, что угодила тебе, Полосатик.

Полосатик: Однако я спешу на дежурство к мышинной норке. Я вам кланяюсь!

Полосатик уходит. Тигги Мигл продолжает помешивать в ведре.

Люси: Миссис Тигги Мигл! Скажите, к вам случайно не попали...

Раздается стук в дверь.

Не дождавшись приглашения, в дом влетает курица Пеструшка.

Пеструшка: Скорее, скорее, миссис Тигги Мигл! Готовы ли мои желтенькие чулочки? Все цыплята разбежались — кто куда, кто куда! Надо их всех собрать, в курятник загнать. А это нелегко-ко-ко!

Миссис Тигги Мигл протягивает Пеструшке пару чулочков.

Тигги Мигл: Я их постирала и хорошенько заштопала. Ты все время копаешься в земле, у тебя пятки совсем прохудились.

Пеструшка: Спасибо, спасибо! Я бегу, спешу; отсюда до дома далеко-ко-ко!

Пеструшка убегает.

Люси: Миссис Тигги Мигл, я очень хотела бы у вас узнать, не находили ли вы мои...

Тигги Мигл: Минуточку. Скатерочки выкипятились. Надо их снять с огня.

Снимает ведро, ставит на пол.

Люси: Так вот о чем я хотела спросить...

Снова раздается стук в дверь.

Тигги Мигл: Опять кто-то пришел. Входите!

Входит мама Крольчиха.

Крольчиха: Я за моей красненькой косыночкой. Она так мне идет.

Тигги Мигл: Вот она. И выстирана, и накрахмалена, и проглажена.

Крольчиха: О, миссис Тигги, вы такая искусница! Спасибо!

Крольчиха уходит. Люси принимается плакать.

Тигги Мигл (*удивленно*): О чем это ты плачешь, Люси?

Люси (*всхлипывая*): Да как же, у меня потерялся передничек, и три мои платочка тоже потерялись... (*Плачет навзрыд*).

Тигги Мигл: Погоди-погоди. Давай-ка посмотрим вот тут; в этой стопочке чистого белья.

Люси: И что?

Тигги Мигл (*перебирая белье*): А вот погоди. Это не то. Это жилет папы Зяблика. И это не то. Это кофточка мамы Дроздики.

Люси: Да вот он, вот он, мой передничек! А где же платочки?

Тигги Мигл: Не торопись, мы еще не все пересмотрели.

Люси: Это не то... И это не то...

Тигги Мигл: Конечно, не то! Это рубаха дядюшки Крота.

Люси: А вот мои платочки! Вот они!

Тигги Мигл: Вот видишь. Бери и больше не теряй. Я нашла твой передничек во дворе; один платочек — на опушке, другой — на горке, третий — у кротовой норки. Разве можно быть такой растеряшкой! Они были такие грязные! Я их выстирала. Я их выгладила. Получай!

Люси: Спасибо, спасибо, добрая Тигги Мигл! Побегу, обрадую маму.

С холма, скорее, к маме, вниз,
Нашлись, нашлись, нашлись, нашлись
Передничек хорошенький
В зеленую горошинку,
И мой платочек беленький,
Расшитый клеткой меленькой,
И мой платочек кружевной,
И даже с синенькой каймой!

Какая радость! Будьте здоровы, миссис Тигги Мигл! До свидания!

[40: 80—83]

СКАЗКА ПРО ДЖЕМАЙМУ НЫРНИВЛУЖУ

Странное это, доложу я вам, зрелище, когда вдруг увидишь курицу с выводком утят!

Вот лучше вы послушайте про Джемайму-утку по фамилии Нырнивлужу, которую ужасно сердило, что фермерская жена не позволяла ей самой высидывать утят.

Хотя ее золовка (что значит, как тебе, наверно, известно, жена брата) миссис Ребекка Нырнивлужу и говаривала ей:

— Ах, да пусть их высидывает, кто хочет! У меня не хватает терпения просидеть на гнезде двадцать восемь дней. И у тебя не хватит, Джемайма! Поверь мне, ты этих невылупившихся птенцов непременно простудишь!

— Нет, — упрячилась Джемайма. — Я хочу сама вывести утят. И выведу!

Она было попробовала припрятывать яйца, но их всегда кто-нибудь находил и забирал.

Утка Джемайма Нырнивлужу пришла в конце концов в полное отчаяние. И тут она решила устроить себе гнездо где-нибудь подальше от фермы.

Стояла прекрасная весенняя погода. Джемайма-утка двинулась в путь вдоль проселочной дороги. Дорога эта взбиралась на невысокий холм. На Джемайме была дорожная одежда: шаль и шляпка с высокими полями.

Джемайма доковыляла до вершины холма и в отдалении разглядела лесок. Ей показалось, что как раз там она и найдет себе спокойный приют.

Надо признаться, что Джемайма Нырнвлужу не очень-то умела летать. Она кинулась с холма вниз — в сторону лесочка, размахивая шалью, а затем, неуклюже подпрыгнув, поднялась в воздух. Но понемногу полет ее выровнялся, и лететь стало легче. Она поплыла по воздуху над вершинами деревьев и вскоре заметила полянку посреди леса, на которой не росли ни дубы, ни ели и не валялось ни ветвей, ни сучьев.

Джемайма опустилась на землю и заковыляла своей обычной походкой вперевалячку в поисках сухого и удобного местечка для гнезда.

Она приглядела пенек в зарослях высоко вымахавшей наперстянки, или, как этот цветок еще называют, лисьего уха. Но подойдя поближе, даже вздрогнула: на пенке сидел элегантно одетый господин и читал газету. У него были острые торчащие ушки и песочного цвета усы.

— Кряк? — сказала Джемайма, склонив голову слегка на сторону. — Кряк?

— Вы заблудились, сударыня, не так ли? — спросил он. У элегантного господина, глядевшего на нее поверх газеты, был длинный пушистый хвост, который он подстелил под себя, поскольку пенек был слегка сыроват.

Джемайме подумалось, что он очень учтив и что выглядит премило. Она объяснила своему новому знакомому, что, мол, нет, она не заблудилась, а просто ищет удобное местечко для гнезда.

— Ах, вот оно как! — воскликнул господин с песочными усами, разглядывая Джемайму.

Он сложил газету и засунул ее в задний карман брюк. Джемайма пожаловалась ему на кур, которые, как ни крути, уж очень много на себя берут.

— В самом деле? Как интересно, — заметил учтивый господин. — Хотел бы я встретиться с этими птицами, я бы им показал, как лезть не в свои дела. А что касается гнезда, — продолжал он, то тут не возникнет никаких затруднений. У меня в дровяном сарае огромный запас перьев, и вы моя дорогая, там никому не помешаете. Устраивайтесь и сидите себе, сколько захочется.

И он повел ее в сторону унылого вида домишка стоящего в зарослях лисьего уха. Домишко был сооружен из ивовых прутьев, обмазанных глиной, на его крыше две бадейки без доннышек, одетые одна на другую, изображали трубу.

— Это моя летняя резиденция, — проговорил учтивый господин. — В моей зимней норе... я хочу сказать, в моем зимнем доме вам не было бы так уж удобно.

За домом находился кособокий сарай, который был сколочен из старых ящиков из-под мыла. Господин распахнул дверь и пригласил Джемайму войти.

Вся внутренность сарая была почти до краев заполнена перьями. Казалось, что и места для воздуха не осталось. Но зато какие они были мягкие и теплые!

Джемайма Нырнвлужу слегка удивилась, что в одном месте может оказаться сразу столько перьев. Но очень-то раздумывать на эту тему себе не позволила и быстренько устроила гнездо.

Когда она появилась в дверях сарая, господин с песочными усами сидел на бревне и опять читал газету. А может, и не читал. Кто его знает. Во всяком случае, газета была развернута, и он опять поглядел на утку поверх газетного листа.

Учтивый господин выразил сожаление, что Джемайма должна была на ночь вернуться на ферму. Он обещал, что постережет ее гнездышко до завтра, пока она снова тут не появится. К этому он добавил, что обожает утиные яйца и маленьких утят. И еще заметил, что он бесконечно горд оттого, что в его сарае скоро будет гнездо, полное утиных яиц.

С того самого дня Джемайма Нырнвлужу являлась в сарай аккуратно каждый день после обеда. И в конце концов в гнезде оказалось девять яиц. Они были зеленовато-белые, и рыжему господину очень пришлось по душе. Когда Джемайма отсутствовала, он их пересчитывал и переворачивал для собственного удовольствия.

Наконец Джемайма объявила, что с завтрашнего дня она начинает высидывать утят.

— Я принесу с собой мешочек зерна, — добавила она, — потому что, пока утята не вылупятся, я не должна покидать гнезда: они могут простудиться.

— Сударыня, не извольте беспокоиться и не носите никаких мешочков! — воскликнул господин с песочными усами. — Я буду каждый день доставлять вам столько овса, сколько

пожелаете. Но до того как вы приступите к вашему утомительному сидению, — продолжал он, — я хочу вас как следует угостить. Давайте с вами вместе пообедаем, только вы и я — и больше никого! Я попрошу вас принести кое-какие травки из огорода, чтобы мы могли приготовить душистый... ммм... омлет. Пучок шалфея, ну там еще — немного тимьяна, пару листочков мяты и две луковицы. Да, не забудьте петрушку! А я принесу остальное, чем нафаршировать... ммм... я хочу сказать, с чем приготовить омлет.

Джемайма Нырнвлужу была настоящей простушкой: даже упоминание о луке не возбудило у нее никаких подозрений. Она безмятежно бродила по огороду и отщипывала разные травки, которые употребляются в тех случаях, когда готовят фаршированную утку!

Мало этого, она еще и на кухню забрела и взяла из плетеной корзинки две головки репчатого лука.

Когда она выходила из кухни, навстречу ей попался колли по имени Кеп.

— Зачем это тебе понадобился лук? — спросил он строгим голосом. — И куда это ты ходишь каждый день в полном одиночестве, а, Джемайма Нырнвлужу?

Джемайма всегда побаивалась этого колли, и со страху она выложила ему все как есть.

Колли слушал, склонив набок свою мудрую голову. Он ухмыльнулся, когда она описывала учтивого господина с песочными усами.

Колли хорошенько расспросил ее, где в точности находится этот лес и где в нем расположены дом и кривобокий сарай.

И не добавив больше ни слова, повернулся и пошел вдоль по деревенской улице. Он отправился на поиски двух подростков фокстерьера, которые имели обыкновение ходить вслед за тележкой мясника. А Джемайма Нырнвлужу спешила по проселку, который взбирается на невысокий холм и ведет в сторону леса. День был солнечный и жаркий. Ей было тяжело тащить все эти пучки зелени, да еще и две луковицы в придачу.

Но она все-таки долетела до леса и приземлилась рядом с домом длиннохвостого господина. Он восседал на бревне, и все как-то принюхивался, и все оглядывался на лесную опушку.

— Давай пошевеливайся, — сказал он резко. — Небось побежишь сначала любоваться своим сокровищем! Ступай в сарай — да быстро!

Что-то он порастерял свою обычную учтивость! Джемайме еще не приходилось слышать, чтобы он говорил с ней в таком тоне. Она очень удивилась. Ей стало как-то не по себе. Когда она пересчитывала своих будущих утят, до ее слуха донеслись звуки шагов, огибавших сарай. Под дверью показался к чему-то принюхивающийся черный нос.

Вслед за этим кто-то запер дверь снаружи. Джемайма струсила не на шутку.

А через минуту послышался ужасный шум — рычание, лай, вопли, визг и скулеж. После этого господин с песочными усами исчез навсегда.

Вскоре Кеп открыл дверь сарая и выпустил пленницу.

Увы! Щенки фокстерьера заскочили в сарай, и не успела она оглянуться, как они перебили все яйца.

У Кепа было прокушено ухо, а оба щенка хромали на все лапы.

Джемайму проводили домой. Глаза ее были полны слез, так ей было жаль своих зеленовато-белых яичек.

В июне она снесла еще несколько яиц, и ей разрешили оставить их себе. Но вылупились почему-то всего четыре утенка...

Джемайма Нырнвлужу уверяла, что это на нервной почве. Но вспомним: она ведь всегда была непоседой!

[пер. И. Токмаковой, 23: 90—92]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Раскройте значение следующих понятий: драма, реплика, ремарка, инсценировка.
2. Глупость или доверчивость руководили действиями Джемаймы?
3. Проинсценируйте «Сказку про миссис Тигги Мигл» в кукольном театре.

ЛИТЕРАТУРА США КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

На 60-е годы XIX века приходится начало нового этапа в общественной, культурной, литературной жизни США. Давно назревшие противоречия между Севером и Югом вступили в фазу конфликта: началась Гражданская война 1861—1865 годов. Война потребовала гражданской активности самых широких слоев населения и привела к отмене рабства. Было устранено главное препятствие на пути развития капиталистических производственных отношений.

В литературе утверждается реалистический метод. Многие наследуя от романтиков, писатели стремились к аналитичному изображению социальной реальности.

Джоэль Чэндлер Харрис

Д. Ч. Харрис (1848—1908) — известный на Юге США прозаик и публицист, вошел в историю литературы как собиратель и обработчик африканских сказок, которые любил с детства, автор сборника «Дядюшка Римус, его песни и присловья».

Повествование ведется от лица старого негра — дядюшки Римуса. Мальчик, сын хозяев плантации, его внимательно слушает, изредка прерывая вопросами и замечаниями. Дружба мальчика и старика символична: мудрая старость и беззаботное детство одинаково увлечены волшебным вымыслом.

Образ дядюшки Римуса нарисован с большой симпатией. Он неутомимый выдумщик, юморист, талантливый рассказчик; в то же время типичный афроамериканец плантаторского Юга: проникательный и по-детски наивный, суеверный, простодушный и почтительный к хозяевам, но не теряющий гордости, чувства собственного достоинства.

«Сказки дядюшки Римуса» не чужды своеобразной жизненной философии: в них не всегда торжествует справедливость (старик со вздохом объясняет мальчику, что и в жизни одним людям приходится страдать за грехи других), поэтому так важны ум и находчивость, которые помогают угнетенному, бесправному бедняку выжить в борьбе за существование.

Главным героем в сказках является неунывающий шутник и проказник Братец Кролик. Слабый и незащитный с виду, он умеет перехитрить любого врага: смеется над одураченным

Лисом, жадным Волком, простофилей Медведем, даже над Человеком. Братец Черепаха, Сарыч, Сверчок, Лягушка и прочая мелкота способна при случае заткнуть за пояс хищных хозяев леса.

Харриса-сказочника отличает поэтический дар, умение одухотворить природу. Он заставляет нас поверить, что Братец Кролик курит трубку, тетушка Гусыня носит очки и передник, что при встрече они чинно здороваются и т. д. В сказках много бытовых деталей: они придают достоверность фантастическому повествованию, усиливают комический эффект: уж очень похожи звери на людей.

Умело Харрис передает непосредственность устной речи, сочный юмор, своеобразие афроамериканского диалекта.

Сборник сказок на русском языке впервые издан в 1936 году.

СМОЛЯНОЕ ЧУЧЕЛКО

— Что же, Лис чуть-чуть не поймал Кролика? А, дядюшка Римус? — спросил Джоэль на другой вечер.

— Было и так, дружок — чуть-чуть не поймал. Помнишь, как Братец Кролик надул его с укропом?

Вот вскоре после этого пошел Братец Лис гулять, набрал смолы и слепил из нее человечка — Смоляное Чучелко.

Взял он это Чучелко и посадил у большой дороги, а сам спрятался под куст. Только спрятался, глядь — идет по дороге вприпрыжку Кролик: скок-поскок, скок-поскок.

Старый Лис лежал тихо. А Кролик, как увидел чучелко, удивился, даже на задние лапки встал. Чучелко сидит и сидит, а Братец Лис — он лежит тихо.

— Доброе утро! — говорит Кролик. — Славная погодка нынче.

Чучелко молчит, а Лис лежит тихо.

— Что ж это ты молчишь? — говорит Кролик.

Старый Лис только глазом моргнул, а Чучелко — оно ничего не сказало.

— Да ты оглох, что ли? — говорит Кролик. — Если оглох, я могу погромче кричать.

Чучелко молчит, а Старый Лис лежит тихо.

— Ты грубиян, я тебя проучу за это! Да, да, проучу! — говорит Кролик.

Лис чуть не подавился от смеху, а Чучелко — оно ничего не сказало.

— Когда тебя спрашивают, надо отвечать, — говорит Кролик. — Сейчас же сними шляпу и поздоровайся, а нет — я с тобой разделаюсь по-свойски!

Чучелко молчит, а Братец Лис — он лежит тихо.

Вот Кролик отскочил назад, размахнулся и как стукнет Чучелко по голове кулаком! Кулак прилип, никак не оторвешь его: смола держит крепко. А Чучелко молчит, и Старый Лис лежит тихо.

— Отпусти сейчас же, а то ударю! — говорит Кролик.

Ударил Чучелко другой рукой, и эта прилипла. А Чучелко — ни гу-гу, а Братец Лис — он лежит тихо.

— Отпусти, не то я тебе все кости переломаяю! — Так сказал Братец Кролик. Но Чучелко — оно ничего не сказало. Не пускает, и только.

Тогда Кролик ударил его ногами, и ноги прилипли. А Братец Лис лежит тихо. Кролик кричит:

— Если непустишь, я буду бодаться!

Боднул Чучелко — и голова прилипла. Тогда Лис выскочил из-под куста.

— Как поживаешь, Братец Кролик? — говорит Лис. — Да что же ты не здороваешься со мной?

Повалился Лис на землю и ну смеяться. Уж он хохотал, хохотал, даже в бок закололо.

— Ну, сегодня-то мы пообедаем вместе, Братец Кролик! Нынче я и укроп припас, так что ты у меня не отвертись, — сказал Лис.

...Тут дядюшка Римус замолчал и стал вынимать из золы картошку.

— Старый Лис съел Братца Кролика? — спросил мальчик дядюшку Римуса.

— А кто их знает, — ответил старик. — Сказка-то кончена. Кто говорит — Братец Медведь пришел, его выручил, а кто говорит — нет. Слышишь, мама зовет тебя. Беги, дружок.

КАК БРАТЕЦ КРОЛИК ПЕРЕХИТРИЛ БРАТЦА ЛИСА

— Дядюшка Римус, — спросил Джоэль вечером, когда старик как будто ничем не был занят, — скажи, когда Лис поймал Кролика Чучелком, он не убил его и не съел?

— Разве ж я не рассказывал тебе об этом, дружок? Ну да, я ведь сонный был, и в голове у меня спуталось, и мама как раз позвала тебя. О чем же мы тогда толковали? Помню, помню. Ты, никак, и глазки уже трешь? Нет, плакать по Братцу Кролику погоди. Даром, что ли, он был такой шустрый? Ты послушай, что дальше будет.

Приклеился, значит, Братец Кролик к Чучелку, а Старый Лис ну кататься по земле, ну хохотать.

А потом говорит:

— Сдается мне, Братец Кролик, на этот раз я тебя поймал. Может, я и ошибаюсь, но кажется мне, что поймал. Ты все тут скакал и потешался надо мной, но теперь конец твоим шуткам. И кто просил тебя лезть не в свое дело? И зачем сдалось тебе это Чучелко? И кто это прилепил тебя к нему? Никто, никто в целом свете! Никто не просил тебя, а просто ты сам взял и вклеился в это Чучелко! И сам ты во всем виноват, Братец Кролик! Так и надо тебе, так и будешь сидеть, пока я не наберу хворосту и не зажгу его, потому что я, конечно, за жарю тебя сегодня, Братец Кролик.

Так сказал Старый Лис. А Кролик отвечал так смиренно, послушно:

— Делай со мной что хочешь, Братец Лис, только, пожалуйста, не вздумай бросить меня в терновый куст. Жарь меня, как хочешь, Братец Лис, только не бросай меня в терновый куст.

— Пожалуй, слишком много возни с костром, — говорит Лис. — Пожалуй, я лучше повешу тебя, Братец Кролик.

— Вешай, как хочешь высоко, Братец Лис, — говорит Кролик. — Только бы ты не вздумал бросить меня в этот терновый куст.

— Веревки-то у меня нет, — говорит Лис, — так что, пожалуйста, я утоплю тебя.

— Топи меня так глубоко, как хочешь, Братец Лис, — говорит Кролик, — только не бросай меня в этот терновый куст.

Но Братец Лис хотел расправиться с Кроликом покрепче.

— Ну, — говорит, — раз ты боишься, как раз я брошу тебя в терновый куст.

— Где тебе! — говорит Братец Кролик. — С Чучелком-то я слишком тяжел, не добросишь.

Схватил Лис Кролика за уши да как тряхнет! Отклеилось, упало Чучелко.

— А вот и доброшу, — говорит Лис.

Как размахнется, как бросит Кролика в середину тернового куста, даже треск пошел. Встал Лис на задние лапы, смотрит, что будет с Кроликом. Вдруг слышит — кличет его кто-то. Глядь — там, на пригорке, Братец Кролик на бревнышке, нога на ногу, сидит — посиживает, смолу из шерсти вычесывает щепкой.

Понял тут Лис, что опять остался в дураках. А Братцу Кролику позлить его охота, он и кричит:

— Терновый куст — мой дом родной, Братец Лис! Терновый куст — мой дом родной!

Вскочил и пропал, как сверчок в золе.

[пер. М. Гершензона, 43: 11—14, 20—23]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Пользуясь литературоведческим словарем, дайте определение понятий: образ повествователя, характеристика речевая. Составьте словесный портрет дядюшки Римуса.

2. Литературовед В. Яценко, размышляя о сказках Харриса, отмечал: «Братец Кролик стал частью общеамериканского фольклора, воплощением “американского духа” с его изобретательностью, любовью к свободе и умением отстаивать свою независимость».

Согласны ли вы с этим высказыванием? Аргументируйте свой ответ, опираясь на текст одной из сказок сборника.

3. Составьте сложный план текста по одной из выбранных тем: «Образ повествователя в “Сказках дядюшки Римуса”», «Идейный смысл антитезы: Братец Кролик — Братец Лис — в сборнике “Сказки дядюшки Римуса”», «Братец Кролик как воплощение “американского духа”».

Лаймен Фрэнк Баум — основоположник американской литературной сказки

Л. Ф. Баум (1856—1919) по праву считается основоположником американской литературной сказки.

Книга «Удивительный волшебник из страны Оз» вышла в 1899 году, и впоследствии Баум стал «придворным историком страны Оз»: почти ежегодно к Рождеству он старался подарить детям новую сказку. Всего их осталось четырнадцать, и они представляют волшебный мир, исполненный обая-

ния и жизнерадостности. В нем элементы сказочного фольклора, социальной утопии соединены с бесхитростными реалиями американского сельского быта.

Оз — щедрая и ласковая земля, жители которой общительны и дружелюбны. Каждый занят любимым делом, которое наполовину — труд, а наполовину — увлекательная игра. Здесь нет ни бедных, ни богатых, нет денег и войн, а силы Добра преобладают над силами Зла. Население страны Оз — дети, говорящие звери и птицы, живое чучело Страшила, Железный Дровосек, заводной робот Тик-Ток и другие. Радостная энергия и богатство творческого воображения обусловили притягательную силу этих сказок.

Героине сказок Дороти, маленькой девочке из Канзаса, присущи лучшие из черт, традиционно считающиеся «американскими»: общительность, непоседливость, доброжелательная открытость ко всему новому, острый и цепкий здравый смысл. В самых неожиданных обстоятельствах Дороти не теряет уверенности в себе и чувства собственного достоинства. И совершает удивительные чудеса, которые не под силу даже «профессиональным» волшебникам.

Призвание сказочника Баум видел не в том, чтобы учить ребенка, а в том, чтобы доставлять ему радость, побуждать его к росту. «Ребенок с развитым воображением со временем вырастет в мужчину или женщину с развитым воображением и, значит, сможет сам возвращать, вести вперед цивилизацию», — писал автор.

На русский язык первым пересказал «Удивительного волшебника» А. Волков, и позднее создал на его основе самостоятельный сказочный сериал: сказочную повесть «Волшебник Изумрудного города» и другие книги.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЛШЕБНИК СТРАНЫ ОЗ

(отрывок)

...Девочка оказалась в удивительном месте. Это был большой зал, круглый, со сводчатым потолком. Пол, стены и потолок были украшены огромными изумрудами. ...Но особенно поразил Дороти трон из зеленого мрамора в самом центре зала.

Это было мраморное кресло, тоже украшенное изумрудами. На этом кресле возлежала огромных размеров Голова. Рук, ног, туловища у нее не было, как не было и волос на черепе. Зато были нос, рот и глаза.

Дороти уставилась на Голову с ужасом. Глаза быстро заворачивались и наконец уставились на Дороти. Затем открылся рот, и Дороти услышала голос:

— Я Оз, великий и могучий. Кто ты такая и зачем ко мне пришла?

Для такой Головы голос был даже совсем не страшный, и Дороти ответила:

— Я Дороти, маленькая и слабая. Я пришла просить у тебя помощи.

С минуту Голова пристально разглядывала ее, а затем произнесла:

— Откуда у тебя серебряные башмачки?

— От Злой Волшебницы Востока. Мой домик опустился прямо на нее и раздавил, — сказала Дороти.

— Откуда у тебя алый след на лбу? — продолжала допрос Голова.

— Это Добрая Волшебница Севера поцеловала меня на прощанье, отправляя к тебе в Изумрудный город, — отвечала девочка.

Снова глаза уставились на девочку и пристально смотрели, пока Голова не решила, что ей сказали правду. Затем Оз спросил:

— Что ты от меня хочешь?

— Отошли меня домой в Канзас к дяде Генри и тете Эм, — попросила Дороти. — Мне не нравится ваша страна, хотя она очень красивая. И, кроме того, тетя Эм, наверное, очень волнуется, что меня так долго нет.

Глаза трижды моргнули, потом уставились в потолок, потом посмотрели в пол — и заворачивались с удивительной быстротой. Наконец взор их снова упал на Дороти.

— Почему я должен сделать это для тебя? — спросил Оз.

— Потому что ты сильный, а я слабая, ты великий волшебник, а я беспомощная маленькая девочка.

— Но у тебя хватило сил убить Злую Волшебницу Востока, — возразил Оз.

— Я тут ни при чем, — честно созналась Дороти. — Это случилось как-то само собой.

— Значит, так, — сказал Оз. — Вот тебе мой ответ. Если ты хочешь, чтобы я отослал тебя домой в Канзас, ты должна кое-что сделать для меня. В этой стране так принято. Я пущу в ход все свое магическое искусство, но сначала и ты немножко поработай. Помоги мне, а я помогу тебе.

— Что же я должна сделать?

— Убей Злую Волшебницу Запада!

— Но я не могу! — воскликнула Дороти.

— Ты же убила Злую Волшебницу Востока, а кроме того, на тебе волшебные серебряные башмачки. Во всей стране осталась одна-единственная злая волшебница. Когда ты сообщишь мне, что ее больше нет, я тотчас же отправлю тебя в Канзас. Но пока злая волшебница не погибнет, не обращай ко мне ни с какими просьбами.

Дороти так расстроилась от этих слов, что заплакала. Голова опять заворачивала своими глазами и уставилась на девочку. Казалось, Оз не сомневался, что девочка может выполнить его просьбу, стоит ей только захотеть.

— Я никогда и никого не убивала по своей воле, — говорила она сквозь слезы. — И даже если бы я захотела убить Злую Волшебницу Запада, я не знаю, как это сделать. Если ты, великий и грозный Оз, не можешь ничего с ней поделать, где уж мне, маленькой слабой девочке! Как мне убить ее?!

— Не знаю, — ответила Голова, — но таково мое решение. Пока живет Злая Волшебница Запада, тебе не видать дяди Генри и тети Эм как своих ушей. Помни, что это очень злая волшебница и ее обязательно надо убить. Теперь ступай и, пока не исполнишь моего задания, больше не докучай мне.

Опечаленная Дороти вышла из тронного зала. У дверей ее ждали Лев, Страшила и Железный Дровосек.

— Плохи мои дела! — сказала она. — Пока я не убью Злую Волшебницу Запада, Оз ни за что не отправит меня домой в Канзас, а как мне выполнить его желание?

Друзья Дороти очень огорчились, но ничем не могли ей помочь...

[пер. С. Белова, 4: 75—82]

...Элли робко вошла и очутилась в удивительном месте. Тронный зал Гудвина был круглый, с высоким сводчатым потолком, и повсюду: на полу, на потолке, на стенах — блестящие бесчисленные драгоценные камни.

Элли посмотрела вперед. В центре комнаты стоял трон из зеленого мрамора, сияющий изумрудами. И на этом троне лежала огромная Живая Голова, одна голова, без туловища... Голова имела настолько внушительный вид, что Элли обомлела от страха. Лицо Головы было гладкое и лоснящееся, с полными щеками, с огромным носом, с крупными, плотно сжатыми губами. Голый череп сверкал, как выпуклое зеркало. Голова казалась безжизненной: ни морщины на лбу, ни складки у губ, и на всем лице жили только глаза. Они с непонятным проворством повернулись в орбитах и уставились в потолок. Когда глаза вращались, в тишине зала слышался скрип, и это поразило Элли.

Девочка смотрела на непонятное движение глаз и так растерялась, что забыла поклониться Голове.

— Я — Гудвин, Великий и Ужасный! Кто ты такая и зачем беспокоишь меня?

Элли заметила, что рот Головы не двигается и голос, огромный и даже приятный, слышится как будто со стороны. Девочка приободрилась и ответила:

— Я — Элли, маленькая и слабая. Я пришла издалека и прошу у вас помощи.

Глаза снова повернулись в орбитах и застыли, глядя в сторону; казалось, они хотели посмотреть на Элли, но не могли. Голос спросил:

— Откуда у тебя серебряные башмачки?

— Из пещеры злой волшебницы Гингеми. На нее упал мой домик, раздавил ее, и теперь славные Жевуны свободны...

— Жевуны освобождены? — оживился голос. — И Гингеми больше нет? Приятное известие! — Глаза Головы завертелись и наконец уставились на Элли. — Но чего же ты от меня хочешь?

— Пошлите меня на родину, в Канзас, к папе и маме...

— Ты из Канзаса? — перебил голос, и в нем послышались добрые человеческие нотки. — А как там сейчас... — Но голос вдруг умолк, а глаза Головы отвернулись от Элли.

— Я из Канзаса, — повторила девочка. — Хотя ваша страна и великолепна, но я не люблю ее, — храбро продолжала она. — Здесь на каждом шагу такие опасности.

— А что с тобой приключилось? — поинтересовался голос.

— Дорогой на меня напал Людоед. Он съел бы меня, если бы меня не выручили мои верные друзья — Страшила и Железный Дровосек. А потом за нами гнались саблезубые тигры... А потом мы попали в ужасное маковое поле... Ох, это настоящее сонное царство! Мы со Львом и Тотошкой заснули там. И если бы не Страшила и Железный Дровосек, да еще мыши, мы спали бы там до тех пор, пока не умерли... Да всего этого хватит рассказывать на целый день. И теперь я вас прошу: исполните, пожалуйста, три заветных желания моих друзей, и когда вы их исполните, вы и меня должны будете вернуть домой.

— А почему я должен буду вернуть тебя домой?

— Потому что так написано в волшебной книге Виллины...

— А, это добрая волшебница Желтой страны, слышал о ней, — молвил голос. — Ее предсказания не всегда исполняются.

— И еще потому, — продолжала Элли, — что сильные должны помогать слабым. Вы великий мудрец и волшебник, а я беспомощная, маленькая девочка.

— Ты оказалась достаточно сильной, чтобы убить злую волшебницу, — возразила Голова.

— Это сделало волшебство Виллины, — просто ответила девочка. — Я тут ни при чем.

— Вот мой ответ, — сказала Живая Голова, и глаза ее завертелись с такой необычайной быстротой, что Элли вскрикнула от испуга. — Я ничего не делаю даром. Если хочешь воспользоваться моим волшебным искусством, чтобы вернуться домой, ты должна сделать то, что я тебе прикажу.

Глаза головы мигнули много раз подряд. Несмотря на испуг, Элли с интересом следила за глазами и ждала, что они будут делать дальше. Движения глаз совершенно не соответствовали словам Головы и тону ее голоса, и девочке казалось, что глаза живут самостоятельной жизнью. Голова ждала вопроса.

— Но что я должна сделать? — спросила удивленная Элли.

— Освободи Фиолетовую страну от власти злой волшебницы Бастинды, — ответила Голова.

— Но я же не могу! — вскричала Элли в испуге.

— Ты покончила с рабством Жевунов и сумела получить волшебные серебряные башмачки Гингеми. Осталась одна злая волшебница в моей стране, и под ее властью изнывают бедные, робкие Мигуны, жители Фиолетовой страны. Нужно им тоже дать свободу...

— Но как же это сделать? — спросила Элли. — Ведь не могу же я убить волшебницу Бастинду!

— Гм, гм... — голос на мгновение запнулся. — Мне это безразлично. Можно посадить ее в клетку, можно изгнать из Фиолетовой страны, можно... Да в конце концов, — рассердился голос, — ты на месте увидишь, что можно сделать! Важно лишь избавить от ее владычества Мигунов, а судя по тому, что ты рассказала о себе и своих друзьях, вы сможете и должны это сделать. Так сказал Гудвин, Великий и Ужасный, и слово его — закон!

Девочка заплакала:

— Вы требуете от нас невозможного!

— Всякая награда должна быть заслужена, — сухо возразила Голова. — Вот мое последнее слово: ты вернешься в Канзас к отцу и матери, когда освободишь Мигунов. Помни, что Бастинда — волшебница могущественная и злая, ужасно могущественная и злая, и надо лишить ее волшебной силы. Иди и не возвращайся ко мне, пока не выполнишь свою задачу.

Грустная, Элли оставила тронный зал и вернулась к друзьям, которые с беспокойством ожидали ее.

— Нет надежды! — сказала девочка со слезами. — Гудвин приказал мне лишить злую Бастинду ее волшебной силы, а мне этого никогда не сделать!..

Все опечалились, но никто не мог утешить Элли.

[9: 85—96]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Вспомните значение литературоведческих понятий: волшебная сказка, волшебный помощник, волшебные препятствия.
2. Можно ли провести параллель между народной волшебной сказкой и литературной?
3. Сопоставьте фрагменты перевода С. Белова и переложения А. Волкова. Какие новые мотивы появились в переложении?
4. Просмотрите фрагмент мультфильма «Волшебник Изумрудного города» (сцену встречи Элли с Гудвином). Какими изобразили героев создатели мультфильма?

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ XX ВЕКА

Сочетание старого и нового, традиционного и индивидуального, реалистического и эксцентрического характерно для английской детской литературы XX века.

1-я пол. XX века ознаменовалась расцветом литературной сказки, пронизанной оптимистическим взглядом на жизнь. Литературная сказка продолжила традиции Кэрролла, с его фантастическим «миром наизыворот», тонким юмором и сатирой. Причудливый мир детской фантазии оживает в сказочных повестях А. А. Милна, П. Трэверс, имитирующих детские игры. Писатели воссоздают образы, которые в сознании играющего ребенка живут своей самостоятельной фантастической и вместе с тем реальной жизнью. После второй мировой войны сказка приобрела новые черты, что заметно, например, в творчестве Д. Биссета, создавшего причудливые и гротескные сказки. Занимательны и полезны для малышей рассказы Энн Хогарт о похождениях ослика Мафина, образ которого пришел в детскую литературу из английского кукольного театра. Книга «Мафин и его друзья» (русский перевод О. Образцовой и Н. Шанько) содержит, кроме сюжетных рассказов, всевозможные игры, загадки, головоломки. Сам Мафин стал другом для маленьких англичан. Веселые и занимательные рассказы дают юным читателям и первые уроки доброты, дружбы.

Развитие жанра литературной сказки

Дональд Биссет (1911—1992) — профессиональный актер, писатель, иллюстратор. Его сказки родились из передач лондонского телевидения. Лаконичные, емкие, они поражают разнообразием героев: тут и Человечек-с-Луны, и чернильное пятно, забытый день рождения, маленький автобус, который боялся темноты; английская королева... В его творчестве нашли органичное развитие традиции сказки-нонсенса.

Сказки держатся не столько на сюжетных коллизиях, сколько на смысловых сдвигах, предполагающих у читателя чувство юмора.

В произведениях почти не представлена тема добра и зла в ее классической ипостаси. Это сказки победившего, прочно-

го добра, но талант автора избавляет их от тоскливой назидательности. Даже когда героям случается повздорить между собой, эти столкновения не похожи на обычные сказочные конфликты — споры неизбежно решаются улыбкой.

HONK HONK!

(After Donald Bisset)

Once upon a time there was a goose whose name was William, but his mother, Mother Goose, always called him Willie.

«Now, go for a walk, Willie», she would say, «and honk to the other geese».

Willie was very fond of honking!

«Honk honk!»

«Honk honk!»

«Honk honk!»

«Honk honk!» he went as he waddled along.

One day, when he was waddling along, he met a cat. It was a lovely black cat with two white paws in front. Willie was pleased.

«Honk honk!» he said to the cat. «Honk honk!»

«Mieow!» said the cat.

Willie was surprised. «What does “mieow!” mean?» he thought. He thought that cats said «Honk honk!» just like geese.

He waddled a little further and nibbled at the grass. It was a lovely day. The sun was shining and all the birds were singing.

«Honk honk!» said Willie.

«Bow wow!» barked a dog that was running along the road.

«Neigh!» said the milkman's horse. And «Gee up!» said the milkman.

Poor Willie couldn't understand a thing.

Just then a farmer passed by. «Hallo, goose!» he said.

«Honk honk!» said Willie.

Then some children passed. And one little boy came up to him and said, «Boo!»

Willie was upset. He felt quite unhappy.

«I know I'm a goose», he thought. «But they needn't say “Boo!” to me like that».

Soon he saw a goldfish. It was swimming in a pond. Willie loudly honked to it, but the goldfish just swam round and round and took no notice of him.

He waddled a little further and met some cows.

«Moo!» they said. «Mooooo! Moo!»

Then he met some hens.

«Cluck cluck cluck», they said, «cluck cluck cluck!» And the cock said, «Cockadoodledooo!»

«Oh, I wish someone would say “Honk honk!” to me», thought Willie. «I feel so lonely!»

Some pigeons cooed and ducks quacked and the crows in the tree tops cawed. But no one at all, no one said «Honk honk!» to him.

Poor Willie began to cry and tears ran down his beak and fell with a splash at his pretty pink feet. «Honk honk!» cried Willie.

Then from a long way away, he heard, «Honk honk! Honk honk! Honk honk!»

What a beautiful sound!

He looked up and saw a little blue motor-car. It was coming down the road.

«Honk honk!» it went. «Honk honk!»

«Honk honk!» said Willie, «Honk honk!»

«Honk honk!» went the cat as it passed.

Willie looked after it. He was a happy goose.

«Honk honk!» went the cat, disappearing round the corner.

«Honk honk!» said Willie.

[13: 11]

ГА-ГА-ГА!

Жил на свете гусенок, по имени Уильям. Но мама звала его всегда Вилли.

— Гулять пора, Вилли! — говорила ему мама. — Зови остальных, га-га-га!

Вилли очень любил га-га-гакать, сзывая всех на прогулку.

— Га-га-га!

— Га-га-га!

— Га-га-га! — так и пел он всю дорогу.

Однажды на прогулке он встретил котенка. Симпатичного черного котенка с белыми передними лапками. Вилли он очень понравился.

— Га-га-га! — сказал он котенку. — Га-га-га!

— Мяу! — ответил котенок.

Вилли удивился. Что значит «мяу»? он всегда думал, что кошки, как и гуси, говорят «га-га-га!»

Он пошел дальше. Щипал по дороге травку. День был чудесный. Светило солнце, и пели птицы.

— Га-га-га! — пел Вилли.

— Гав-гав! — ответила собака, бежавшая по дороге.

— И-го-го! — сказала лошадь.

— Н-но! — крикнул молочник своей лошади.

Бедный Вилли не понял ни слова. Пришел мимо фермер и крикнул Вилли:

— Привет, гусенок!

— Га-га-га! — ответил Вилли.

Потом пробежали дети. Один мальчик подбежал к Вилли и крикнул: «Кыш!»

Вилли огорчился. У него даже в горле пересохло.

— Я знаю, что я всего-навсего гусенок. Но зачем же кричать мне «кыш!».

В пруду он увидел золотую рыбку, но на все его «га-га-га!» рыбка только хвостиком вильнула и не сказала ни слова.

Вилли пошел дальше и встретил стадо коров.

— Му-у-у! — сказали коровы. — Му-у-у-у-у!

Потом он встретил кур.

— Ко-ко-ко, — закудахтали куры. — Ко-ко-ко!

А петух добавил:

— Ку-ка-ре-ку-ууу!

«Ну хоть бы кто-нибудь сказал мне “га-га-га!”», — подумал Вилли. — Не с кем даже поговорить. Вот скука!»

— Жжжжжжжжжж! — прожужжала пчела.

Голуби ворковали, утки крякали, вороны каркали, сидя на верхушках деревьев. И никто, никто не сказал ему «га-га-га!»

Бедный Вилли даже заплакал, и слезы закапали с клюва на его хорошенькие красные лапки.

— Га-га-га! — рыдал Вилли.

И вдруг издали послышалось родное «га-га-га».

А потом на дороге появился голубой автомобиль.

— Га-га-га! — сказал автомобиль.

Все английские автомобили говорят «га-га-га», а вовсе не «би-би-би».

— Га-га-га! — обрадовался Вилли.

— Га-га-га! — сказал автомобиль и проехал мимо.

Вилли глаз не мог оторвать от автомобиля. Он почувствовал себя самым счастливым гусенком на свете.

— Га-га-га! — повторил автомобиль и скрылся за поворотом.

— Га-га-га! — крикнул ему вдогонку Вилли.

ПРО ПОРОСЕНКА, КОТОРЫЙ УЧИЛСЯ ЛЕТАТЬ

Однажды поросенок — а звали его Икар! — пришел к Волшебному источнику и попросил исполнить его желание. Ему давно уже хотелось научиться летать. Недаром его звали Икар.

— Если тебе очень хочется, я могу сделать так, что ты полетишь, — сказал Волшебный источник. — Но только для этого тебя сначала надо превратить в птицу.

— Нет, я хочу быть поросенком. Поросенком, который умеет летать, — сказал Икар.

— Но поросята не могут летать, — возразил Волшебный источник.

Икар очень огорчился и пошел домой. По дороге он думал только об одном: как бы все-таки научиться летать.

На другое утро пораньше он отправился в лес и попросил каждую птицу дать ему по перышку. Ну конечно, они ему дали.

— Наверное, ты хочешь научиться летать? — спросили они.

— Да, — ответил Икар.

Он связал все перья вместе, и получились крылья. Потом поднялся на вершину горы у самого берега моря. За ним следом взобрались туда кошка и мышка, птичка и два кролика, целая компания жуков и даже улитка — всем хотелось видеть, что у него получится.

Икар привязал крылья, взмахнул ими и медленно поднялся в вышину. Вот это было счастье! И все зрители тоже радовались, а самый маленький жучок чуть не умер от восторга.

Икар поднялся высоко-высоко, почти до самого Солнца.

— Ай да поросенок! Ай да молодчина! — нахваливал он себя. — А Волшебный источник еще говорил, что поросята не могут летать. Могут!

И как раз в этот момент он так близко подлетел к солнцу, что веревки, которыми он привязал крылья, загорелись от солнечного жара. И крылья упали вниз. А за ними сле-

тележке и погоняла его: «Нн-оо!» Молочнику приходилось поторапливаться.

Потом Мурр встретила двух детей с родителями. Дети отчитывали своих родителей:

— Ах вы, озорники! Вот придем домой — и сейчас же в постель, без ужина!

— У-у-у, мы больше не будем, — хныкали родители.

Уже стемнело, но вместо луны и звезд на небе светило солнце. «Сейчас ведь ночь, — подумала Мурр. — А ночью светят звезды и луна, при чем же тут солнце?»

— Ну-ка уходи! — сказала она солнцу.

— Не уйду, — сказала солнце. — В этом мире все идет кувыркoм, и я буду светить ночью. Тогда днем у меня останется время поиграть.

«Что же дальше будет?» — со страхом подумала Мурр. Тут она случайно подняла голову и увидела Алису, летевшую кувыркoм вверх ногами.

— Эй, Алиса! Проснись! — крикнула она.

Алиса проснулась, перевернулась и полетела дальше как ни в чем не бывало. И тут же солнце зашло, засветили луна и звезды, лошадь молочника сама потянула тележку, Гав погнался за Мурр, а Мурр — за мышами, пока они не спрятались опять в корзину с бельем. Мурр сильно проголодалась и поспешила на кухню полакомиться рыбкой и молоком.

А ленивая Алиса вернулась в свое гнездо на самой верхушке дерева, устроилась поудобнее и заснула.

— Карр! — сказала она, засыпая. — Какой забавный был сон.

[пер. Н. Шерешевской, 5: 127, 37, 148—150, 114—117]

Алан Александр Милн (1882—1956) — математик по образованию, но писатель по призванию. Его сказки и стихи для детей остались в «золотом фонде» литературы.

Главным героем и первым читателем историй о себе самом и своих друзьях-игрушках является сын писателя Кристофер Робин, родившийся в 1920 году.

Милн посвятил много стихов медвежонку, названному в честь медведицы Винни из Лондонского зоопарка, и лебедя по имени Пух. Сказка «Винни-Пух» представляет собой две самостоятель-

ные книги: «Винни-Пух» (1926) и «Дом на Медвежьем Углу» (или другой перевод — «Дом на Пуховой опушке», 1929).

Плюшевый медведь поселился в доме Милнов на первом году жизни мальчика. Затем — осел, поросенок, Тигра и Кенга с малышом Ру. Местом обитания героев будущих книг стала Кочфордская ферма, приобретенная семьей в 1925 году, и окрестный лес. Мальчик и игрушки поселились в сказочном лесу. Там есть своя топография: Пуховая опушка, Дремучий лес, Унылое место, Зачарованное место... Время движется только в пределах отдельных историй, ничего не меняя в целом. «Давным-давно — кажется в прошлую пятницу...» — так начинается одна из историй. Герои знают дни недели, часы определяют по солнцу. Это цикличное, замкнутое время раннего детства.

Герои не взрослеют, хотя возраст определен по хронологии появления рядом с мальчиком. Кристоферу Робину шесть лет, его самому старому другу медвежонку — пять, Пятачку «может быть, три года, а может быть, даже четыре»... Но в последних главах ощущается некая эволюция героев, связанная с началом учебы мальчика: Винни-Пух начинает здраво рассуждать, Пятачок совершает Великий Подвиг, а Иа-Иа решает чаще бывать в обществе.

Милн с юмором рисует характеры героев, определяющие их поступки.

В некоторых образах психологически отражается «я» мальчика. Кристофер Робин — самый умный и храбрый, объект всеобщего уважения и трепетного восторга. Пятачок воплощает в себе вчерашнее — былые страхи и сомнения. Винни-Пух — воплощение «я» нынешнего, на которое мальчик переносит неумение сосредоточенно думать. Хотя голова медвежонка набита опилками, он невероятно изобретателен. Немного обжора, немного поэт, он жизнерадостен, на каждый случай сочиняет песенку, которую громко распевает. Неунывающий Пух всегда готов прийти на помощь друзьям, одарить их своим оптимизмом. Наверно, за это Кристофер Робин любит «глупенького мишку» больше всех остальных игрушек. Тигра — воплощение незнания, учится по ходу, чаще всего — на ошибках, доставляя другим множество хлопот. Этот герой нужен для утверждения пользы знаний, он и появляется, когда Кристофер Робин начинает систематическое образование.

Сова, Кролик, Иа-Иа — это варианты взрослого «я», в них отражаются и какие-то реальные взрослые. Они смешны своей игрушечной солидностью, попытками укрепить свой интеллектуальный авторитет. Сова говорит длинные слова («Она так говорила и говорила длинные слова, и слова становились все длиннее и длиннее.. Наконец, она вернулась туда, откуда начала») и делает вид, что умеет писать. Кролик подчеркивает свой ум и воспитанность, однако он не умен, а просто хитер («Наверно, поэтому-то он никогда ничего не понимает»). Он еще и практичен: когда Пух застрял у него в норе, то Кролик использовал его ноги для сушки белья. Умнее прочих Иа-Иа, но его ум занят только «душераздирающим» зрелищем мировых несовершенств, ему не хватает детской веры в счастье. Он понуро смотрит то на землю, то на свое отражение в воде. И все, что он говорит, — ироническая пародия на пессимистов: «Теперь все понятно. Удивляться не приходится... Чего от них ожидать!... Я так и думал... Никому дела нет...»

Время от времени появляются в Лесу чужаки: реальные (Кенга с малышом Ру, Тигра) и вымышленные (Бука, Слонопотам и др.). Их появление окутано сначала тайной, воспринимается болезненно, со страхом, в этом психология раннего детства.

Герои лишены чувства юмора, с крайней серьезностью подходят к любому вопросу. Они добры, им важно чувствовать себя любимыми, они ждут сочувствия и похвалы. Логика героев по-детски эгоцентрична, поступки на ее основе нелепы. Зло существует только в воображении, в конце концов рассеивается и оборачивается смешным недоразумением. Традиционный конфликт добра и зла отсутствует, его заменяет противоречие между знанием и незнанием, воспитанностью и невоспитанностью.

Освоение мира играющим ребенком — таков главный мотив всех историй.

В сказке многое построено на словесной игре, на иронии по поводу правил «хорошего тона», свято соблюдаемых в английских состоятельных семьях.

Стихия детской игры невозможна без детской поэзии. Винни-Пух сочиняет шумелки, кричалки, ворчалки, пыхтелки, сопелки и т. д., и это истинно детское стихотворчество.

«Винни-Пух» — признанный образец книги для семейного чтения. В ней есть все, что привлекает детей, но и есть то, что заставляет переживать и задуматься взрослых. Благодаря переводу Б. Заходера «Винни-Пух и все — все — все» и мультфильму Ф. Хитрука, произведение Милна прочно вошло в речевое сознание детей России и стало частью отечественной культуры детства.

WINNIE-THE-POOH AND ALL, ALL, ALL

*Chapter 1 in which we are introduced to Winnie-the-Pooh
and some bees, and the stories begin*

Here is Edward Bear, coming downstairs now, bump, bump, bump, on the back of his head, behind Christopher Robin. It is, as far as he knows, the only way of coming downstairs, but sometimes he feels that there really is another way, if only he could stop bumping for a moment and think of it.

And then he feels that perhaps there isn't. Anyhow, here he is at the bottom, and ready to be introduced to you. Winnie-the-Pooh.

When I first heard his name, I said, just as you are going to say, «But I thought he was a boy?»

«So did I», said Christopher Robin.

«Then you can't call him Winnie?»

«I don't».

«But you said —»

«He's Winnie-the-Pooh. Don't you know what "the" means?»

«Ah, yes, now I do», I said quickly; and I hope you do too, because it is all the explanation you are going to get.

Sometimes Winnie-the-Pooh likes a game of some sort when he comes downstairs, and sometimes he likes to sit quietly in front of the fire and listen to a story. This evening —

«What about a story?» said Christopher Robin.

«What about a story?» I said.

«Could you very sweetly tell Winnie-the-Pooh one?»

«I suppose I could», I said. «What sort of stories does he like?»

«About himself. Because he's that sort of Bear».

«Oh, I see».
«So could you very sweetly?»
«I'll try», I said.
So I tried.

Once upon a time, a very long time ago now, about last Friday, Winnie-the-Pooh lived in a forest all by himself under the name of Sanders.

(«What does “under the name” mean?» asked Christopher Robin. «It means he had the name over the door in gold letters, and lived under it».

«Winnie-the-Pooh wasn't quite sure», said Christopher Robin.
«Now I am», said a growly voice.
«Then I will go on», said I.)

One day when he was out walking, he came to an open place in the middle of the forest, and in the middle of this place was a large oak-tree, and, from the top of the tree, there came a loud buzzing-noise.

Winnie-the-Pooh sat down at the foot of the tree, put his head between his paws and began to think.

First of all he said to himself: «That buzzing-noise means something. You don't get a buzzing-noise like that, just buzzing and buzzing, without its meaning something. If there's a buzzing-noise, somebody's making a buzzing-noise, and the only reason for making a buzzing-noise that I know of is because you're a bee».

Then he thought another long time, and said: «And the only reason for being a bee that I know of is making honey».

And then he got up, and said: «And the only reason for making honey is so as I can eat it». So he began to climb the tree

He climbed and he climbed and he climbed and as he climbed he sang a little song to himself. It went like this:

Isn't it funny
How a bear likes honey?
Buzz! Buzz! Buzz!
I wonder why he does?

Then he climbed a little further... and a little further... and then just a little further. By that time he had thought of another song.

It's a very funny thought that, if Bears were Bees,
They'd build their nests at the bottom of trees.
And that being so (if the Bees were Bears),
We shouldn't have to climb up all these stairs.

He was getting rather tired by this time, so that is why he sang a Complaining Song. He was nearly there now, and if he just stood on that branch...

Crack!

«Oh, help!» said Pooh, as he dropped ten feet on the branch below him.

«If only I hadn't — » he said, as he bounced twenty feet on to the next branch.

«You see, what I meant to do», he explained, as he turned head-over-heels, and crashed on to another branch thirty feet below, «what I meant to do — »

«Of course, it was rather — » he admitted, as he slithered very quickly through the next six branches.

«It all comes, I suppose», he decided, as he said good-bye to the last branch, spun round three times, and flew gracefully into a gorse-bush, «it all comes of liking honey so much. Oh, help!»

He crawled out of the gorse-bush, brushed the prickles from his nose, and began to think again. And the first person he thought of was Christopher Robin.

(«Was that me?» said Christopher Robin in an awed voice, hardly daring to believe it.

«That was you».

Christopher Robin said nothing, but his eyes got larger and larger, and his face got pinker and pinker.)

So Winnie-the-Pooh went round to his friend Christopher Robin, who lived behind a green door in another part of the Forest.

«Good morning, Christopher Robin», he said.

«Good morning, Winnie-the-Pooh», said you.

«I wonder if you've got such a thing as a balloon about you?»

«A balloon?»

«Yes, I just said to myself coming along: “I wonder if Christopher Robin has such a thing as a balloon about him?” I just said it to myself, thinking of balloons, and wondering».

«What do you want a balloon for?» you said.

Winnie-the-Pooh looked round to see that nobody was listening, put his paw to his mouth, and said in a deep whisper: «Honey!»

«But you don't get honey with balloons!»

«I do», said Pooh.

Well, it just happened that you had been to a party the day before at the house of your friend Piglet, and you had balloons at the party. You had had a big green balloon; and one of Rabbit's relations had had a big blue one, and had left it behind, being really too young to go to a party at all; and so you had brought the green one and the blue one home with you.

«Which one would you like?» you asked Pooh. He put his head between his paws and thought very carefully.

«It's like this», he said. «When you go after honey with a balloon, the great thing is not to let the bees know you're coming. Now, if you have a green balloon, they might think you were only part of the tree, and not notice you, and if you have a blue balloon, they might think you were only part of the sky, and not notice you, and the question is: Which is most likely?»

«Wouldn't they notice you underneath the balloon?» you asked.

«They might or they might not», said Winnie-the-Pooh. «You never can tell with bees». He thought for a moment and said: «I shall try to look like a small black cloud. That will deceive them».

«Then you had better have the blue balloon», you said; and so it was decided.

Well, you both went out with the blue balloon, and you took your gun with you, just in case, as you always did, and Winnie-the-Pooh went to a very muddy place that he knew of, and rolled and rolled until he was black all over; and then, when the balloon was blown up as big as big, and you and Pooh were both holding on to the string, you let go suddenly, and Pooh Bear floated gracefully up into the sky, and stayed there — level with the top of the tree and about twenty feet away from it.

«Hooray!» you shouted.

«Isn't that fine?» shouted Winnie-the-Pooh down to you. «What do I look like?»

«You look like a Bear holding on to a balloon», you said.

«Not», said Pooh anxiously, « — not like a small black cloud in a blue sky?»

«Not very much».

«Ah, well, perhaps from up here it looks different. And, as I say, you never can tell with bees».

There was no wind to blow him nearer to the tree, so there he stayed. He could see the honey, he could smell the honey, but he couldn't quite reach the honey.

After a little while he called down to you.

«Christopher Robin!» he said in a loud whisper.

«Hallo!»

«I think the bees suspect something!»

«What sort of thing?»

«I don't know. But something tells me that they're suspicious!»

«Perhaps they think that you're after their honey?»

«It may be that. You never can tell with bees».

There was another little silence, and then he called down to you again.

«Christopher Robin!»

«Yes?»

«Have you an umbrella in your house?»

«I think so».

«I wish you would bring it out here, and walk up and down with it, and look up at me every now and then, and say "Tut-tut, it looks like rain." I think, if you did that, it would help the deception which we are practising on these bees».

Well, you laughed to yourself, «Silly old Bear!» but you didn't say it aloud because you were so fond of him, and you went home for your umbrella.

«Oh, there you are!» called down Winnie-the-Pooh, as soon as you got back to the tree. «I was beginning to get anxious. I have discovered that the bees are now definitely Suspicious».

«Shall I put my umbrella up?» you said.

«Yes, but wait a moment. We must be practical. The important bee to deceive is the Queen Bee. Can you see which is the Queen Bee from down there?»

«No».

«A pity. Well, now, if you walk up and down with your umbrella, saying, "Tut-tut, it looks like rain," I shall do what I can by singing a little Cloud Song, such as a cloud might sing... Go!»

So, while you walked up and down and wondered if it would rain, Winnie-the-Pooh sang this song:

How sweet to be a Cloud
Floating in the Blue!
Every little cloud
Always sings aloud.
«How sweet to be a Cloud
Floating in the Blue!»
It makes him very proud
To be a little cloud.

The bees were still buzzing as suspiciously as ever. Some of them, indeed, left their nests and flew all round the cloud as it began the second verse of this song, and one bee sat down on the nose of the cloud for a moment, and then got up again.

«Christopher — ow! — Robin», called out the cloud.

«Yes?»

«I have just been thinking, and I have come to a very important decision. These are the wrong sort of bees».

«Are they?»

«Quite the wrong sort. So I should think they would make the wrong sort of honey, shouldn't you?»

«Would they?»

«Yes. So I think I shall come down».

«How?» asked you.

Winnie-the-Pooh hadn't thought about this. If he let go of the string, he would fall -bump — and he didn't like the idea of that. So he thought for a long time, and then he said:

«Christopher Robin, you must shoot the balloon with your gun. Have you got your gun?»

«Of course I have», you said. «But if I do that, it will spoil the balloon», you said. But if you don't» said Pooh, «I shall have to let go, and that would spoil me».

When he put it like this, you saw how it was, and you aimed very carefully at the balloon, and fired.

«Ow!» said Pooh.

«Did I miss?» you asked.

«You didn't exactly miss», said Pooh, «but you missed the balloon».

«I'm so sorry», you said, and you fired again, and this time you hit the balloon and the air came slowly out, and Winnie-the-Pooh floated down to the ground.

But his arms were so stiff from holding on to the string of the balloon all that time that they stayed up straight in the air for more than a week, and whenever a fly came and settled on his nose he had to blow it off. And I think — but I am not sure — that that is why he was always called Pooh.

«Is that the end of the story?» asked Christopher Robin.

«That's the end of that one. There are others».

«About Pooh and Me?»

«And Piglet and Rabbit and all of you. Don't you remember?»

«I do remember, and then when I try to remember, I forget».

«That day when Pooh and Piglet tried to catch the Heffalump — »

«They didn't catch it, did they?»

«No».

«Pooh couldn't, because he hasn't any brain. Did I catch it?»

«Well, that comes into the story».

Christopher Robin nodded.

«I do remember», he said, «only Pooh doesn't very well, so that's why he likes having it told to him again. Because then it's a real story and not just a remembering».

«That's just how I feel», I said.

Christopher Robin gave a deep sigh, picked his Bear up by the leg, and walked off to the door, trailing Pooh behind him. At the door he turned and said, «Coming to see me have my bath?» «I didn't hurt him when I shot him, did I?» «Not a bit». He nodded and went out, and in a moment I heard Winnie-the-Pooh — bump, bump, bump — going up the stairs behind him.

[30: 5—8]

ВИННИ-ПУХ И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

*Глава первая, в которой мы знакомимся с Винни-Пухом
и несколькими пчелами
(отрывок)*

Ну вот, перед вами Винни-Пух.

Как видите, он спускается по лестнице вслед за своим другом Кристофером Робин, головой вниз, пересчитывая ступеньки собственным затылком: бум-бум-бум. Другого спо-

соба сходить с лестницы он пока не знает. Иногда ему, правда, кажется, что можно бы найти какой-то другой способ, если бы он только мог на минутку перестать бумкать и как следует сосредоточиться. Но увы — сосредоточиться-то ему и некогда.

Как бы то ни было, вот он уже спустился и готов с вами познакомиться.

— Винни-Пух. Очень приятно!

Вас, вероятно, удивляет, почему его так странно зовут, а если вы знаете английский, то вы удивитесь еще больше.

Это необыкновенное имя подарил ему Кристофер Робин. Надо вам сказать, что когда-то Кристофер Робин был знаком с одним лебедем на пруду, которого звал Пухом. Для лебеда это было очень подходящее имя, потому что если ты зовешь лебеда громко: «Пу-ух! Пу-ух!» — а он не откликается, то ты всегда можешь сделать вид, что ты просто понарошку стрелял; а если ты звал его тихо, то все подумают, что ты просто подул себе на нос. Лебедь потом куда-то делся, а имя осталось, и Кристофер Робин решил отдать его своему медвежонку, чтобы оно не пропало зря.

А Винни — так звали самую лучшую, самую добрую медведицу в зоологическом саду, которую очень-очень любил Кристофер Робин. А она очень-очень любила его. Ее ли называли Винни в честь Пуха, или Пуха называли в ее честь — теперь уже никто не знает, даже папа Кристофера Робина. Когда-то он знал, а теперь забыл.

Словом, теперь мишку зовут Винни-Пух, и вы знаете почему.

Иногда Винни-Пух любит вечером во что-нибудь поиграть, а иногда, особенно когда папа дома, он больше любит тихонько посидеть у огня и послушать какую-нибудь интересную сказку.

Глава восьмая, в которой Кристофер Робин организует «экспедицию» к Северному Полюсу

Винни-Пух брел по Лесу, собираясь повидать своего друга Кристофера Робина и выяснить, не позабыл ли он о том, что на свете существуют медведи. Утром за завтраком (завтрак был очень скромным — немножко мармеладу, намазанного на соты с медом) Пуху внезапно пришла в голову новая песня (Шумелка). Она начиналась так: «Хорошо быть медведем, ура!»

Придумав эту строчку, он почесал в голове и подумал: «Начало просто замечательное, но где же взять вторую строчку?»

Он попробовал повторить «ура» два и даже три раза, но это что-то не помогало. «Может быть, лучше, — подумал он, — спеть «Хорошо быть медведем, ого!» И он спел «ого». Но, увы, и так дело шло ничуть не лучше. «Ну, тогда ладно, — сказал он, — тогда я могу спеть эту первую строчку два раза, и, может быть, если я буду петь очень быстро, я, сам того не замечая, доберусь до третьей и четвертой строчек, и тогда получится хорошая Шумелка. А ну-ка:

Хорошо быть медведем, ура!
Хорошо быть медведем, ура!
Побежу...
(Нет, победу!)
Победу я и жару, и мороз,
Лишь бы медом был вымазан нос!
Победу...
(Нет, побежду!)
Побежду я любую беду,
Лишь бы были все лапки в меду!..
Ура, Винни-Пух!
Ура, Винни-Пух!
Час-другой пролетит, словно птица,
И настанет пора подкрепиться!

Ему почему-то так понравилась эта песня, что он распевал ее всю дорогу, шагая по Лесу. «Но если я буду петь ее дальше, — вдруг подумал он, — как раз придет время чем-нибудь подкрепиться, и тогда последняя строчка будет неправильная». Поэтому он замурлыкал эту песенку без слов.

Кристофер Робин сидел у порога, натягивая свои Походные Сапоги. Едва Пух увидел Походные Сапоги, он сразу понял, что предстоит Приключение, и он смахнул лапкой остаток меда с мордочки и подтянулся как только мог, чтобы показать, что он ко всему готов.

— Доброе утро, Кристофер Робин! — крикнул он.

— Привет, Винни-Пух. Никак не натяну этот Сапог.

— Это плохо, — сказал Пух.

— Ты, пожалуйста, упрись мне в спину, а то я могу потянуть так сильно, что полечу вверх тормашками.

Пух сел и крепко, изо всех сил, уперся лапками в землю, а спиной изо всех уперся в спину Кристофера Робина, а Кристофер Робин изо всех сил уперся в спину Пуха и стал тащить и тянуть свой Сапог, пока он наконец не наделся.

— Ну, вот так, — сказал Пух. — Что будем делать дальше?

— Мы отправляемся в экспедицию. Все, — сказал Кристофер Робин, поднимаясь и отряхиваясь. — Спасибо, Пух.

— Отправляемся в икспедицию? — с интересом спросил Пух. — Никогда ни одной не видел. А где она, эта икспедиция?

— Экспедиция, глупенький мой мишка. Не «ск», а «кс».

— А-а! — сказал Пух. — Понятно.

По правде говоря, он ничего не понял.

— Мы должны отыскать и открыть Северный Полюс.

— А-а! — снова сказал Пух. — А что такое Северный Полюс? — спросил он.

— Ну, это такая штука, которую открывают, — небрежно сказал Кристофер Робин, который и сам не очень точно знал, что это за штука.

— А-а, понятно, — сказал Пух. — А медведи помогают его открывать?

— Конечно, помогают. И Кролик, и Кенга, и все. Это же экспедиция. Экспедиция — это вот что значит: все идут друг за другом, гуськом... Ты бы лучше сказал всем остальным, чтобы они собирались, пока я почищу ружье. И еще надо не забыть провизию.

— Про что не забыть?

— Не про что, а то, что едят.

— А-а! — воскликнул Пух радостно. — А мне показалось, ты говорил про какую-то визию. Тогда я пойду и скажу им всем.

И он отправился в путь.

Первым, кого он встретил, был Кролик.

— Здравствуй, Кролик, — сказал Пух. — Это ты?

— Давай играть, как будто это не я, — сказал Кролик. — Посмотрим, что у нас тогда получится.

— У меня к тебе поручение.

— Ладно, я передам Кролику.

— Мы все отправляемся в икспедицию с Кристофером Робин.

— Кролик обязательно примет участие.

— Ой, Кролик, мне некогда, — сказал пух. — Мы должны, главное, не забывать про... Словом, про то, что едят. А то вдруг нам есть захочется. Я теперь пойду к Пятачку, а ты скажи Кенге, ладно?

Он попрощался с Кроликом и побежал к дому Пятачка. Пятачок сидел на земле и гадал на ромашке, выясняя — любит, не любит, плюнет или поцелует. Оказалось, что плюнет, и он теперь старался вспомнить, на кого он загадал, надеясь, что это не Пух. И тут появился Винни-Пух.

— Эй, Пятачок! — взволнованно сказал Пух. — Мы все отправляемся в икспедицию. Все, все! И берем про... Покушать. Мы должны что-то открыть.

— Что открыть? — испуганно спросил Пятачок.

— Ну, что-то там такое.

— Не очень злое?

— Кристофер Робин ничего не говорил насчет злости. Он сказал только, что в нем есть «кс».

— «Кысы» я не боюсь, — серьезно сказал Пятачок. — Я боюсь только волков, но если с нами пойдет Кристофер Робин, я тогда вообще ничего не боюсь!

Спустя немного времени все были в сборе, и экспедиция началась.

Первыми шли Кристофер Робин и Кролик, за ними — Пятачок и Пух, далее — Кенга с Крошкой Ру и Сова, еще дальше — Иа, а в самом конце, растянувшись длинной цепочкой, шли все Родные и Знакомые Кролика.

— Я их не приглашал, — небрежно объяснил Кролик, — они просто взяли и пришли. Они всегда так. Они могут идти в конце, позади Иа.

— Я хотел бы сказать, — сказал Иа, — что это действует на нервы. Я вообще не собирался идти в эту ископе... или как там Пух выразился. Я пришел только из чувства долга. Тем не менее я здесь, и если я должен идти в конце ископе — вы понимаете, о чем я говорю, — то пусть я и буду в конце. Но если каждый раз, когда мне захочется посидеть и отдохнуть, мне придется сначала расчищать себе место от всей этой мелкоты — Родственников и Знакомых Кролика, то это будет не ископе — или как ее там называют, — а просто суета и суматоха. Вот что я хотел сказать.

— Я понимаю, что Иа имеет в виду, — сказала Сова. — Если вы спросите меня...

— Я никого не спрашиваю, — сказал Иа. — Я, наоборот, всем объясняю. Можете искать Северный Полюс, а можете играть в «Сиди, сиди, Яша» на муравейнике. С моей стороны возражений нет.

Тут в голове колонны послышался крик.

— Вперед! Вперед! — кричал Кристофер Робин.

— Вперед! — кричали Пух и Пятачок.

— Вперед! — кричала Сова.

— Тронулись! — сказал Кролик. — Я должен бежать. И он помчался в голову колонны к Кристоферу Робину.

— Вот именно, — сказал Иа. — Явно тронулись. Но я тут ни при чем.

Так они выступили в поход к Полюсу. По дороге они все болтали о разных разностях. Все, кроме Пуха, который сочинял песню...

Все вышли в ИСКПЕДИЦИЮ
(Считая и меня).
Сова, и Ру, и Кролик,
И вся его родня!
Вся наша ИСКПЕДИЦИЯ
Весь день бродила по лесу,
Искала ИСКПЕДИЦИЮ
Везде дорогу к Полюсу,
И каждый в ИСКПЕДИЦИИ
Ужасно был бы рад
Узнать, что значит Полюс
И с чем его едят!

— Тсс! — сказал Кристофер Робин, обернувшись к Пуху. — Мы как раз подходим к опасному месту!

— Тсс! — сказал Пух, быстро обернувшись к поросенку.

— Тсс! — сказал Пятачок Кенге.

— Тсс! — сказала Кенга Сове, а Крошка Ру несколько раз подряд сказал «тсс» самому себе.

— Тсс! — сказала Сова, обернувшись к Иа.

— Цыц! — сказал Иа страшным голосом всем Родным и Знакомым Кролика, и они принялись поспешно говорить

друг другу «тсс», пока не дошло до самого последнего. А последний, самый маленький Родственник и Знакомый, так испугался, решив, что вся экспедиция говорит ему «тсс», что немедленно зарылся в землю и просидел там вниз головой целых два дня, пока не убедился, что опасность окончательно миновала. Потом он поспешил отправиться домой. Его звали Сашка Букашка.

Экспедиция подошла к речке, которая весело вертелась и кувыркалась среди высоких каменистых берегов, и Кристофер Робин сразу оценил обстановку.

— Это как раз подходящее место для засад.

— Какой сад? — шепнул Пух Пятачку. — Может, там малина есть?

— Дорогой мой Пух, — сказала Сова покровительственным тоном, — неужели ты не знаешь даже, что такое засада?

— Сова, — сказал Пятачок, строго посмотрев на нее, — Пух ведь не с тобой шептался, а со мной, и совершенно не обязательно было тебе...

— Засада, — сказала Сова, — это вроде сюрприза.

— Малина иногда тоже, — сказал Пух.

— Засада, как я собирался объяснить Винни-Пуху, — сказал Пятачок, — это вроде сюрприза.

— Если на тебя внезапно наскочат, это называется засадой, — сказала Сова.

— Засадой, Пух, называется, когда на тебя внезапно наскочат, — объяснил Пятачок.

Пух, который теперь уже знал, что такое засада, сказал, что однажды куст малины наскочил на него внезапно, когда он, Пух, падал с дерева и ему пришлось потом целую неделю вытаскивать колючки.

— Никто не говорил о малине, — довольно сердито сказала Сова.

— Я же говорил, — сказал Пух.

Они очень осторожно шли по берегу, пробираясь между скал и камней, и вскоре дошли до места, где берег был пошире и незаметно превращался в ровную лужайку, поросшую зеленой травой, на которой так и хотелось посидеть и отдохнуть. Как только они пришли туда, Кристофер Робин скомандовал: «Стоять!» — и все уселись отдыхать.

— По-моему, — сказал Кристофер Робин, — мы должны съесть всю нашу провизию, чтобы нам было легче идти дальше.

— Съесть все наше что? — сказал Пух.

— Все, что мы принесли, — сказал Пятачок, приступая к делу.

— Это хорошая мысль, — сказал Пух и тоже приступил к делу.

— У всех есть что поесть? — спросил Кристофер Робин с полным ртом.

— У всех, кроме меня, — сказал Иа. — Как обычно! — Он грустно оглянулся. — Интересно, никто из вас не сидит, случайно, на чертополохе?

— Кажется, я сижу, — сказал Пух. — Ой! — Он вскочил и оглянулся. — Да, я сидел. Я так и чувствовал!

— Спасибо, Пух. Если он тебе больше не нужен, то...

Иа-иа перешел на место Пуха и начал есть.

— Между прочим, чертополоху не на пользу, когда на нем сидят, — заговорил Иа, на минуту оторвавшись от еды. — Он теряет всякую свежесть. Помните об этом, друзья мои. Не мешает проявлять внимание к товарищу. Надо иногда подумывать и о других, я хочу сказать!

Как только Кристофер Робин покончил со своим завтраком, он что-то шепнул Кролику, а Кролик сказал: «Да, да, конечно», и они отошли в сторонку.

— Мне не хотелось говорить при всех, — начал Кристофер Робин.

— Понятно, — сказал Кролик, надувшись от гордости.

— Дело в том...я хотел...да нет, наверное, и ты, Кролик, не знаешь... Интересно, какой из себя Северный Полюс?

— Ну, — сказал Кролик, встопорщив усы, — надо было раньше спросить.

— Я раньше-то знал, но как будто позабыл, — небрежно сказал Кристофер Робин.

— Странное совпадение, — сказал Кролик, — я тоже как будто позабыл, хотя раньше-то я, конечно, знал.

— По-моему, там проходит земная ось. Наверное, она воткнута в землю, потому что больше же ее некуда воткнуть, да к тому же она так и называется: «земляная».

— И я так думаю.

— Вопрос не в этом, — сказал Кролик. — Вопрос в том, где она, эта ось?

— Это мы скоро узнаем! — сказал Кристофер Робин.

Они вернулись к остальным участникам экспедиции. Пятачок лежал на травке и мирно похрапывал; Ру мыл мордочку и лапки в речке возле запруды, и Кенга, исполненная гордости, объясняла всем и каждому, что Ру впервые в жизни умывается самостоятельно; а Сова рассказывала Кенге интересную историю, полную длинных слов, вроде «энциклопедия» и «рододендрон», хотя Кенга и не думала ее слушать.

— Не одобряю я этих разных умываний, — ворчал Иа, — в особенности этой новой моды мыть за ушами. А ты, Пух?

— Ну, — сказал Пух, — я считаю...

Но мы никогда не узнаем, что считал Пух, потому что в этот момент раздался всплеск, послышался писк Ру и громкий испуганный крик Кенги.

— Ру упал в воду! — закричал Кролик.

— Доумывался! — сказал Иа-Иа.

Кристофер Робин и Пух кинулись на помощь.

— Смотрите, как я плаваю! — пропищал Ру. Он был уже на середине речки, и течение быстро несло его к водопаду у плотины.

— Ру, дорогой, ты цел? — кричала Кенга.

— Да! — отвечал Ру. — Смотри, как я пла... Буль, буль! — И он вынырнул уже у следующей запруды.

Все, как могли, старались ему помочь.

Пятачок, совершенно проснувшийся, прыгал на месте и кричал: «Ой, ой!»; Сова объясняла, что в случае неожиданного погружения в воду самое важное — это держать голову над поверхностью; Кенга огромными скачками неслась по берегу, не забывая спрашивать: «Ру, дорогой, ты действительно цел?» — на что Ру отвечал: «Смотрите, как я плаваю!»; Иа сел возле запруды — той самой, где упал Ру, — и опустил в воду хвост. Повернувшись спиной ко всему происходящему, он приговаривал: «Все из-за этого мытья; но ты только держись за мой хвост, Ру, и все будет в порядке». А Кристофер Робин и Кролик носились взад и вперед, созывая всех остальных.

— Ру, держись, мы идем к тебе! — кричал Кристофер Робин.

— Эй вы там, ребята, перебросьте что-нибудь через реку, немного пониже! — командовал Кролик.

И только Винни-Пух сделал что-то полезное. Он подхватил длинную палку и перебросил ее на тот берег. Туда же

перескочила Кенга и схватила другой конец; они опустили палку к самой воде, и вскоре Ру, который продолжал радостно булькать: «Смотрите, как я плаваю!» — ухватился за нее и выкарабкался на берег.

— Вы видали, как я плаваю? — пищал Ру в восторге, пока Кенга вытирала его. — Пух, ты видел, как я плаваю? Вот это называется плавать! Кролик, ты видел, что я делал? Я плавал! Эй, Пятачок! Пятачок, слышишь? Как ты думаешь, что я сейчас делал? Я плавал! Кристофер Робин, ты видел, как я ...

Но Кристофер Робин не слышал, он смотрел на Пуха.

— Пух, — сказал он, — где ты нашел эту ось?

Пух посмотрел на палку, которую все еще продолжал держать.

— Ну, просто нашел, — сказал он. — Разве это ось? Я думал, это просто палка, и она может пригодиться. Она там торчала в земле, а я ее поднял.

— Пух, — сказал Кристофер Робин торжественно, — экспедиция окончена. Это — Земная Ось. Мы нашли Северный Полюс.

— Ох, правда? — сказал Пух.

Когда все вернулись на лужайку, Иа все еще продолжал сидеть, опустив хвост в воду.

— Пусть кто-нибудь скажет Ру, чтобы он поторопился, — сказал он. — Мой хвост озяб. Я не жалуюсь, я просто констатирую факт. Мой хвост замерз.

— Вот и я! — пропищал Ру.

— Ах, вот ты где!

— Ты видел, как я плаваю?

Иа вытащил хвост из воды и помахал им.

— Я так и думал, — сказал он. — Ничего не чувствует. Онемел. Вот до чего дошло. Он ооченел. Ну что ж, если это никого не беспокоит, значит, так и должно быть.

— Бедный мой ослик! Я его сейчас вытру, — сказал Кристофер Робин. Он достал носовой платок и стал вытирать хвост.

— Спасибо, Кристофер Робин. Ты здесь единственный, кто понимает в хвостах. Остальные не способны думать. Вот в чем их беда. У них нет воображения. Для них хвост это не хвост, а просто добавочная порция спины.

— Не горюй, Иа! — сказал Кристофер Робин, растирая хвост изо всех сил. — Так лучше?

— Пожалуй, так он чувствует себя хвостом. Чувствует, что ты им владеешь. Если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Привет, Иа! — сказал Пух, подойдя со своей Осью.

— Привет, Пух. Спасибо за внимание. Я думаю, что через день-два я опять сумею им владеть.

— Чем владеть? — спросил Пух.

— Тем, о чем мы говорили.

— Я ни о чем не говорил, — сказал Пух, недоумевая.

— Значит, я опять ошибся. А я думал, ты сказал, как тебя огорчает история с моим хвостом, и спросил, не мог бы ты чем-нибудь помочь.

— Нет, — сказал Пух чистосердечно. — Это был не я. — Он подумал немножко и, желая помочь выяснить вопрос, добавил: — Наверно, это был кто-нибудь другой.

— Ну что ж, тогда поблагодари его от моего имени, когда вы увидите.

Пух смущенно посмотрел на Кристофера Робина.

— Пух нашел Северный Полюс, — сказал Кристофер Робин. — Здорово, правда? Вот Земная ось.

Пух скромно опустил глаза.

— Вот это? — спросил Иа.

— Да, — сказал Кристофер Робин.

— Значит, мы вот эту штуку искали?

— Да, — сказал Пух.

— Гм, — сказал Иа-Иа. — Ну что ж. Во всяком случае, дождя не было, — добавил он.

Они воткнули Ось в землю, и Кристофер Робин привязал к ней дощечку с надписью: СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС. ОТКРЫТ ПУХОМ. ПУХ НАШЕЛ ЕГО.

Потом все отправились по домам. И, по-моему, хотя я в этом не вполне уверен, Крошке Ру пришлось принять горячую ванну и немедленно лечь спать. А Пух так гордился своим подвигом, что должен был очень-очень основательно подкрепиться.

[пер. Б. Заходера, 24: 315, 357—365]

Памела Трэверс (Элен Линда Гофф, 1902—1997) — театральный критик и журналист, она родилась в Австралии, в городке Мэрибороу (название можно перевести как Мэриград),

стоящем на реке Мэриривер, так что имя ее героини Мэри Поппинс, можно сказать, было предопределено самой судьбой. Из детства и воспоминание о некоей даме, одетой старомодно, но экстравагантно, разгуливающей под зонтиком с ручкой в виде головы попугая.

Стихи и статьи П. Трэверс стали печатать, когда ей не было и 20 лет. Она имела свою колонку в газете, служила в газовой кампании, танцевала и играла в театре.

В 1924 году уехала в Англию. Изучала старинные кельтские легенды, увлекалась мифологией. Долгое время работала в Америке: читала лекции студентам, в том числе и в знаменитом Гарвардском университете. «Учиться — это значит спрашивать “почему?”» — говорила Трэверс.

Но знаменитой становится в 1934 году, написав первую книжку про Мэри Поппинс. Книга имела такой успех, что пришлось писать продолжения: «Мэри Поппинс возвращается», «Мэри Поппинс открывает дверь», «Мэри Поппинс в парке». Последняя книжка написана в 1976 году.

В книге мы слышим голос невозмутимой, ироничной и мудрой рассказчицы. Разносторонне образованная, она могла бы сказать про себя словами своего Ученого Короля: «Мое собрание Фактов, Сведений и Данных не имеет себе равного в мире!» Но высшей мудростью для нее осталось то, что знают старики, дети, женщины и Кошки: что небо — это чуть выше, чем орел летает, что сильнее всего на свете терпение и что главные знания заключены не в энциклопедиях и учебниках, а в человеческом сердце.

Безупречная леди Мэри Поппинс, неумолимая, строгая, язвительная, открывает своим воспитанникам, Джейн и Майклу, удивительный мир, волшебный и справедливый. Он полон чудес и веселого, здравого смысла и все же проникнут печалью, потому что чудо кратковременно: ожившая статуя должна вернуться на свое место, понимать язык птиц мы можем лишь до первого зуба, а летать по воздуху — до первой грустной мысли. Да и сама Мэри Поппинс должна покинуть дом № 17.

Как и в «Алисе...» здесь много английских народных песенок и стихов, сказок и поговорок. Одна из них — «Кошка может смотреть на короля» — даже развернута в целое повествование.

Продолжая традиции литературной эксцентрики, стремится показать мир современной Англии с ее заботами и проблемами с точки зрения восприятия ребенка. В то же время затрагиваются и проблемы, возникающие в семье, что характерно для английской детской литературы.

MARY POPPINS

If you want to find Cherry Tree Lane you should ask the policeman at the crossroads. He will say,

«First to your right, second to your left, then right again and you're there».

And if you do what he tells you will come to Cherry Tree Lane. On one side of the street there are houses, on the other side there is a park and there are cherry trees in it. If you are looking for number seventeen you will very soon find. It is the only one that needs a new coat of paint. Mr Banks, who lives in the house, said to his wife, Mrs Banks, that they could have a nice clean, comfortable house or four children but that they did not have enough money for both. Mrs Banks thought about this and decided to have Jane, Michael, John and Barbara. So that was that and the Banks family came to live at number seventeen with Mrs Brill to cook for them, Emma to lay the tables for them and clean for them, and Robertson, the gardener, to cut the grass and grow vegetables and flowers. And, of course, there was also Katie Nanna who should not really come into the story because at the time that I am speaking she is just leaving the house, and going down the road to the station.

«I am not working with those children», she said as she left.

«Oh, what shall we do?» said Mrs Banks.

«Just write to the Morning Paper», said Mr Banks, «and say that Jane, Michael, John and Barbara Banks need a kind nanny to take care of them. Now I must go to work».

Mr Banks said goodbye to his wife, left the house and went down the street to the station with his black bag in his hand. Mrs Banks went into the living room, sat down and wrote letters all day to the newspapers. She wrote that the family needed a nanny. Upstairs in the house Jane and Michael sat near the window. They watched the birds in the cherry trees and talked about their nanny.

«I'm happy that Katie Nanna has gone», said Michael. «I never liked her. She was never kind».

At the end of the afternoon Mrs Brill and Emma came to give them their dinner and to bath the two youngest children. After dinner the children sat at the window again and waited for their father to come home.

«There he is!» said Michael.

«That's not daddy», Jane said. «It's somebody else».

They could now see that it was a woman with a bag in one hand. The wind was strong. When she came into the garden a strange thing happened. The wind seemed to take her, lift her up and throw her at the house.

«I've never seen that happen before», said Michael.

When she came down at the door the whole house shook.

«Let's go and see who it is!» said Jane and they went to the stairs from where they could see everything and everybody in the hall.

They saw their mother in the hall with a visitor. The lady had black hair. She was thin and had large feet and hands and blue eyes.

«You'll find that they are very nice children», said Mrs Banks.

«They are never a problem». They could see that their mother did not really think this was true and they felt that the visitor understood it too.

«Have you a letter from the house where you worked before?» said Mrs Banks.

«Oh, I never have those letters», said the visitor.

Mrs Banks did not know what to say.

«I thought people usually have such letters when they come to work in a new house».

«Not these days, you know», answered the visitor.

Mrs Banks did not want her guest to think that she did not do the same as everybody else, so she quickly said, «That's fine then. I don't think we need a letter. The children are upstairs in their bedroom».

And she went upstairs. Then Jane and Michael saw a very strange thing. Mrs Banks saw nothing as she did not look behind her. The visitor sat on the banisters and slid up them with her bag in her hand. The children often slid down the banisters but to slide up them was something really new. The visitor got to the children's bedroom at the same time as their mother.

«Everything will be fine», said Mrs Banks. «Why, children, what are you doing here? I'd like you to meet your new nanny, Mary Poppins. Jane, Michael, say how do you do! And these are the youngest children, John and Barbara».

Mary Poppins looked at the children and thought for several minutes, then she said, «Yes, I'd like to work here».

«And we will be very happy if you work here», said the children's mother.

Mrs Banks then left Mary Poppins with the children and went downstairs.

«How did you come here?» Jane asked. «It looked as if the wind brought you».

«It did», said the new nanny as she took off her coat and hat. Then Mary Poppins started to open her bag.

«Why», said Jane, «there's nothing in it!»

«Nothing in it, did you say?» She did not look very pleased and started to take things from the bag. First she took out some soap, then a toothbrush, then a small armchair and so on. The children just joked. Could all this be true?

Mary Poppins then took out a large bottle. There were the words

«One teaspoon at bedtime» on it.

Mary Poppins poured from the bottle.

«Is that for you?» Michael asked.

«No, it's for you», Mary Poppins answered.

«I don't want it. I don't need it; I won't!»

But Mary Poppins looked at him and Michael quickly discovered that there was no other way. There was something very strange and special about their new nanny. He closed his eyes and drank from the spoon. A happy smile came to his face.

«Strawberry ice», he shouted. «More, more, more!»

But Mary Poppins poured some for Jane.

«Raspberry», said Jane. «Delicious!»

Mary Poppins turned to the youngest children. Jane and Michael could tell that in the spoon this time there was milk. Then Mary Poppins poured out some more and took it herself.

«Now», she said, «into bed».

In a minute the children were in bed.

[26: 28—31]

Джейн и Майкл ушли в гости, надев свои лучшие костюмы, в которых они выглядели, по словам Элин, «точь-в-точь как с витрины в магазине».

Весь день дом был очень тих и спокоен, словно он задумался о чем-то своем или, может быть, задремал. Внизу, в кухне, миссис Брилл, водрузив на нос очки, читала газету. Робертсон Эй сидел в саду и был очень занят: он ничего не делал. Миссис Бэнкс сидела с ногами на диване в гостиной. И дом стоял тихий-тихий, замечтавшись о чем-то или, может быть, задумавшись.

Наверху, в детской, Мэри Поппинс сушила у камина костюмчики Близнецов. Солнце врывалось в окно, его лучи играли на побеленных стенах и танцевали над кроватками малышей,

— Эй, ты, отодвинься! Ты мне прямо в глаза залез! — сказал Джон громким голосом.

— Извини! — отвечал Солнечный луч. — Ничего не могу поделать! Волей-неволей я должен пройти сквозь эту комнату. Приказ есть приказ. Мой дневной маршрут — от Восхода до Заката, а ваша детская как раз по дороге! Так что уж прости. Закрой глазки — ты меня и не заметишь!

Золотой сноп солнечных лучей пересекал комнату. Он явно старался двигаться как можно быстрее, чтобы выполнить просьбу Джона,

— Какой ты нежный, какой ласковый! Я тебя так люблю! — сказала Барби, вытянув руки навстречу теплому сиянию.

— Молодчина! — одобрительно сказал Солнечный луч и коснулся ее щек и волос легким, ласкающим движением. — Так ты говоришь, я тебе нравлюсь? — спросил он, видимо не прочь снова услышать похвалу.

— Уж-жасно! — сказала Барби, вздохнув от удовольствия.

— Опять болты-болты-болты? В жизни не слышал столько болтовни, как тут! Вечно кто-нибудь трещит в этой комнате! — прозвучал с окошка чей-то пронзительный голос.

Джон и Барби поглядели в окно. Там сидел Скворец, который жил на верхушке трубы.

— Это мне нравится! — сказала Мэри Поппинс, живо обернувшись. — Ты бы о себе подумал! Сам день-деньской трещит, стрекочет, кричит — чуть не до ночи! От твоей болтовни

могут разболтаться ножки у стула! Ты хуже всякого воробья, сказать по правде!

Скворец наклонил голову набок и поглядел на нее сверху вниз со своей безопасной позиции на оконной раме.

— Ну, — сказал он, — у меня есть дела, множество дел. Сопреждения, переговоры, консультации, дискуссии, и так далее, и тому подобное. Разумеется, многое нужно... м-м-м... спокойно обсудить!

— Спокойно! — воскликнул Джон, от души смеясь.

— А я не с тобой говорю, молодой человек! — отрезал Скворец, соскочив на подоконник. — И, между прочим, тебе-то уж лучше бы помалкивать. Я слышал, как ты болтал в прошлую субботу. Господи! Я думал, ты никогда не остановишься! Ты мне всю ночь спать не давал!

— Я не разговаривал, — сказал Джон. — Я пла... — Он запнулся. — Я хочу сказать, я был нездоров.

— Гм! — сказал Скворец и перескочил на перила кровати Барби.

Он бочком пробежал по перилам и остановился у нее в голове. Тут он заговорил ласковым, заискивающим тоном:

— Ну, Барбара Бэнкс, найдется сегодня что-нибудь для старого знакомого, а?

Барби, подтянувшись за перила, уселась в кроватке.

— Осталась половинка печенья, — сказала она и протянула Скворцу свой пухленький кулачок.

Скворец мигом подскочил, — выхватил угощение, перепорхнул на подоконник и начал жадно расклеивать печенье.

— Спасибо! — многозначительно произнесла Мэри Поппинс.

Но Скворец был так поглощен едой, что не заметил намека.

— Я сказала: «Спасибо!» — повторила Мэри Поппинс немного погромче.

Скворец поднял голову.

— А — что? А-а, оставь, девочка, оставь. У меня нет времени на все эти церемонии. — И он с удвоенной энергией принялся за печенье,

В комнате было очень тихо. Джон, разнежившись на солнышке, сунул правую ногу в рот и стал водить пальцами по десне — там, где у него как раз начали прорезываться зубки.

— Зачем ты это делаешь? — весело спросила Барби своим нежным голосом, в котором всегда слышалась улыбка. — Ведь никто на тебя не смотрит — зачем стараться?

— Я знаю, — ответил Джон, продолжая разыгрывать на пальцах ноги какую-то мелодию. — Просто тренируюсь, чтобы не выйти из формы. Ведь эти штучки так радуют взрослых! Ты видела, что вчера было с тетей Флосси? Она чуть с ума не сошла от восторга, когда я ей это демонстрировал! «Золотко! Умница! Чудо мое! Прелесть!» Помнишь, как она закатывалась?

И Джон, взмахнув ногой, так и покатился со смеху, представив себе тетю Флосси.

— Мой фокус ей тоже понравился, — самодовольно сказала Барби. — Я стащила с ног носочки, и она от радости завопила, что так бы меня и съела! Вот потеха! Уж если я скажу «хочу съесть», я и правда съем! Печенье, сухарь, шишечку на перилах кровати и так далее. А эти взрослые, по-моему, сами не понимают, что говорят. Ведь не хотела же она меня съесть на самом деле?

— Конечно, нет. Это у них просто такая дурацкая манера разговаривать, — сказал Джон. — Я их, наверно, никогда не пойму, этих взрослых. Они все какие-то глупые. И даже Джейн и Майкл иногда бывают такими глупыми!

— Угу, — рассеянно отвечала Барби, то стаскивая, то снова натягивая носки.

— Например, — продолжал Джон, — они не понимают ни единого нашего слова. Больше того: они не понимают, что говорят вещи! Подумать только, я в прошлый понедельник своими ушами слышал, как Джейн сказала, что она хотела бы знать, на каком языке говорит ветер.

— Да, да, помню, — сказала Барби. — Просто поразительно! А как тебе нравится заявление Майкла — ты, конечно, слышал? — что Скворец говорит: «Пик-пик!» Ему как будто и невдомек, что Скворец ничего подобного не говорит, а разговаривает на том же языке, что и мы! Ну, уж так и быть, от папы и мамы нельзя требовать многого — они ведь совсем ничего не понимают, хотя они такие славные, — но уж Джейн и Майкл могли бы, кажется...

— Когда-то они все понимали, — сказала Мэри Поппинс, складывая ночную рубашку Джейн.

— Как? — хором откликнулись Джон и Барби, ужасно удивленные. — Правда? Вы хотите сказать — они понимали Скворца, и ветер, и...

— И деревья, и язык солнечных лучей и звезд — да, да, именно так. Когда-то, — сказала Мэри Поппинс.

— Но почему же они тогда все это позабыли? — сказал Джон, наморщив лоб. — Почему?

— Ага, — многозначительно сказал Скворец, оторвавшись от остатков печенья. — Так вы хотели бы это знать?

— Потому что они стали старше, — объяснила Мэри Поппинс. — Барби, пожалуйста, немедленно надень свои носки.

— Вот так-так! — сказал Джон, пристально взглянув на Мэри Поппинс.

— Тем не менее это так! — ответила Мэри Поппинс, потуже закатав носки Барби.

— Ну что ж, пусть Джейн и Майкл такие глупые, — продолжал Джон. — Я знаю, что я-то ничего не забуду, когда стану старше.

— А я — тем более, — сказала Барби, с удовлетворением посасывая палец.

— Забудете, — сказала Мэри Поппинс твердо.

Близнецы сели и уставились на нее.

— Фу-ты ну-ты! — сказал Скворец презрительно. — Нашлись вундеркинды! Тоже мне седьмое чудо света! Все забудете, голубчики, как только прорежутся зубки!

— Ни за что! — отвечали Близнецы, глядя на Скворца так, как будто не прочь были его укокошить.

Скворец насмешливо засвистел.

— Будьте покойны, все забудете! — повторил он. — Вы не виноваты, конечно, — добавил он мягче. — Просто тут ничего не поделаешь. Нет ни одного человека, который бы помнил после того, как ему стукнет самое большее год. За исключением, конечно, ее. — Он указал клювом на Мэри Поппинс.

— А почему она может помнить, а мы нет? — сказал Джон.

— А-а-а! Она не такая, как все. Она — редкое исключение. Она вне конкуренции! — сказал Скворец, ухмыляясь.

Джон и Барби молчали. Скворец продолжал объяснения:

— Она — единственная в своем роде. Нет, я не о наружности. Конечно, любой мой только что вылупившийся птенец гораздо красивее, чем Мэри Поппинс, была, есть и...

— Я тебе задам, наглец! — сердито сказала Мэри Поппинс, мгновенно обернувшись и махнув в его сторону фартуком. Но

Скворец, отскочив в сторону, перепорхнул на оконную раму и, оказавшись вне опасности, насмешливо свистнул.

— Думала, ты меня на этот раз поймала, да? — хихикнул он и помахал ей крыльями.

Мэри Поппинс только фыркнула. Солнечное пятно двигалось по комнате, и длинные золотые стволы тянулись за ним. За окном набежавший легкий ветерок что-то тихонько прошептал веткам вишен в переулке.

— Слушай, слушай, ветер разговаривает, — сказал Джон, наклонив голову набок. — Мэри Поппинс, вы правда думаете, что мы этого не сможем слышать, когда станем старше?

— Слышать-то вы все будете, — ответила Мэри Поппинс, — но понимать перестанете.

При этих словах Барби жалобно заплакала. У Джона тоже навернулись слезы на глаза.

— Ничего не поделаешь. Так уж полагается, — сказала Мэри Поппинс назидательно.

— Ай-ай-ай, вот стыд! — насмеялся Скворец. — Плаксы-ваксы! Разревелись! У невылупившегося скворчонка и то больше ума! Как не стыдно хлюпать!

И действительно, Джон и Барби теперь рыдали во весь голос, захлебываясь горькими слезами. Тут дверь распахнулась, и в детскую вошла миссис Бэнкс.

— Мне показалось, малыши плачут, — сказала она и подбежала к Близнецам. — Что случилось, мои крошечки? Ах, вы, мои ненаглядные, мои солнышки, мои золотые птички! Что с вами? Почему они так плачут, Мэри Поппинс? Весь день они были такие тихие, спокойные! Что-нибудь случилось?

— Да, мэм. Нет, мэм. Мне кажется, у них режутся зубки, мэм, — говорила Мэри Поппинс, нарочно не глядя на скворца.

— Ах да, конечно! — просияла миссис Бэнкс.

— Не желаю я никаких зубок, если из-за них все забуду! Все, что люблю на свете! — вопил Джон, извиваясь под одеялом.

— И я не хочу! — рыдала Барби, зарываясь лицом в подушку.

— Ах вы, мои бедняжечки, мои лапочки! Все будет хорошо! Лишь бы эти противные зубищи скорей прорезались, — утешала их миссис Бэнкс, переходя от кровати к кровати.

— Не понимаешь ты! — яростно вопил Джон. — Не надо мне никаких зубов!

— Все будет плохо, а совсем не хорошо! — плакала в подушку Барби.

— Да-да-да! Не надо плакать! Mamочка знает. Mamочка все-о-о знает. Mamочка понимает. Все будет хорошо, когда зубки прорежутся, — ворковала миссис Бэнкс.

С окна донесся слабый звук. Это Скворец с трудом подавил смех. Мэри Поппинс строго поглядела на него. Он опомнился и принял серьезный вид.

А миссис Бэнкс нежно гладила своих Близнецов, то одного, то другую, продолжая бормотать ласковые слова, которые должны были, по ее мнению, их утешить. И вдруг Джон перестал плакать. Он был хорошо воспитанный мальчик, любил свою маму и сознавал свой долг перед ней, «Ведь она не виновата, бедняжка, что всегда говорит не то. Она просто-напросто ничего не понимает», — размышлял он. И вот, чтобы показать, что он на нее не сердится, он перевернулся на спину и меланхолически, глотая слезы, взял правую ногу обеими руками и засунул ее в рот.

— Ах ты, умница, ах ты, мой умница! — в восторге приговаривала мама.

Он повторил это упражнение, и она была в восхищении. Тогда Барби, не желая уступать ему в любезности, поднялась с подушки и, хотя ее лицо было мокро от слез, села и стащила оба носка сразу.

— Чудо, а не девочка! — с гордостью сказала миссис Бэнкс и поцеловала ее. — Ну, вот видите, Мэри Поппинс! Вот все и хорошо! Я всегда знаю, как их утешить. Все хорошо, все хорошо! — повторяла миссис Бэнкс, словно напевая колыбельную. — И зубки скоро прорежутся.

— Да, мэм, — спокойно отвечала Мэри Поппинс.

И миссис Бэнкс, напоследок улыбнувшись Близнецам, вышла. Едва дверь за ней закрылась, как Скворец разразился хохотом.

— Простите, что я не сдержался, — кричал он, — но, честное слово, это выше моих сил! Ну и сцена! Ну и сцена!

Джон не обратил на него внимания. Прижавшись липом к решетке своей кровати, он тихо, яростно сказал Барби:

— Я не буду таким, как все! Не буду, и все! Пусть они, — он мотнул головой в сторону Мэри Поппинс и Скворца, — говорят, что хотят! Я никогда не забуду, никогда!

— И я тоже, — ответила Барби. — Никогда!

— Клянусь своим хвостом! — завопил Скворец, хлопая себя крыльями по бокам и покатываясь со смеху. — Нет, вы только послушайте! Как будто это от них зависит! Да ведь через месяц, два, самое большое через три они даже забудут, как меня зовут, дурачки! Глупые бесперые кукушата! Ха-ха-ха!

Раздался новый взрыв смеха, и Скворец, взмахнув пестрыми крылышками, вылетел в окошко.

Прошло не так уж много времени с тех пор. Зубки после немалых страданий наконец прорезались, как полагается всем зубам, и Близнецы отпраздновали свой первый день рождения. И как раз на другой день после торжества Скворец, который улетел на курорт, вернулся в Дом Номер Семнадцать по Вишневному переулку.

— Привет, привет, привет! Вот и мы! — весело пропищал он, приземляясь на подоконник и подскакивая при каждом «привете». — Ну как тут поживает наша девочка? — развязно осведомился он у Мэри Поппинс, наклонив голову набок и разглядывая ее своими веселыми, блестящими, озорными глазами.

— Без вас не скучала! — отрезала Мэри Поппинс, надменно вскинув голову.

Скворец рассмеялся.

— Все та же Мэри Поппинс! — сказал он. — Ты не изменилась! Ну, а как остальные? Я имею в виду кукушат, — пояснил он и покосился на кровать Барби. — Ну, Барбарина, — начал он сладким, заискивающим тоном, — найдется что-нибудь сегодня для старого знакомого?

— Гули-гули! — отвечала Барби, продолжая жевать свое печенье.

Скворец, вздрогнув от неожиданности, подскочил к ней поближе.

— Я говорю, — повторил он отдельно, — найдется что-нибудь для старого приятеля, дорогая Барби?

— Ляп-тяп-тяп, — пролепетала Барби, глядя в потолок и доедая последнюю сладкую крошку.

Скворец уставился на нее.

— Ай-ай-ай! — сказал он наконец и, обернувшись, вопросительно посмотрел на Мэри Поппинс. Они обменялись долгим взглядом. Скворец перепорхнул на кровать Джона и уселся на перила решетки. Джон играл с большим пушистым игрушечным ягненком.

— Как меня зовут? Как меня зовут? Как меня зовут? — прокричал Скворец пронзительно и тревожно.

— Аф-ти-тя! — сказал Джон, открыв рот и засовывая туда ногу ягненка.

Слегка покачав головой, Скворец отвернулся.

— Значит, уже, — сказал он негромко Мэри Поппинс.

Она кивнула. Скворец минутку уныло смотрел на Близнецов, потом пожал пестрыми плечиками.

— Ну конечно, я же знал, что так будет. Всегда говорил им. Но они не желали верить,

Он немного помолчал, глядя на кровати. Потом энергично встряхнулся.

— Ну что ж, ну что ж. Мне пора. Труба нуждается в генеральной уборке, я уверен.

Он перелетел на подоконник и, на минуту задержавшись там, оглянулся.

— А странно будет без них все-таки. Всегда любил с ними поболтать. Да, любил. Мне будет их не хватать.

Он проворно обмахнул крылом глаза

— Расплакался? — съязвила Мэри Поппинс.

Скворец выпрямился.

— Расплакался? Ничего подобного! У меня просто... м-м-м... небольшой насморк. Подхватил в дороге. Вот и все. Да, небольшая простуда. Ничего страшного.

Он перескочил на наружный подоконник и оправил клювом перья на груди.

— Приветик! — крикнул он задорно, взмахнул крыльями и исчез...

[пер. Б. Заходера, 42: 59—72]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Вспомните и раскройте значение понятий: юмор, ирония, сатира, эксцентрика.

2. Литературовед Е. Брандис, характеризуя литературные сказки для детей младшего возраста, отмечает: «Специфика здесь в предельной доходчивости, а приемы — те же: оживление вещей, игрушек, одухотворение природы, очеловечивание животных. Слушая забавные сказки, малыши продолжают игру, не думая, что она сплетена с поучениями. Знакомую ребенку действительность писатель пово-

рачивает новыми гранями, незаметно расширяя круг представлений, в том числе о плохом и хорошем, о нравственном и безнравственном. Фантазия вырастает из реальности, реальность оборачивается чудом».

На примере сказок Д. Биссета, П. Трэверс обоснуйте высказывание литературоведа.

3. Сопоставьте видеозаписи фрагментов мультфильмов по сказке А. А. Милна американских и русских режиссеров. В чем проявляются особенности менталитета каждой из стран?

Поэтические произведения для детей младшего возраста

Для английской детской поэзии XX века характерна и поэзия нелепиц, и светлая незамысловатая детская лирика. Расширяется тематика детских стихов, вводится свободный стих, ярче становится образная система.

Один из значительных поэтов — *Уолтер Деламер* (1873—1956). Его лирика производит на читателя неповторимое впечатление простоты. Это мир простых вещей, но не мир повседневности, так как, говоря о самом знакомом и обыденном, Деламер открывает перед нами его очарование и красоту.

Джеймс Ривз (1909—1978) — английский поэт, лирик, певец деревенской природы. Много лет проработал учителем в школе, перевел «Сказку о золотом петушке» А. С. Пушкина, но главное, что привлекает детей в поэте, — любовь к «странным вещам», о которых он сочинял веселые стихи. Несколько его стихотворений в переводах М. Бородинской вошли в сборник «В один прекрасный день» (М., 1986).

Хилэр Беллок (1870—1953) — английский писатель и большой знаток зверей и непослушных детей. Вероятно, этим и вызвано появление на свет его «Книги зверей для несносных детей» и «Еще одной книги зверей для совсем никудышных детей». Поучительными стихами автор внес значительный вклад в детскую зоологию.

Алан Александр Милн (1882—1956) — поэт с ярко выраженным юмористическим дарованием.

Милну принадлежат два сборника стихов для детей: «Когда мы были маленькими» (1924) и «Нам уже шесть» (1927). Они посвящены тому же герою, с которым мы встретимся в «Винни-Пухе», — мальчику Кристоферу Робину. Это — подлинное имя сына писателя, он — действующее лицо многих стихотво-

рений. «Чих» начинается так: «Кристофер Робин хрипит и чихает. Его уложили в кровать...» В «Припрыжке» Кристофер все время скачет и его невозможно остановить, так ему все время нужно идти. Милну удастся понять своего маленького читателя, воспроизвести его психологию, ход мысли, представления об окружающем («Счастье», «Конец», «Пропажа»).

Тонким лиризмом отмечено стихотворение «У окна» — о движении дождевых капель по стеклу:

Каждой капле дал я имя:

Это — Джонни, это — Джимми.

Капли неровным движением сбегает вниз — то задерживаются, то торопятся. Какая из них раньше докатится донизу? Поэт глядит на мир глазами ребенка. Милн, и поэт, и сказочник, всюду верен этому творческому принципу.

Невозможно без улыбки читать «Балладу о королевском бутерброде» из сборника «Нам уже шесть». Король, который хочет съесть за завтраком всего-то кусок хлеба с маслом, ведет себя как мальчишка.

В стихах А. А. Милна проступает и английская фольклорная традиция, и юмористический взгляд на мир самого автора. Его стихи, как и сказки, заключают в себе, прежде всего, призыв не унывать в послевоенную эпоху всеобщего уныния и «потерянности».

На многие языки переведены стихи, сказки и пьесы *Элинора Фарджон* (1881—1965), широко использовавшей в творчестве национальный фольклор. Ее «Лондонские детские стишки» (1916), сборник фантастических небылиц «Мартин Пиппин в яблонево саду» (1921), собрание поэм «Детские колокольчики» (1957), потешные истории и сказки «Книжный домик» (1955) популярны в Англии. Стихи Фарджон, звучные, веселые, легко запоминающиеся, созданы в фольклорных традициях: они ритмически разнообразны, строятся на традиционных каламбурах, забавных перечислениях и повторах.

Буду я жить в этом доме,
Буду держать в этом доме
Двух преданных псов,
Трех толстых Телят,
Четырех бодливых баранов,

Пять коров круторогих,
Шесть чашечек чайных и т. д.

[пер. В. Орлова]

В 1956 году она первой получила Международную премию им. Х. К. Андерсена за лучшую книгу для детей.

На русский язык стихи переводили Г. Кружков, М. Боро-
дицкая.

Уолтер Деламэр

КОШКА

Когда приходят холода,
Ужасно любит кошка
Прилечь у жаркого огня
Подальше от окошка.
Она лежит, прикрыв глаза,
Мурлыкает, зевает,
И пламя яркое в печи
Ей тихо подпевает.
А я на старый тюфячок
Прилег, устав немножко,
Читаю книжку и смотрю
На пламя и на кошку.

СЫГРАЕМ В ПРЯТКИ

— Сыграем в прятки, — сказала луна,
С неба скатившись в лес.
— Сыграем в прятки, — сказал ветерок
И за холмом исчез.
— Сыграем в прятки, — увидев звезду,
Сказали ей облака.
— Сыграем в прятки, — сказала волна
Причалу у маяка.
— Сыграем в прятки, — сказали часы, —
Тик-так, динь-динь, диги-дон!
— Сыграем в прятки! — сказал я себе
И погрузился в сон.

[пер. В. Левина, 20: 94, 244]

Джеймс Ривз

ЧУДАК

Мой бывший сосед был ужасный чудака,
Все время он делал не то и не так:
Ходил он гулять со щенком на руках
И с кошками на четырех поводках;
Цветы поливал он горячей водой,
Очки протирал он своей бородой,
Растил в огороде одни сорняки,
Играл на рояле в четыре руки;
Из лейки садовой он пил лимонад
И был на такой же чудачке женат.
Жена его так говорила родне:
«Какое вам дело, коль нравится мне
Валяться на крыше, читая стихи,
В саду вдоль дорожек сажать лопухи,
Есть ужин на завтрак и чай на обед
И волосы красить в малиновый цвет,
Сушить на деревьях чулки и белье?!
Мое это дело, и только мое!»
И было двенадцать у них чудачат,
Чумазных, горластых,
Как стайка галчат,
И чтобы проделки их все описать,
Пришлось бы, наверно,
Трудиться лет пять!
...Но как-то однажды на старую тачку
Чудака посадил чудачат и чудачку,
И так покатали они вокруг света...
С тех пор ни ответа от них, ни привета.
Наверно, ребята, и в ваши края
Заедет когда-нибудь эта семья!

ПРОФЕССОР

Носит профессор с собой в голове
Мысли о людях, зверях и траве...
Тысячи мыслей в его голове,
Вот бы он дал мне одну или две!

[пер. М. Бородицкой, 27: 66, 45]

ВОРЧУНЫ ИЗ УНЫЛЛОУ

Деревня Уныллоу — скучное место,
Крестьяне в Уныллоу — сплошь ворчуны!
Всегда — то у них расползается тесто,
То щает скотина и дети больны...
Любимого нет у них времени года:
Жара не годится,
Мороз не хорош.
Какая б с утра ни стояла погода,
Из дома не выйдут они без галош.
У мистера Хворроу снова простуда,
У мистера Хилоу — радикулит,
Супругам Недуглас по-прежнему худо,
У старого Чахли все тело болит...
Все дуются, сердятся, злятся, боятся —
А вдруг приключится такая беда:
А вдруг все напасти да враз прекратятся —
На что же ворчать они станут тогда?!

[пер. М. Бородинской, 10: 41]

Хилэр Белок

FROM «THE BAD CHILD'S BOOK OF BEASTS»

I call you bad, my little child,
Upon the title page,
Because a manner rude and wild
Is common at your age.
The Moral of this priceless work
(If rightly understood)
Will make you — from a little Turk —
Unnaturally good.
Do not as evil children do,
Who on the slightest grounds
Will imitate the Kangaroo,
With wild unmeaning bounds:
Do not as children badly bred,
Who eat like little Hogs,
And when they have to go to bed

Will Whine like Puppy Dogs:
Who take their manners from the Ape,
Their habits from the Bear,
Indulge the loud unseemly jape,
And never brush their hair.
But so control your actions that
Your friends may all repeat:
«This child is dainty as the Cat,
And as the Owl discreet».

THE RHINOCEROS

Rhinoceros, your hide looks all undone,
You do not take my fancy in the least:
You have a horn where other brutes have none:
Rhinoceros, you are an ugly beast.

[41: 154—155, 157]

из «КНИГИ ЗВЕРЕЙ ДЛЯ НЕСНОСНЫХ ДЕТЕЙ»

Приятель! Этот зоосад
Собрал я для тебя,
Несносных маленьких ребят
Жалея и любя.
Ты стать хорошим поскорей
Захочешь, коль поймешь,
Как часто на моих зверей
Бываешь ты похож!
Пусть задрязнят, засмеют,
Заставят покраснеть
Тех, кто плюется, как Верблюд,
Топочет, как Медведь.
Кто, как Мартышка, норовит
Состроить рожу нам,
Как Поросенок, неумыт
И, как Осел, упрям...
Нет! Ты порадовать сумей
И маму, и отца:
Прилежным стань, как Муравей,
И кротким, как Овца;

Тишайшей Мышки будь скромней,
А кашу ешь, как Слон!
Тогда над клеткою твоей
Напишут: «Эталон».

НОСОРОГ

— Какой же ты неряха, Носорог!
Все время у тебя ужасный вид:
Измята шкура, съехал на нос рог —
И как тебе от мамы не влетит?

[пер. М. Бородицкой, 10: 29—31]

ЛЯГУШКА

Всегда отменно вежлив будь
С лягушечкою кроткой,
Не называй ее отнюдь
«Уродкой — бегемоткой»,
Ни «раскорякой», ни «квашней»,
Ни «квинтер — финтер — жабой»;
Не рань ей сердца шуткой злой,
Души не окорябай;
Но пониманием согрей,
Открой ей сердце шире —
Ведь для того, кто верен ей,
Нет друга преданней, нежней
И благодарней в мире!

[пер. Г. Кружкова, 37: 175]

Алан Александр Милн

ГОП-ГОП!

Мой Робин не ходит,
Как люди, —
Топ-топ, —
А мчится вприпрыжку,
Галопом —
Гоп-гоп!
Он мчится вприпрыжку,

Галопом — гоп-гоп!
И если гуляем мы вместе,
Напрасно в пути
Я кричу ему: «Стоп! —
Не может стоять он на месте.
А если бы Робин
Не прыгал в пути,
Шагов десяти
Он не мог бы пройти
И скоро бы снова
Пустился в галоп —
Гоп-гоп-гоп!

[пер. С. Маршака, 29: 401]

МАЛЕНЬКИЙ ТИМ

У Тимофея — Тима
На ножках десять пальцев.
Чулки на десять пальцев
Натягивает Тим,
Наденет и сапожки,
И новые галошки, —
И весь десяток пальцев
Гулять уходит с ним.
У Тима — Тимофея
На ручках десять пальцев,
И делают все пальцы,
Что им прикажет Тим.
Он сунет их в перчатки
На меховой подкладке, —
И десять пальцев в прятки
Зимой играют с ним.
У Тимофея — Тима
Два синих-синих глаза.
Они всегда смеются,
Когда смеется Тим.
А если мальчик болен
Иль чем-то недоволен,
То сразу оба глаза
Заплачут вместе с ним.

У Тима — Тимофея
На ручках десять пальцев,
На ножках десять пальцев,
А голова одна.
Когда, зевая сладко,
Ложится он в кровать, —
На мягкую подушку
Ложится и она.

[пер. С. Маршака, 29: 402—403]

БАЛЛАДА О КОРОЛЕВСКОМ БУТЕРБРОДЕ

Король, его величество,
Просил ее величество,
Чтобы ее величество
Спросила у молочницы:
Нельзя ль доставить масла
На завтрак королю.
Придворная молочница
Сказала: — Разумеется,
Схожу, скажу корове,
Покуда я не сплю!
Придворная молочница
Пошла к своей корове
И говорит корове,
Лежащей на полу:
— Велели их величество
Известное количество
Отборнейшего масла
Доставить к их столу!
Ленивая корова
Ответила спросонья:
— Скажите их величествам,
Что нынче очень многие
Двуногие — безрогие
Предпочитают мармелад,
А также пастилу!
Придворная молочница
Сказала: — Вы подумайте! —
И тут же королеве

Представила доклад:
— Сто раз прошу прощения
За это предложение,
Но если вы намажете
На тонкий ломтик хлеба
Фруктовый мармелад, —
Король, его величество,
Наверно, будет рад!
Тотчас же королева
Пошла к его величеству
И, будто между прочим,
Сказала невпопад:
— Ах да, мой друг, по поводу
Обещанного масла...
Хотите ли попробовать
На завтрак мармелад?
Король ответил: — Глупости! —
Король сказал: — О боже мой! —
Король вздохнул: — О господи! —
И снова лег в кровать.
— Еще никто, — сказал он, —
Никто меня на свете
Не называл капризным...
Просил я только масла
На завтрак мне подать!
На это королева
Сказала: — Ну конечно! —
И тут же приказала
Молочницу позвать.
Придворная молочница
Сказала: — Ну конечно!
В коровий хлев опять.
Придворная корова
Спросила: — В чем же дело?
Я ничего дурного
Сказать вам не хотела,
Возьмите простокваши
И молока для каши,
И сливочного масла
Могу вам тоже дать!

Придворная молочница
 Сказала: — Благодарствуйте! —
 И масла на подносе
 Послала королю.
 Король воскликнул: — Масло!
 Отличнейшее масло!
 Прекраснейшее масло!
 Я так его люблю!
 Никто, никто, — сказал он,
 И вылез из кровати.
 — Никто, никто, — сказал он,
 Спускаясь вниз в халате.
 — Никто, никто, — сказал он,
 Намылив руки мылом.
 — Никто, никто, — сказал он,
 Съезжая по перилам,
 — Никто не скажет, будто я
 Тиран и сумасброд,
 За то, что к чаю я люблю
 Хороший бутерброд!

[пер. С. Маршака, 29: 396—398]

ВОСПАЛЕНИЕ ХИТРОСТИ

У Кристофер Робина
 Хрипы и всхлипы!
 Его уложили в кровать,
 И в рот заглянули,
 И дали пилюли,
 И не разрешили вставать.
 И все ужаснулись:
 Из хрипов и всхлипов
 Не вышли бы свинка и корь!
 От всхлипа и хрипа
 Недолго до гриппа,
 А это — опасная хворь!
 И Доктор по хрипам,
 И Доктор по всхлипам,
 И много других Докторов,
 И сам знаменитый Профессор по гриппам

К нему прибежали на зов.
 И, встав у постели,
 Узнать захотели,
 Как именно все началось,
 И много ли на ночь
 Он съел карамели,
 И как ему ночью спалось.
 И Доктор по хрипам
 Сказал, что при хрипах
 Больного нельзя охлаждать,
 А Доктор по всхлипам —
 Что надо при всхлипах
 Больному во всем угождать...
 Но ясно любому,
 Что, если больному
 Все-все, что захочет,
 Дадут —
 Не будет ни хвори,
 Ни свинки, ни кори,
 И хрипы, и всхлипы
 Пройдут.
 А Кристофер Робин,
 Проснувшись здоровым
 На следующий день поутру,
 Сказал: «Похворали!
 Теперь не пора ли
 Другую придумать игру?»

МЫ С ПУХОМ

Приходят папины друзья, и все им надо знать —
 И сколько будет пятьдесят, деленное на пять,
 И кто открыл Америку, когда и для чего,
 Как звали лорда Байрона и бабушку его...
 Мы с Пухом шепчемся в углу, мы с ним найдем ответ!
 Пух говорит: «Наверно, сто!
 А может быть, и нет».
 И если это так и есть — нам дарят шоколад,
 А если Пух не угадал, то я не виноват.

[пер. С. Маршака, 10: 35—37]

КОРОЛЕВСКАЯ СЧИТАЛКА

Встарь в одной стране восточной
(Где — я не припомню точно)
Жил король, на память знавший
Замечательный стишок.
Если день случался грустный,
Или ужин был невкусный,
Или нужно было выпить
Очень горький порошок;
Если он грозы пугался,
В тронной речи ошибался
Или больно ушибался,
Поскользнувшись на катке;
Если он пыхтел от злости,
Что опаздывают гости,
Или попадались кости
В королевском пирожке;
И когда стреляло в ухе,
И когда кусали мухи,
И даров никто не вез, —
Чтоб забыть про огорченья
И повысить настроенье,
Он шептал себе под нос:
— Шестью шесть —
Тридцать шесть,
Разделить на восемь,
Два в остатке,
Три в уме,
Единицу сносим;
Шесть прибавить,
Семь отнять,
Что же получаем?
Пятью пять —
Двадцать пять
И ватрушку с чаем!
Если вдруг в разгар Совета,
В нарушение этикета,
Главный королевский канцлер
Начинал всю зевать.

Или вдруг за спинку трона
С шумом падала корона
И корону приходилось
Алебардой доставать;
И когда какао стыло,
И глаза щипало мыло...
Или брызгали чернила
В иностранного посла;
И когда король в субботу
Не поехал на охоту,
Потому что королева
Ружья в чистку отнесла, —
Словом, если удручали
Всевозможные печали
И сердил любой пустяк,
Каждый раз, как выручалку,
Повторял король считалку
И шептал при этом так:
— Шестью шесть —
Тридцать шесть,
Разделить на восемь,
Два в остатке,
Три в уме,
Единицу сносим;
Шесть прибавить,
Семь отнять,
Что же получаем?
Пятью пять —
Двадцать пять
И ватрушку с чаем!

[пер. М. Бородинской, 27: 86]

Элинон Фарджон

ИМЕНА ДЕВОЧЕК

Как славно девочек зовут!
Вот Шейла — шелковый лоскут,
И Сильвия — листва лесная,
И Стелла — звездочка ночная,

И Флора — щедрая весна,
И Лола — плавная волна,
И Линда-Белл — звонок у двери:
«Дин-дон!» — «Кто там?»
И просто Мэри.

ИМЕНА МАЛЬЧИКОВ

Как славно мальчиков зовут!
Вот Барри — пушечный салют!
И Патрик — парус средь простора,
И Роберт — ровный рев мотора;
Том — стук копыт издалика,
И Питер — пенье пастушка,
И Чарли — чистой речки звон по камушкам...
И просто Джон.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

— Осторожно — пузыри...
— Ой, какие!
— Ой, смотри!
— Раздуваются!
— Блестят!
— Отрываются!
— Летят!
— Мой — со сливу!
— Мой — с орех!
— Мой не лопнул дольше всех!

[пер. М. Бородицкой, 27: 175]

ЗНАКИ ЗОДИАКА

Двенадцать знаков Зодиака:
Рогатый Козлик-забияка,
В блестящих брызгах Водолей,
Две Рыбы в чешуе огней,
Барашек в облаках кудрявых,
И Бык бодливый в лунных травах,
Двойняшки с вечной их возней,
Рак с ослепительной клешней,

Лев, с неба рыкающий грозно,
И Девушка в накидке звездной,
Весы, висящие меж туч,
И Скорпиона жгучий луч,
Стрелец, что целится из мрака, —
Двенадцать знаков Зодиака!

[пер. Г. Кружкова, 37: 190—191]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Вспомните и раскройте значение понятий: ритм, рифма.
2. Юмор или ирония чаще встречаются в английских поэтических произведениях для детей? Почему?
3. Пробуем себя в поэтическом переводе...

WAITING AT THE WINDOW

There are my two drops of rain
Waiting on the window-pane.
I am waiting here to see,
Which the winning one will be,
Both of them have different names.
One is John and one is James.
All the best and the entire worst
Comes from which of them is first.
James had just begun to ooze.
He's the one I want to lose.
John is waiting to begin.
He's the one I want to win.
James is going slowly on.
Something sorts of sticks to John.
John is moving off at last.
James is going pretty fast.
John is rushing down the pane,
James is going slowly again.
James has met a sort of smear,
John is getting very near.
Is he going fast enough?
(James has found a piece of fluff).
John has hurried quickly by.
James was talking to a fly.
John is there and John has won!
Look! I told you! Here's the sun!

[A. A. Milne, 3: 126]

4. Составьте сценарий диафильма к одному из поэтических произведений, используя схему:

№ кадра	Название	Крупный план	Фон	Цветовая гамма	Титры

ЛИТЕРАТУРА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ XX ВЕКА В ЧТЕНИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Стихи американских поэтов для детей

Вильям Джей Смит — американский поэт, ученый-филолог, составитель антологии английской поэзии, критик, переводчик.

Детство Смита прошло в военном городке на берегу Миссисипи, недалеко от Сент-Луиса. Филологическое образование получил в Вашингтонском университете Сент-Луиса (1935—1941). Во время второй мировой войны служил в ВМС США.

Писать стихи начал рано, но первая книга вышла только в 1947 году. В послевоенной американской поэзии характерны трагизм, «исповедальность». Смит же выделяется иронически-философским настроением. В его стихах много переключек с классической мировой литературой. Почти нет стихов, которые были бы непосредственным откликом на текущие события, его мир — это мир тонких ощущений, философских рассуждений.

Детям адресовал веселые, умные, озорные стихотворения, следуя традициям английского фольклора и английской «литературы нонсенса» (Э. Лир, Л. Кэрролл). Наиболее известные детские сборники «Время потехи» (1953), «Если бы у меня была лодка» (1967), «Мистер Смит ерундит» (1968).

Стихи В. Смита известны русскому читателю в переводах Б. Заходера, который составил из них сборник «Час потехи» (М., 1984).

Доктор Сьюз (Теодор Сьюз Гайзель) начинал творческую деятельность как карикатурист, специалист по рекламе, работал репортером, сценаристом в Голливуде.

Первую книгу для детей написал в 1937 году. С тех пор каждое новое произведение становилось бестселлером.

В стихах и прозе царит дух озорства, импровизации. Его персонажи фантастичны и в то же время обезоруживающе конкретны. Он пишет с превосходным знанием детской психологии и с учетом, что дети младшего возраста лучше ориентируются в воображаемом мире, чем в реальном.

Эксцентричные сказки о самых невероятных приключениях любимых детьми животных (слона, черепахи, кота и др.) полны юмора, лукавых розыгрышей, непобедимой веры в справедливость и добро.

Самая популярная сказка «Кот в колпаке» (1957) рассказывает о проказах и выдумках кота, который развлекает детей, когда мамы нет дома. Кот — это сказочный персонаж и обобщение понятия игры, богатого детского воображения, веселого озорства. Сказка предназначена тем, кто учится читать: используя очень ограниченный запас слов (около 200), автор рассказывает увлекательнейшую историю и тем помогает ребенку полюбить чтение и книгу.

Сказка Доктора Сьюза о «Слоне Хортоне, который высиживает птенца», — это нелепость, доведенная до абсурда в каждом эпизоде: слон лезет на дерево, сидит в гнезде самой маленькой птички, путешествует вместе с деревом, не ест, не пьет бесчисленное количество дней. А когда путешествие готово закончиться трагически, из яйца на свет появляется — слоненок. И эта нелепость воспринимается читателем как закономерность, как единственная возможность и справедливость.

На русском языке опубликованы сказки «Слон Хортон высиживает яйцо», «Слон Хортон слышит кого-то», «Черепаха Эртель».

Джон Чиауди — американский поэт, прозаик, ученый-фольклорист, профессор Колумбийского университета. Родился в Бостоне (штат Массачусетс). Окончил Мичиганский университет в 1939 году. В годы войны служил в американской авиации, затем преподавал литературу в университетах.

Для детей начал писать «стихийно» — в процессе игры сначала с маленькими племянниками, потом и с собственными детьми. Чиауди умеет подметить в привычном необыкновенное, нелепое, смешное. Но в отличие от Сьюза его выдумка построена на раскрытии неожиданного, невероятного в самом обыденном, знакомом, жизненном. Он пишет о вещах, знакомых детям, но по-своему обогащая детский опыт, удивляя их многообразием одного и того же явления, предмета, развивая их фантазию и незаметно воспитывая. Богата эмоциональная гамма его стихов: в них близко соседствуют грусть, ирония, язвительная сатира, например, на хвастуна-жука: «Все призывы я делать сам: ползать сам и сам купаться, сам тонуть

и сам спасаться», на трусишек-мальчишек («О том, кого сажать в мешок»).

Привлекают детей сказки, считалки, загадки, шутки. Загадки учат ребенка образности, неожиданности сопоставления, нестандартности мышления. В стихотворении «Об удивительных птицах» игра в отгадывание предмета превращается в новую игру — отгадывание рифмы.

Стихотворения переведены на русский язык Р. Сефом. Сборник под названием «Еще одно эхо» вышел в свет в 1965 году.

Вильям Смит

МИСТЕР СМИТ

Познакомимся с мистером Смитом!
Вам понравится — стоит начать!
Очень редко он ходит небритым
И порой проникает в печать.
Есть в лице его что-то восточное.
И (вы это заметите сразу) —
Левый глаз его — верное, точное
Подражание правому глазу.
Не поет он — ни соло, ни хором.
Кое-кто утверждает, что Смит
Мог бы стать первоклассным боксером, —
Но сюжет этот больно избит!
Мистер Смит презирает мопеды.
Домино его просто смешит.
В спринте мог он добиться победы,
Только он никогда не спешит!
Смит, забыв про спортивные лавры,
Собирает коллекцию шляп.
Если рядом ударят в литавры —
Смит подскочет: он нервами слаб.
Впрочем, он побывал и под пулями.
Видел много диковинных стран.
Управляться умеет с каstrюлями —
Но охотней идет в ресторан.
Дважды он побывал на Таити;

Это очень далеко,
 Зато
 Там поныне о мистере Смите,
 Вероятно, не помнит никто!
 Смит грустит над волнами морскими:
 Он выходит на берег (морской)
 И свое популярное имя
 Произносит с глубокой тоской.
 А в ответ — то же самое слово
 Океанским прибоем гремит:
 Отовсюду он снова и снова
 Слышит: «Смит! ..Мистер Смит!..
 Миссттеерр Сссмиттт!»
 Пишет Смит для детей (для потомства),
 Очевидно, набрался ума!
 Словом,
 Смит — неплохое знакомство!
 Неплохое!
 Весьма и весьма!

[пер. Б. Заходера, 17: 182]

ПРО ЛЕТАЮЩУЮ КОРОВУ

Очень многие
 Считают,
 Что Коровы не летают,
 Так что я
 Беру с вас слово!
 Кто увидит, что Корова
 Пролетает в вышине,
 Тот,
 Договорившись с мамой,
 Пусть сейчас же телеграммой
 (Лучше — срочной телеграммой!)
 Сообщит об этом мне!

ЧАС ПОТЕХИ

— Ура! Как раз
 Потехе час! —
 Расхохотался Дикобраз. —

Ха-ха!
 — Хи-хи! — сейчас же подхватил
 Веселый Нильский Крокодил. —
 Ха-ха! Хи-хи!
 — Хе-хе! — откликнулся Жираф,
 Высоко голову задрав. —
 Хи-хи! Хе-хе!
 — Хо-хо! — раздался хохот Льва.
 — Уху! — отозвалась Сова. —
 Хе-хе! Хо-хо! Уху! —
 Смеялись все — и млад, и стар.
 Смеялся Ворон: — Кар-кар-кар! —
 Смеялся Песик: — Гав-гав-гав! —
 Кто веселится — тот и прав!
 На небо поднялась Луна —
 Заулыбалась и она.
 По всей Земле: у вас, у нас, —
 Везде настал ПОТЕХЕ ЧАС!
 Ха-ха! Хи-хи! Хе-хе! Хо-хо!
 Уху-уху! Кар-кар! Гав-гав!

[пер. Б. Заходера, 17: 327—328]

Джон Чиарди

ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ПТИЦАХ

На улице прохожего
 Увидел я вчера.
 Он ящик нес,
 На ящике написано: «Игра».
 Я два квартала
 Шел за ним
 (Поверьте, я не вру)
 И наконец спросил его:
 — А как играть в игру?
 Он улыбнулся вежливо,
 Потом мне отвечал:
 — Уверен,
 Что такой игры
 Еще ты не встречал.

Две птицы удивительных
 Есть в ящике моем.
 И если хочешь,
 То с тобой
 Сыграем мы вдвоем.
 А чтобы мы
 Могли начать,
 Запомнить должен ты,
 Что у несхожих этих птиц —
 Похожие хвосты.
 Поймать таких смешных пичуг —
 Весьма нелегкий труд.
 Недаром люди умные
 Их РИФМАМИ зовут.
 ...И вправду,
 Птицы шустрые
 Из ящика большого
 Вдруг начали
 Вытаскивать
 Наверх
 За словом слово.
 Одна достала
 Слово ГВОЗДЬ,
 Другая сразу —
 ГОСТЬ и ТРОСТЬ.
 Одна достала
 Слово ГРУСТЬ,
 Другая фразу:
 НУ и ПУСТЬ!
 Одна достала
 Слово СЛОН,
 Другая —
 ЗВОН и ТЕЛЕФОН.
 — Теперь, —
 Сказал мне человек, —
 Пора и нам сыграть.
 Я буду доставать слова,
 Ты должен
 РИФМОВАТЬ.

Достал он слово КОЧКА,
 А я ответил: БОЧКА,
 И СТРОЧКА, и СОРОЧКА,
 И сразу два ЛИСТОЧКА,
 И на прощанье ТОЧКА.
 ...Мы с ним играли целый час
 Похожими словами.
 Теперь мы покидаем вас,
 И вы играйте сами.

о той, у кого много-много глаз

На этот раз пойдет рассказ
 О той, кто шесть имеет глаз,
 А иногда и семь, и пять
 (Что, впрочем, можно сосчитать);
 О той, кто зиму сладко спал,
 Забравшись осенью в подвал;
 О той, кого на кухню к нам
 Весною притащил я сам;
 О той, чьи странные глазки
 Росли день ото дня;
 О той, кто был знаком со мной,
 Но не видал меня.
 Подумайте немножко:
 А вдруг это ...?

о том, почему все заплакали

Сняли тоненький сюртук,
 Сняли рыжую рубашку,
 Сняли желтую рубашку,
 А стянув еще рубашку,
 Все заплакали вокруг.
 Вот как мы вчера на кухне
 Раздевали сладкий лук.

ПРОЩАЛЬНАЯ ИГРА

А вот прощальная игра...
 Нам книгу

Закрывать пора;
 Мы все надеемся,
 Что с ней
 Ты стал
 Немножечко умней,
 Узнал ты много
 Слов смешных
 И много
 Всяческих всячин,
 И, если ты
 Запомнил их,
 Не зря
 Твой день потрачен.
 И нам с тобой
 Пришел черед
 Сыграть в игру
 «НАОБОРОТ».
 Скажу я слово
 ВЫСОКО,
 А ты ответишь:
 НИЗКО.
 Скажу я слово
 ДАЛЕКО,
 А ты ответишь:

 Скажу я слово
 ПОТОЛОК,
 А ты ответишь:

 Скажу я слово
 ПОТЕРЯЛ,
 И скажешь ты:
!
 Скажу тебе я слово
 ТРУС,
 Ответишь ты:
 ХРАБРЕЦ.
 Теперь
 НАЧАЛО

Я скажу, —
 Ну, отвечай:
!

[пер. Р. Сефа, 27: 146—149, 237]

Доктор Сьюз

СЛОН ХОРТОН ЖДЕТ ПТЕНЦА

— Ах, мне надоело! — Ах, как я устала! —
 Ленивая Мейзи капризно шептала. —
 Я ногу на этом гнезде отсидела!
 Какое противное, скучное дело!
 Нет! Если себе я замену найду,
 То я на каникулы сразу уйду!
 Да я ни секунды бы здесь не сидела,
 Когда бы замену себе приглядела!
 Тут Мейзи как раз увидела слона.
 — Ах, здравствуйте, Хортон! — сказала она.
 — Я так отсидела здесь левую ногу...
 Быть может, тут вы посидите немного?
 Слон Хортон ужасно смеялся в ответ:
 — Ну что вы! На мне ведь ни перышка нет!
 Ни крыльев, ни клюва... И, кроме того,
 Яйцо так мало! Я велик для него!
 — Ну да... Вы довольно высокого роста...
 Но вам беспокоиться не о чем. Просто
 Садитесь! Хотя вы не так и малы,
 Но как вы мягки! Как нежны и милы!
 Слон буркнул:
 — Нет-нет... Вы уж как-нибудь сами...
 Но птичка взмолилась к нему со слезами:
 — Пожалуйста! Я ненадолго! Клянусь!
 Я слово даю вам, что скоро вернусь!
 — Ну, что ж... коли так... то попробовать можно.
 Я буду сидеть на яйце осторожно.
 Я буду стараться его не сломать.
 — До встречи! — пропела беспечная мать.
 Исследовав дерево, прежде всего
 Слон Хортон подпорки нашел для него:

— Пусть дерево будет надежным и прочным.
 Ведь тонны четыре во мне — это точно.
 Обычно я все же стоял на полу...
 И слон осторожно полез по стволу.
 Долез. Улыбнулся. Вокруг поглядел...
 И сел на гнездо.
 И сидел...
 И сидел...
 И днем он сидел, согревая яйцо,
 И ночью,
 И ветры хлестали в лицо,
 И молнии бились,
 И гром грохотал...
 «Погодка неважная... — Слон бормотал. —
 Мне мокро... и холодно... и... неприятно...
 Скорее бы Мейзи вернулась обратно!»
 А Мейзи в то время на Пальмовом пляже
 О милом гнезде и не помнила даже.
 Решила она, что отныне ничто
 Ее не заставит вернуться в гнездо.
 А Слон между тем все сидел и сидел.
 Вот осень настала. И лес облетел.
 Деревья надели свой зимний наряд.
 На хоботе грустно сосульки висят...
 А Слон все сидит и упрямо твердит:
 — Яйцо не замерзнет! Птенец победит!
 По-моему, мысль моя очень проста:
 Слон верен от хобота и до хвоста.
 Он так и сидел без травинки и сна,
 Пока, наконец, не настала весна.
 Но беды иные с весной начались!
 Все звери лесные вокруг собрались,
 Кричали, шумели, давились от смеха:
 — Слон Хортон на дереве!
 — Что за потеха!
 — Он, может, теперь и по небу летает?
 Ведь он себя, кажется, птицей считает!
 Они разбежались... А Хортон остался...
 Он так бы сейчас по траве покатался!
 Он так бы сейчас погулял, побродил!..

Но слон все сидел и упрямо твердил:
 — По-моему, мысль моя очень проста:
 Слон верен от хобота и до хвоста.
 Какая бы нас не постигла беда,
 Ребенку не будет, не будет вреда!
 Но Хортон-бедняга не знал ничего
 О том, что еще ожидало его.
 Пока он сидел, позабыв про покой,
 Такой терпеливый и добрый такой,
 Охотники медленно крались к гнезду
 И ружья нацеливали на ходу.
 И слон увидел из гнезда своего
 Три дула, нацеленных на него!
 Бежал ли от страшной опасности слон?
 Нет! Даже и с места не сдвинулся он.
 Слон Хортон не струсил и прочь не удрал.
 Он выпятил грудь и свой хобот задрал.
 И так на охотников смело глядел,
 Как будто бы молча сказать им хотел:
 «Стреляйте! Я здесь остаюсь до конца.
 Ведь я без тепла не оставляю яйца.
 По-моему, мысль моя очень проста:
 Слон верен от хобота и до хвоста!
 ...Охотники вовсе в него не стреляли.
 И ружья из рук их на землю упали.
 «Смотрите! Смотрите! — они закричали.
 — Такого нигде мы еще не встречали!
 На дереве — слон!
 Как забавно! Как ново!
 Ведь это неслыханно! Честное слово!
 Не будем его убивать. Пощадим.
 Мы в цирк подороже его продадим».
 Телегу огромную соорудили,
 Беднягу слона на нее посадили,
 И Хортон оставил родные места,
 Несчастный от хобота и до хвоста.
 И к самым вершинам телега ползла,
 И к самому небу телега везла
 И ствол, и гнездо, и яйцо, и слона...
 И к самому морю спустилась она...

...И ствол, и яйцо, и гнездо, и слона
 в Нью-Йоркском порту опустила она.
 И ствол, и яйцо, и гнездо, и слона
 Купила бродячая труппа одна.
 И вот потекли бесконечные дни.
 И люди глазели. Смеялись они.
 В Чикаго, Вихайкене и Вашингтоне,
 В Огайо, в Даутоне и в Бостоне,
 И в Каламазоо, и в Минесоте,
 Смеялись в Канзасе, смеялись в Дакоте,
 За несколько центов всегда и везде
 Смеялись над странным слоном на гнезде.
 ...И Хортон мрачнел, но с гнезда не сходил.
 В шатре цирковом он печально твердил:
 — По-моему, мысль моя очень проста:
 Слон верен от хобота и до хвоста.
 Но цирк, продолжая свой долгий вояж,
 Приехал однажды на Пальмовый пляж.
 И кто прилетел поглядеть на слона?
 Бездельница Мейзи! Конечно, она!
 Все также ленива, все также беспечна,
 Она о гнезде позабыла, конечно.
 И вдруг, увидав балаган в отдаленье,
 Пропела: «Ура! Поглядим представленье!»
 И Мейзи, как молния, вниз головой
 С небес ворвалась в балаган цирковой...
 «Ого... что за встреча... — она пропищала. —
 Мне кажется, я вас когда-то встречала...»
 Слон вздрогнул... и стал вдруг белее, чем мел!
 Он что-то беглянке ответить хотел,
 Но хруст скорлупы балаган огласил!
 В ней кто-то царапался что было сил!
 И тут у слона просветлело лицо!
 Он крикнул: «Мое дорогое яйцо!»
 Но пискнула Мейзи: «Неправда!
 Ты лжешь! Ты — слон!»
 И на птицу ничуть не похож!
 И дерево это мое! И яйцо!
 Ты лжешь мне бессовестно прямо в лицо!»
 И бедному Хортону стало невмочь.

С тяжелой душою он двинулся прочь
 Но тут разломилась совсем скорлупа —
 И замерли Мейзи, и слон, и толпа...
 Ведь то, что на свет из нее вылетало,
 Приветливо хоботом длинным мотало!
 И хвостик слоновий,
 И уши, и кожа —
 Все страшно на Хортон было похоже!
 И люди вокруг головами качали!
 Они ликовали! Смеялись! Кричали!
 «Смотрите! Ура! Новый вид!
 Слоно-птица!»
 Но так и должно было это случиться.
 Ведь молнии бились,
 И шторм бушевал,
 А Хортон сидел и яйцо согревал.
 И слон возвратился в родные места,
 Счастливый от хобота и до хвоста.

[пер. Т. Макаровой, 32: 274—278]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Вспомните и раскройте значение понятий: тематика, ритм стихотворный, юмор.
2. Какие фольклорные традиции развивают американские поэты в произведениях для детей?
3. Составьте мини-сборник стихов американских поэтов для детей младшего возраста и напишите аннотацию к нему.

Развитие жанра литературной сказки в американской детской литературе

Уолт Дисней (1901—1966) — американский режиссер, особенно известный своими работами в мультипликации.

Родился в Чикаго, в семье бедных выходцев из Ирландии. Первые рисованные фильмы как художник и режиссер создал в одной из рекламных компаний. Им создан метод точной, конвейерной технологии производства рисованных фильмов. Начал выпуск серийных лент с постоянными персонажами.

Известность принес Микки Маус, проявивший свой характер в звуковом фильме Диснея «Пароход Вилли» (1928). Зрители были поражены слитностью музыки и шумов с действием, невероятной выразительностью персонажей.

Дисней осуществил принцип антропоморфизма (очеловечивания животных), наделяя их чертами среднего американца, закрепив за персонажами определенные человеческие черты: веселый, энергичный Микки; задира и неудачник Дональд; добрый, но недогадливый пес Гуффи...

В 1938 году вышел первый полнометражный рисованный фильм «Белоснежка и семь гномов». В 1939 году открыл студию-фабрику в Бербанке, организовал курсы для подготовки художников.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО ЩЕНКА

Мать звали Неженкой, а отца — Бродягой. И эти имена им очень подходили.

Щенята их были самыми прекрасными в мире (так казалось родителям). И первые три щенка были действительно очаровательны: благовоспитанные, послушные — они нравились буквально всем. Но четвертый щенок... С утра до вечера в доме только и слышалось: «Где ваш брат?», «Куда он убежал?», «Где постреленок?», «Смотрите, что он наделал!» Да, четвертый щенок, этот негодник, причинял много тревог и огорчений.

Когда подходило время обеда, трое милых щенят заранее вставляли на задние лапки перед самой миской и терпеливо ждали разрешения. А четвертый щенок вдруг появлялся в самую последнюю минуту и, юркнув мимо них, принимался за еду первый!..

Лишь только наступало время игр, благовоспитанные братцы примерно играли со своими щенячьими игрушками. А четвертый — этот безобразник — грыз все, что ему попадалось: ковер — так ковер, ботинок — так ботинок...

Как только приближалась ночь, три милых братца спокойно ложились в свою корзинку и засыпали. Но четвертый щенок... негодник выбирал именно это время для того, чтобы полаять да повыть на разные лады. Он даже не обращал внимания на окрики!

Однажды щенят отпустили на прогулку. Каждый щенок нес в зубах на обед себе душистую, чудесную лепешку. Первые три щенка чинно отправились в ближайший парк, чтобы пообедать там в тени и прохладе. А четвертый — этот маленький проказник — мгновенно проглотил свою лепешку и бросился на поиски приключений.

Он вскоре увидел двух очень приветливых и красивых друзей. Они весело играли. Постреленку так хотелось поиграть — он кинулся к ним. Но при виде щенка у этих милых и ласковых существ вдруг появились когти и клыки... Ведь это были кошки! И постреленку пришлось бегством спастись от них. С разбегу он налетел на горку разрытой земли и замер. Маленький трудолюбивый крот рыл так проворно и ловко, как это умеют делать только кроты. Постреленку это понравилось.

— Какая интересная игра! — сказал он. — Как ты научился?

— Рыл и копал, копал и рыл — вот и научился, — ответил крот.

Тогда и постреленок начал копать. Он копал, копал и вдруг... откопал огромную, великолепную сладкую кость. Для такого маленького щенка она была даже слишком велика. Поднять он ее не мог, и до самого парка эту чудесную кость ему пришлось тащить по земле, выбиваясь из сил.

А немного раньше этим же путем шел большой и злой пес. «Ого! Чем это так здорово пахнет?» — сказал он, потянув вдруг носом. И тут же увидел вблизи дороги, под развесистым деревом, три чудесные лепешки, а возле них — трех щенят.

Щенята все еще любовались своими соблазнительными лепешками, вдыхая их запах. Пес был такой свирепый и такой голодный, что три благовоспитанных щеночка мигом остались без обеда, так и не попробовав своих душистых лепешек!

Бедные маленькие щенятки! Они сразу почувствовали себя такими голодными, обиженными, беззащитными...

Но кто это приближается к ним? О! Да это же постреленок тащит свою огромную вкусную кость!

— Эй, ребятки! — крикнул он. — Идите-ка сюда! Смотрите, что я нашел! Идите, идите! Я вас угощаю!

Теперь щенята уже не теряли времени даром. И когда пришла пора возвращаться домой, три маленьких щенка шли

сытые, довольные, а впереди гордо выступал четвертый — наш постреленок.

[пер. Л. Елисейевой, 32: 273]

Лилиан Муур

КРОШКА ЕНОТ И ТОТ, КТО СИДИТ В ПРУДУ

Крошка Енот был маленьким, но храбрым. Однажды Мама Енотиха сказала:

— Сегодня луна будет полной и светлой. Крошка Енот, можешь ли ты один сходить к быстрому ручью и принести раков на ужин?

— Ну да, конечно, — ответил Крошка Енот. — Я наловлю вам таких раков, каких вы никогда еще не ели.

Крошка Енот был маленьким, но храбрым. Ночью взошла луна, большая и светлая.

— Пора, Крошка Енот, — сказала Мама. — Иди, пока ты не дойдешь до пруда. Ты увидишь большое дерево, которое перекинуто через пруд. Перейди по нему на другую сторону. Это самое лучшее место для ловли раков.

При свете луны Крошка Енот отправился в путь. Он был такой счастливый! Такой гордый! Вот он какой — пошел в лес совсем один, первый раз в жизни! Сперва он шел не спеша, потом чуть быстрее. А дальше — вприпрыжку.

Вскоре Крошка Енот вошел в густой-прегустой лес. Там отдыхал Старый Дикобраз. Он очень удивился, увидев, что Крошка Енот гуляет в лесу без мамы.

— Куда ты идешь совсем один? — спросил Старый Дикобраз.

— К быстрому ручью! — ответил Крошка Енот гордо. — Я иду ловить раков на ужин.

— А тебе не страшно, Крошка Енот? — спросил Старый Дикобраз. — Ты ведь знаешь, что у тебя нет того, что есть у меня, таких острых и длинных иголок.

— Я не боюсь! — ответил Крошка Енот: он был маленький, но храбрый.

Крошка Енот пошел дальше при свете яркой луны. Сперва он шел не спеша. Потом чуть быстрее. А дальше — вприпрыжку. Вскоре он пришел на зеленую полянку. Там сидел

Большой Скунс. Он тоже удивился, почему Крошка Енот гуляет в лесу без мамы.

— Куда ты идешь совсем один? — спросил Большой Скунс.

— К быстрому ручью! — ответил Крошка Енот гордо. — Я иду ловить раков на ужин.

— А тебе не страшно, Крошка Енот? — спросил Большой Скунс. — Ты ведь знаешь, у тебя нет того, что есть у меня: я разбрызгиваю жидкость с противным запахом, и все убегают.

— Я не боюсь! — сказал Крошка Енот и пошел дальше.

Недалеко от пруда он увидел Толстого Кролика. Толстый Кролик спал. Он приоткрыл один глаз и вскочил.

— Ой, ты меня напугал! — сказал он. — Куда же ты идешь совсем один, Крошка Енот?

— Я иду к быстрому ручью! — сказал Крошка Енот гордо. — Это по ту сторону пруда.

— Оо-ооо! — сказал Толстый Кролик. — А ты не боишься Его?

— Кого мне бояться? — спросил Крошка Енот.

— Того, кто сидит в пруду, — сказал Толстый Кролик. — Я Его боюсь!

— Ну, а я не боюсь! — сказал Крошка Енот и пошел дальше.

И вот наконец Крошка Енот увидел большое дерево, которое было перекинуто через пруд.

— Здесь мне надо перейти, — сказал сам себе Крошка Енот. — А там, на другой стороне, я буду ловить раков.

Крошка Енот начал переходить по дереву на ту сторону пруда.

Он был храбрым, но зачем только он повстречал Этого Толстого Кролика!

Ему не хотелось думать о Том, кто сидит в пруду, но он ничего не мог с собой поделать. Он остановился и заглянул.

Кто-то сидел в пруду! Это был Он! Сидел там и смотрел на Енота при свете луны. Крошка Енот и виду не подал, что испугался.

Он скорчил рожу.

Тот, в пруду, тоже скорчил рожу.

Что это была за рожа!

Крошка Енот повернул обратно и побежал со всех ног. Он так быстро промчался мимо Толстого Кролика, что тот опять

напугался. И вот он бежал, бежал не останавливаясь, пока не увидел Большого Скунса.

— Что такое? Что такое? — спросил Большой Скунс.

— Там, в пруду, сидит Кто-то большой-пребольшой! — закричал Крошка Енот. — Я не могу пройти!

— Хочешь, я пойду с тобой и прогоню его? — спросил Большой Скунс.

— О, нет, нет! — ответил Крошка Енот торопливо. — Вы не должны этого делать!

— Ну, хорошо, — сказал Большой Скунс. — Тогда захвати с собой камень.

Только чтобы показать Ему, что у тебя есть камень.

Крошке Еноту хотелось принести домой раков. Поэтому он взял камень и пошел обратно к пруду.

— Может быть, Он уже ушел! — сказал Крошка Енот сам себе. — Нет, Он не ушел!

Он сидел в пруду. Крошка Енот и виду не подал, что испугался. Он высоко поднял камень. Тот, кто сидел в пруду, тоже высоко поднял камень. Ой, какой это был большой камень!

Крошка Енот был храбрый, но он был маленький. Он побежал со всех ног. Он бежал, бежал, не останавливаясь, пока не увидел Старого Дикобраза.

— Что такое? Что? Что такое? — спросил Старый Дикобраз. Крошка Енот рассказал ему про Того, кто сидит в пруду.

— У него тоже был камень! — сказал Крошка Енот. — Большой-пребольшой камень.

— Ну, тогда захвати с собой палку, — сказал Старый Дикобраз, — вернись обратно и покажи ему, что у тебя есть большая палка.

Крошке Еноту хотелось принести домой раков. И вот он взял палку и пошел обратно к пруду.

— Может быть, Он успел уйти, — сказал Крошка Енот сам себе.

Нет, Он не ушел! Он по-прежнему сидел в пруду. Крошка Енот не стал ждать. Он поднял вверх свою большую палку и погрозил ею.

Но у Того, в пруду, тоже была палка. Большая-пребольшая палка! И он погрозил этой палкой Крошке Еноту.

Крошка Енот уронил свою палку и побежал. Он бежал, бежал. Мимо Толстого Кролика, мимо Большого Скунса,

мимо Старого Дикобраза. Не останавливаясь, до самого своего дома.

Крошка Енот рассказал своей маме все про Того, кто сидит в пруду.

— О мама, — сказал он, мне так хотелось пойти одному за раками! Мне так хотелось принести их на ужин домой!

— И ты принесешь! — сказала мама Енотиха. — Вот что я тебе скажу, Крошка Енот. Вернись назад, но на этот раз...

Не строй рож,

Не бери с собой камня,

Не бери с собой палки!

— Что же я должен сделать? — спросил Крошка Енот.

— Только улыбнуться! — сказала мама Енотиха. — Пойди и улыбнись Тому, кто сидит в пруду.

— И больше ничего? — спросил Крошка Енот. — Ты уверена?

— Это все, — сказала мама. — Я уверена.

Крошка Енот был храбрым, и мама была в этом уверена. И он пошел обратно к пруду.

— Может быть, Он ушел наконец! — сказал Крошка Енот сам себе. Нет, не ушел!

Он по-прежнему сидел в пруду.

Крошка Енот заставил себя остановиться. Потом заставил себя заглянуть в воду. Потом заставил себя улыбнуться Тому, кто сидел в пруду.

И Тот, кто сидел в пруду, улыбнулся в ответ!

Крошка Енот так обрадовался, что стал хохотать. И ему показалось, что Тот, кто сидел в пруду, хохочет, точь-в-точь как это делают еноты, когда им весело.

— Он хочет со мной дружить! — сказал сам себе Крошка Енот. — И теперь я могу перейти на ту сторону.

И он побежал по дереву.

Там, на берегу быстрого ручья, Крошка Енот принялся ловить раков... Скоро он набрал столько раков, сколько мог донести. Он побежал обратно по дереву через пруд.

На этот раз Крошка Енот помахал рукой Тому, кто сидел в пруду. А Тот махнул ему рукой в ответ.

Крошка Енот мчался домой со всех ног, крепко держа своих раков. Да! Никогда еще ни он, ни его мама не едали таких вкусных раков. Так сказала Мама Енотиха.

— Я теперь могу идти туда совсем один, когда хочешь! — сказал Крошка Енот. — Я больше не боюсь Того, кто сидит в пруду.

— Я знаю, — сказала Мама Енотиха.

— Он совсем не плохой, Тот, кто сидит в пруду! — сказал Крошка Енот.

— Я знаю, — сказала Мама Енотиха.

Крошка Енот посмотрел на маму.

— Скажи мне, — сказал он. — Кто это сидит в пруду?

Мама Енотиха рассмеялась. А потом сказала ему.

[пересказ О. Образцовой, 32: 287—291]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Раскройте значение следующих понятий: литературная сказка, традиции, новаторство.

2. В чем сходство и в чем отличие народной сказки о животных и авторских сказок американских писателей?

3. В тексте *A Man of the Movies* изменена последовательность его частей. Решите, в каком порядке должны следовать части этого текста и запишите эту последовательность соответствующими буквами.

A MAN OF THE MOVIES

A

In 1920, while living in Kansas City, Missouri, he was lucky and got his first chance to work on a motion-picture cartoon. The result was successful and in 1923 he moved on to Hollywood where financial success ultimately permitted him to develop his talents and interests.

B

One of the leading pioneers of the film industry was neither an actor nor a director. Rather, he was a commercial artist who eventually created such popular and familiar cartoon characters as Mickey Mouse and Donald Duck. The man, of course, was Walter Disney.

C

Disney did not start out as a rich man; but he did have a wealth of ideas, which reflected his greatest assets — traits of

imagination and creativity. Walt Disney began his career when he succeeded in borrowing three hundred dollars to set up a workshop in the rear of a small garage. Working long and hard, he managed to gain a respected reputation as a gifted cartoonist.

D

Beyond the realm of show business, Disney also undertook a vast project to construct a combination of a wonderland and an amusement park. The result can be witnessed today in Disneyland located in California. Disneyland quickly grew to be a popular success. Consequently, another immense project, Disney World, was later undertaken in Florida. It is a prominent tourist attraction too.

E

Although Walt Disney died in 1966, his creative genius and active mind still survive through the entertainment that he left as his legacy. His cartoons and full feature films forever commemorated his name. All in all Walter Disney got 29 Oscars.

F

Soon, he was producing feature-length animated cartoons, movies, and television shows. Some of Walt Disney's most popular efforts are regarded as classics today. These include *Fantasia* and *Snow White*. He also produced nature documentaries and adventure films. In 1932 Walt Disney got his first Oscar for his Mickey Mouse.

Реалистические рассказы о животных

Эрнест Сетон-Томпсон (1860—1946) — шотландец по происхождению, приехал с семьей в Канаду, когда ему было 6 лет. Считается канадским писателем, хотя большую часть жизни провел и умер в США. Он охотился с переселенцами, строил дома на необжитых землях, наблюдал животный мир и природе в непосредственном соприкосновении с дикими зверями. Видный ученый-натуралист, он немало сил отдал научным работам о птицах, его наблюдения и научные описания пернатого населения Канады и Америки были призваны виднейшими учеными того времени.

Кроме того, это незаурядный художник, почти все книги проиллюстрированы им самим и сейчас продолжают издаваться с рисунками автора.

Но главное то, что Томпсон ввел в анималистическую литературу реалистическое изображение животных. Биологическая правдивость событий и наблюдений — величайшее достоинство писателя. Он не приписывал животным свойств человека, но реалистически раскрывал единство всего мира природы. Он описывал ум и чувства животных такими, какими видел их в природе, и поражает читателей своим уважением ко всякому живому существу. Очеловечивание у него — литературный прием, цель и назначение которого — популяризация среди детей учения Дарвина, формирование у них природо-ведческих знаний, воспитание гуманных чувств.

В книге «Дикие животные» он писал: «Нет сомнения, что эта книга положила начало новому, реалистическому направлению в литературе о животных. До сих пор были известны только басни, сказки о животных и такие рассказы, где животные разговаривают и ведут себя, словно люди, переодетые в шкуры зверей».

Сетон-Томпсон не просто описывает животных и их повадки с научной точки зрения, он еще и восторженно любит природу. И эта любовь — из глубокого знания всех опасностей жизни животного в природе, будь то хищник (волк, медведь, рысь) или их жертвы (кролик, куропатка, тетерев и т. д.).

Каждый рассказ — волнующее жизнеописание зверя или птицы, способных на героические чувства и действия. Драматичны судьбы большинства героев писателя. Животные, подобно людям, бывают умные и глупые, храбрые и трусливые, находчивые и растерянные, но человек должен быть их другом, защищать от бездумного истребления теми, кто вооружен не знаниями, а огнестрельным оружием. Против этого бесильны звери и птицы, истребляемые тысячами. Увлекательно и во всей сложности в рассказах выступает отношение современного человека к природе. Сила на стороне человека, а значит и ответственность. Он вправе оградить себя от законов леса, но не должен поддаться его жестокости, естественной у волка и недопустимой для человека. В мире природы человек учится ценить мужество сильных и стойкость слабых. А когда два мира соприкасаются, оказывается, что и зверь способен

оценить закон человеческого общества, откликнуться верностью на любовь и покарать низость.

Произведения автора побуждают юного читателя понять жизнь окружающей природы, сочувствовать зверям и птицам, предостерегают от жестокого и неразумного обращения с ними. Уничтожая природу, человек уничтожает себя, говорит нам Сетон-Томпсон.

АРНО

(отрывок)

Через боковую дверь мы вошли в конюшню. Слабый запах чисто содержащихся денников терялся в нежном аромате сена. Поднявшись по лестнице, мы очутились на длинном чердаке. Южный конец его был отгорожен, и знакомое «ку-у-у, ку-у-у, рук-эт-э-ку», смешанное с «уирр, уирр, уирр» крыльев, дало нам знать, что мы находимся на голубятне.

В этой голубятне жили знаменитые птицы, и на этот самый день было назначено состязание между пятьюдесятью молодыми голубями. Владелец голубятни пригласил меня быть судьей в этом состязании. Оно по своей сути было испытанием молодых птиц. Раза два уже их относили вместе с родителями в поле и выпускали на свободу, чтобы они научились возвращаться в голубятню. Теперь им предстоял первый самостоятельный полет без старших. Выпустить их было решено в городке Элизабет — для молодых голубей такое расстояние было довольно большим.

— Дело в том, — объяснял тренер, — что мы так избавляемся от дурачков. Возвращаются только самые лучшие, а они-то нам и нужны.

Владельцы голубей и многие соседи-любители держали пари на разных птиц. Они установили между собой приз для победителя. Мне как судье предстояло определить, который из голубей окажется победителем. Выигравшим должен считаться не тот, кто вернется первым, но тот, кто первым войдет в голубятню, потому что голубь, возвращающийся только в окрестности своего жилья, но не являющийся немедленно домой, плохой письмоносец. Голубь, всегда и всюду возвращающийся

домой, зовется возвратным голубем. Эти голуби не отличаются особой окраской и лишены причудливых украшений, годных для птичьих выставок. Их разводят не на показ, а потому, что они быстрокрылы и умны. От них требуется привязанность к родным местам и способность без промаха отыскивать их. Теперь считается, что чувство направления помещается в ушном лабиринте. Нет на свете существа, обладающего более тонким чувством направления, чем хороший возвратный голубь. Такого голубя всегда можно узнать по большим выпуклостям над ушами и по мощным крыльям.

И вот предстояло подвергнуть испытанию способности голубиной молодежи. Несмотря на множество свидетелей, я счел более надежным запереть все двери голубятни, за исключением одной, и стать наготове, чтобы тотчас захлопнуть ее, как только первый голубь влетит в голубятню.

...Белое облако низко пронеслось над городскими крышами, обогнуло фабричную трубу, и не прошло двух секунд, как голуби уже были на месте... Синяя стрелка просвистела мимо меня, задев мне лицо крыльями, и я едва успел спустить дверцу, как поднялся вопль:

— Арно! Арно! Говорил я вам, что он победит! Ох ты, прелесть моя! Всего три месяца — и уже приз! Радость ты моя!

И владелец Арно прыгал, больше радуясь успеху птицы, нежели деньгам.

Все присели на корточки вокруг голубя, созерцая с благоговением победителя, который сперва напился, а потом повернулся к кормушке.

— Смотрите на эти глаза, на эти крылья! А видали вы когда-нибудь такую грудь? О, да он молодец хоть куда! — болтал его владелец, обращаясь к безмолвным хозяевам-неудачникам.

Это был первый подвиг Арно. Он оказался лучшим из пятидесяти отличных голубей, и ему предстояла блестящая карьера. Он получил серебряное кольцо, которым награждают лучших голубей. На кольце красовался его номер: 2590 С — номер, о котором и поныне говорят с благоговением.

Всего в голубятню возвратились сорок голубей. Так бывает почти всегда. Некоторые ослабели и отстали, другие сблизлись с пути по глупости. Этим простым способом отбора владельцы голубей добиваются усовершенствования породы. Из

десяти пятеро пропали без вести, другие пятеро вернулись позднее в тот же день, и не поодиночке, а вместе...

После первого полета тренировка голубей проводилась систематически. Расстояние с каждым днем увеличивалось на двадцать пять — тридцать миль, и направление менялось до тех пор, пока голуби не ознакомились со всеми окрестностями Нью-Йорка на полтораста миль вокруг. Из пятидесяти птиц осталось всего двадцать, потому что суровый отбор затрагивает не только слабых и неспособных, но еще и тех, кто случайно заболел и попал в беду, или слишком сытно поел перед гонками.

...Еще не прошло и года, как маленький Арно побил славный рекорд. Труднее всего лететь над морем, где нет возможности узнать дорогу по каким-нибудь приметам. А еще того хуже, если приходится лететь в тумане, когда даже солнца не видно. Но когда память, слух и зрение бессильны, у голубя все же остается врожденное чувство направления. Только страх может уничтожить это чувство. Вот почему необходимо, чтобы между мощными крыльями помещалось мужественное сердечко.

Арно с двумя из своих товарищей был сдан на океанский пароход, шедший в Европу. Их намеревались выпустить при выходе в открытое море, но внезапный густой туман спутал все планы. Пароход увез их с собой дальше. Голубей собирались отправить обратно с первым встречным судном. После десяти часов пути судовая машина испортилась, туман сгустился, и пароход оказался беспомощной игрушкой ветра и волн. Единственное, что можно было делать, — это гудком подавать сигнал тревоги. Но и это не помогло. Тогда-то вспомнили о голубях. Выбор пал на Старбека, 2592 С. Написали записку на непромокаемой бумаге, свернули в трубочку и привязали снизу к перьям хвоста. Старбек взвился в воздух и исчез. Полчаса спустя снарядили Большого Сизого из углового гнезда, 2600 С. Этот тоже поднялся в воздух, но почти сейчас же вернулся и опустился на снасти. Он съежился от страха. Никак нельзя было заставить его покинуть судно. Он до такой степени был испуган, что дал беспрепятственно себя из-

ловить и постыдно всунуть в клетку. Достали третьего — маленького плотного голубка. Моряки не имели о нем представления, но отметили имя и номер на кольце: Арно, 2590 С. Для них эта надпись ничего не означала. Однако державший его моряк заметил, что его сердце колотится не так сильно, как у предыдущего гонца. Его снабдили запиской, снятой с Большого Сизого. Вот эта записка:

10 часов утра, вторник.

Машина испортилась в 210 милях от Нью-Йорка. Беспомощно дрейфуем в тумане. Пришлите буксирное судно как можно скорее. Через каждые шестьдесят секунд даем один длинный гудок, за ним один короткий.

Капитан

Письмо было свернуто в трубочку, обернуто непромокаемой бумагой, адресовано Пароходному обществу и прикреплено к нижней стороне перьев хвоста.

Голубь, едва его отпустили, описал круг над судном, затем другой, повыше, снова выше, пока не скрылся из виду. Он поднимался все выше и выше, пока сам не перестал видеть судно. Лишенный возможности пользоваться всеми своими чувствами, кроме одного — чувства направления, он всецело предался ему. И страх не затуманивал его. Как стрелка компаса всегда устремляется к северу, так устремился к своей цели Арно — без колебаний, без сомнений. Спустя минуту после освобождения из клетки он уже несся прямо, как луч света, к возраставшей его голубятне, единственному месту, где ему было хорошо.

В этот день на голубятне дежурил Билли. Вдруг послышался шелест быстрых крыльев; в голубятню скользнул сильный луч и бросился к корытцу с водой. Голубь тянул уже один глоток за другим, когда Билли вдруг спохватился:

— Да это ты, Арно, красавец мой!

Затем привычным движением голубиного тренера он достал часы и отметил время: 2 часа 40 минут. В то же мгновение он заметил нитку на хвосте. Билли притворил дверцу и быстро опустил сетку на голову Арно. Через минуту он держал в руке записку, а две минуты спустя торопился к конторе общества, предвкушая щедрую награду. Здесь он узнал, что Арно проделал путь в двести десять миль над морем, в тумане

за четыре часа сорок минут, и не прошло часа, как на выручку злополучному пароходу было отправлено спасательное судно.

Двести десять миль над морем, в тумане за четыре часа сорок минут! Славный это был рекорд! Его занесли, как и подобало, в списки Голубиногo клуба. Арно держали на руках, а секретарь, вооружившись резиновой перчаткой и несмываемыми чернилами, отметил на одном из белоснежных перьев крыла подвиг и день, когда этот подвиг совершен...

...Приближалось большое соревнование всех возрастов — полет в девятьсот миль из Чикаго в Нью-Йорк. ...Чем лучше был голубь, тем позже его выпускали. Последним был выпущен Арно.

...Арно пролетел шестьсот миль в двенадцать часов и был, без всякого сомнения, впереди всех. Но вдруг ему захотелось пить. Пролетая над городскими крышами, он увидел голубятню и, спустившись с высоты двумя-тремя большими кругами, примкнул к своим соплеменникам и жадно напился из корыта... Владелец голубятни был тут и заметил незнакомого голубя... Один из его собственных голубей вздумал было поспорить с пришельцем, и Арно, защищаясь развернутым крылом, выставил напоказ ряд напечатанных рекордов. Владелец дернул веревку дверцы, и через несколько мгновений Арно очутился у него в плену...

Он срезал записку и прочел:

Арно оставил Чикаго сегодня в 4 часа утра. Он участвует в большом перелете всех возрастов по маршруту Чикаго — Нью-Йорк.

— Шестьсот миль за двенадцать часов! Ты побил все рекорды!... Тебя, я знаю, не убедишь остаться, но я могу получить от тебя наследников и развести твою породу.

...Арно либо яростно колотил красавиц, либо высказывал к ним презрительное равнодушие, а временами старое желание вернуться домой снова возникало в нем с удвоенной силой, и он бился о проволочную стенку или в волнении метался взад и вперед. Когда началась ежегодная линька голубя, тюремщик бережно стал подбирать на память каждое выпавшее из крыльев драгоценное перо и, по мере того как выраста-

ли новые, он аккуратно повторял на них историю славных подвигов Арно.

Медленно протянулось два года. Тюремщик переселил Арно в новую голубятню и дал ему новую самочку. Случайно в ней оказалось большое сходство с оставленной дома изменницей, и Арно обратил на нее внимание. Однажды тюремщику показалось, что его знаменитый пленник слегка ухаживает за красавицей, и — да, сомнения нет! — вот она уже готовит себе гнездо. ...тюремщик впервые открыл дверцу, и Арно очутился на свободе. Замешкался ли он? Растерялся ли? Ничуть не бывало. Как только перед ним открылось воздушное пространство, он рванулся на волю...

Ни один человек никогда не любил свой дом так, как Арно любил свою голубятню. ... Ни годы тюрьмы, ни поздняя любовь, ни страх смерти не могли подавить любви к родине и, если бы Арно владел даром песни, он, несомненно, запел бы героическую песнь...

С гребня гор сорвался сокол-голубятник. Быстрейший из хищников, гордый своей силой, гордый своими крыльями, он радовался достойной добыче. Немало голубей попало в его гнездо, и он плыл теперь по ветру, паря, сберегая силы, выжидая удобного мгновения...

Лети обратно, голубь! О голубь, спасайся, обогни опасные холмы!

Свернул ли голубь с пути? Нет, так как это был Арно. Домой, домой, домой! Ни о чем другом он не думал. Спасаясь от сокола, он только летел быстрее. Сокол ринулся на это сверкающее пятнышко — и возвратился ни с чем.

...Домой, домой! Нужно держаться низко, так как поднялся ветер.

Низко! Увы, он летел слишком низко! Какой злой дух соблазнил охотника в июне притаиться за верхушкой этого холма? ... Вспышка, треск! — и смертоносный град настиг Арно; настиг, изувечил, но не сбил с пути. ...На груди расплылось темное пятно, но Арно не сдавался. ...Домой, все домой, так же прямо, как и прежде. Но чудесная скорость теперь уменьшилась.. Пятно на груди гласило о надломленной силе, но Арно

все летел вперед. Дом виднелся уже вдали, и боль в груди была позабыта. Высокие башни города ясно вырисовывались перед его зоркими глазами... Крыло может ослабеть и глаз померкнуть, но любовь к родине все растет и растет. Он пролетел вдоль высоких холмов,...под гнездом соколов-голубятников, разбойничьей твердыней на скале, где сидели большие угрюмые хищники. Зорко присматриваясь, похожие на пиратов в черных масках, они подметили приближение голубя. Арно знал их издавна. ...Арно уже не раз тягался с ними, и продолжал теперь свой путь, как бывало, — вперед, быстро, но все же не так быстро, как прежде. Смертоносное ружье подорвало его силы, убавило скорость. ...Соколы, выждав время, слетели, как две стрелы. Они ловили ослабевшего, усталого голубка.

...Там, на скале, клювы и когти пиратов окрасились кровью героя. Несравненные крылья были изорваны в клочья, и летопись их разметана по камням. Там они лежали на солнце, пока сами убийцы не были убиты и твердыня их не опустошена.

И судьба бесподобной птицы так и осталась бы безвестной, если бы в хламе и соре пиратского гнезда случайно не обнаружили серебряное кольцо — священный орден первоклассного почтового голубя, на котором красовалась многозначительная надпись:

АРНО, 2590 С.

[пер. Н. Чуковского и А. Макаровой, 36: 248—263]

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Вспомните и раскройте значение понятий: реализм, реалистический рассказ.

2. На чьей стороне во взаимоотношениях человека и животных оказывается писатель? Почему? Что ценит Сетон-Томпсон в природе?

3. Сравните анималистические рассказы Сетона-Томпсона и русских писателей (Л. Н. Толстого, М. Пришвина, Е. Чарушина и др.)

О ПЕРЕВОДЧИКАХ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

Произведения Великобритании и США, вошедшие в круг детского чтения, в основном переведены на русский язык, и мастерство переводчиков дало нам возможность узнать и полюбить их.

Переводчик — в большой степени и автор переведенного текста. В чем-то ему даже труднее, чем автору, ибо тот не подвластен ничьей воле, может иной раз подобрать рифму к мысли, а другой раз — мысль к рифме. Переводчик же этого права не имеет. Он должен идти по проложенному следу, но идти легко и непринужденно. Ведь перевод с иностранного языка — это мастерство в овладении чужим стихом, замыслом, шуткой.

В 1 пол. XX века английские народные песенки на русский язык переводили Корней Чуковский и — особенно много — Самуил Яковлевич Маршак.

Корней Иванович Чуковский, испытавший нищее, унижительное безотцовское детство, выгнанный по закону «о кухаркиных детях» из пятого класса гимназии, через самообразование и самовоспитание поднялся к высотам человеческой культуры и знаний. Подростком, работая подручным маляра, он изучает английский язык по самоучителю Олендорфа. У иностранного моряка покупает книгу на английском языке, начинает ее переводить, чтобы проверить свои знания, и «нечаянно» становится первым переводчиком на русский язык замечательного американского поэта Уолта Уитмена. В 1903 году Корнея Чуковского, сотрудника «Одесских новостей», посылают корреспондентом в Лондон. Он сильно нуждается, живет в жуткой ночлежке, но каждый день проводит в библиотеке Британского музея. Как знатоку русского языка, ему поручают составить каталог русских книг. С той поры он становится отменным знатоком англо-американской литературы. А через шестьдесят лет в Оксфордском университете ему вручат диплом почетного доктора литературы, и собравшимся ученым он прочтет лекцию о Некрасове на английском языке.

Помимо английских народных песенок, К. Чуковский пересказал для детей «Робинзона Крузо» Д. Дефо, «Доктора Айболита» Х. Лофтинга, сказки Р. Киплинга.

В начале 1912 года Самуил Яковлевич Маршак, условившись о корреспондентской работе с различными петербургскими редакциями, уехал для получения образования в Англию. Поступил в Лондонский университет на факультет искусств, где основательно изучал английский язык и историю литературы. Много путешествовал, слушал английскую народную речь, народные песни, которые помогали узнать характер народа, ведь и у народов характеры разные, не только у отдельных людей. В 1914 году вернулся на родину и стал упорно работать над переводами английских и шотландских народных баллад и классической английской лирики. Именно переводческая работа стала для Маршака отличной школой мастерства. Значительное место в творчестве Маршака занимает поэзия для маленьких. Уже в 20-е годы он переводит с английского языка детские народные песенки, которые составили сборник «Дом, который построил Джек». Звонкость, энергию, словесную игру, разнообразный и богатый оттенками юмор, присущие английским песенкам, мастерски отразил в переводах С. Я. Маршак, приблизив английский детский фольклор к русской фольклорной традиции, но без малейшей потери для оригинала. Дети ценят его шутку, острую мысль, образное слово.

С. Я. Маршаку принадлежат замечательные переводы произведений Э. Лира, стихов Р. Киплинга, А. Милна.

Переводы (точнее, пересказы) принесли большую славу Борису Заходеру. Стихотворения В. Смита вошли в сборник «Час потехи» (М., 1984). Несколько поколений детей увлеченно читают в его пересказе сказки А. Милна «Вини-Пух и все-все-все» (1960), П. Трэверс «Мэри Поппинс» (1968), Дж. Барри «Питер Пэн, или Мальчик, Который Не Хотел Расти» (1971), Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес» (1972; за эту работу переводчик удостоен международной премии имени Х. К. Андерсена). Подчеркивая, что он пишет пересказ, Заходер оставляет за собой право на свободное обращение с подлинником. Взрослым читателям интересно сопоставить текст заходеровского «Вини-Пуха» с более строгим, «научным» переводом Т. Михайловой и В. Руднева или заходеровскую «Алису» с академическим переводом Н. Демуровой. Отличительной чертой Заходера-переводчика является словесная игра, интерес к перевертышам, эксцентричность, и в этом он близок Л. Кэрроллу, А. Милну и другим английским писателям.

Ирина Токмакова, известная детская поэтесса и сказочница, начала свою творческую деятельность с перевода шотландских народных песенок, которые составили одну из первых ее книжек — «Крошка Вилли-Винки». Следуя традициям переводческой школы Маршака, Токмакова руководствуется не буквой, а духом оригинала, помнит об уровне восприятия маленького читателя, адаптируя, например, сказку Д. Барри «Питер Пэн». В переводах И. Токмаковой знакомятся маленькие читатели с героями анималистических сказок Б. Поттер.

Стихотворения Д. Чиарди перевел на русский язык Роман Сеф. Сборник под названием «Еще одно эхо» вышел в свет в 1965 году. А книжка-игра «Я сам» (1992), созданная по мотивам стихов Доктора Сьюза — оригинальное пособие, где есть стихи, задания, вопросы, мини-анкеты, позволяющие выразить свою индивидуальность на этих страницах.

«Сказки Биг Бена» (М., 1993) — так называется сборник английских стихов и сказок в переводе Григория Кружкова. Это своеобразная антология от фольклорных произведений и произведений XIX века к творчеству современных поэтов. Мы познакомимся с английскими, шотландскими, ирландскими народными сказками, лимериками и балладами Э. Лира, стихами Л. Кэрролла, Р. Стивенсона, С. Миллигана, Э. Фарджон, Х. Беллок, сказками Э. Несбит. Все произведения сборника объединяет эксцентризм английского мышления, английский юмор.

Читатель встретит не только полюбившихся по переводам Маршака, но и новых персонажей «Песенок матушки Гусыни». Например, Молли Миллер, которая купила мыло, а потом еще

...сменяла
Шило на мыло,
Самое мылкое
В мире мыло —
И мыльной мочалкой
Мел отмыла.

В английских песенках нет Молли Миллер, но есть Бетти Боттер, которая купила масло.

Betty Botter bought some butter,
But, she said, the butter's bitter,

If I put it in my batter
It will make my batter bitter,
But a bit of better butter
Will make my batter bitter.

В английском тексте глагол «купить» (*buy*), существительное «масло» (*butter*) и большинство слов стиха содержат звук [Б] — это скороговорка, построенная на аллитерации. Скороговорка Кружкова построена на аллитерации со звуком [М]. И здесь действительно пересказ, но основанный на тех же поэтических принципах, что и английский источник.

В большинстве произведения Г. Кружкова гораздо ближе к оригиналу, чем ставшие уже классическими стихи Чуковского и Маршака. Но стихи не потеряли органичности интонации, звонкости рифмы. Обаятельные маршаковские «Птицы в пироге» с их хрестоматийно известными строками:

Где король? На троне
Пишет манифест.
Королева в спальне
Хлеб с вареньем ест,

— импровизация на темы английского нонсенса, а перевод Г. Кружкова («Песни за полпенса») сохранил и лаконизм (как и английский оригинал он в полтора раза короче стихотворения Маршака), и фабулу.

Вадим Левин, инженер по образованию, кандидат психологических наук по проблемам художественного развития детей, отдает предпочтение игровым формам детской поэзии, склонен к юмору, обыгрыванию, веселому лукавству. Все это нашло отражение в его переводах стихов современных английских и американских поэтов: В. Смита, У. Деламэра и других.

С начала 80-х годов переводит произведения классической и современной английской детской поэзии Марина Бородицкая. Со стихами Э. Фарджон, А. Милна, Д. Ривза можно познакомиться в сборнике «В один прекрасный день» (М., 1986).

Список использованной литературы

1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: Учеб. пособие для студ. сред. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 1998.

2. Alice's Adventures in Wonderland by Lewis Carroll. — М.: Progress Publishers, 1979.
3. Афанасьева О. В. Английский язык: Учебник для 7 класса школ с углубленным изучением английского языка, лицеев, гимназий, колледжей. — М.: Просвещение, 2000.
4. Баум Л. Ф. Удивительный волшебник страны Оз / Пер. с англ. С. Белова. — М.: Моск. раб., 1993.
5. Биссет Д. Все кувырк: Сказки / Пер. с англ. Н. Шерешевской. — М.: Республика, 1993.
6. Брандис Е. От Эзопа до Джанни Родари. Зарубежная литература в детском и юношеском чтении. — М.: Детская литература, 1980.
7. Будур Н. В. и др. Зарубежная детская литература: Учеб. пособие для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 1998.
8. В мире литературы. 6 кл.: Учеб.-хрестоматия для общеобразоват. учеб. заведений / Авт.-сост. А. Г. Кутузов, В. В. Леденева, Е. С. Романичева, А. К. Киселев. Под ред. А. Г. Кутузова. — 5-е изд., стереотип. — М.: Дрофа, 2001.
9. Волков А. Собрание сочинений в шести томах. — Т.1. — Волшебник Изумрудного города. — СПб.: отд-ние изд-ва «Просвещение», ТОО «Каро», 1993.
10. Все наоборот: Небылицы и нелепицы в стихах: Кн. для воспитателей детского сада и родителей / Сост. Г. М. Кружков. — М.: Просвещение, 1992.
11. Губницкая Б. А. Стихотворения на английском языке // Иностранные языки в школе. — 1985. — № 6. — С. 109—112.
12. Демурова Н. М. Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. — М.: Наука, 1979.
13. Жили-были...: Книга для чтения на английском языке. — М.: Просвещение, 1976.
14. Just so stories by Rudyard Kipling. — М.: Progress Publishers, 1979.
15. Зарубежная детская литература: Учебник для студентов библиотеч. ин-тов культуры / Сост. И. С. Чернявская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1982. — 559 с.
16. Зарубежная литература для детей и юношества. В двух частях / Под ред. Н. К. Мещеряковой, И. С. Чернявской. — М., 1989.
17. Заходер Б. Избранное. — М.: Дет. лит., 1981.
18. Зиман Л. Под бой лондонских часов — Биг Бена // Дошкольное воспитание. — 1994. — № 12. — С. 82—86.
19. Зольникова В. И. Самостоятельная работа учащихся над литературным произведением в 8 классе. — М.: Просвещение, 1978.

20. Золотая птица: Поэзия разных стран и народов для детей дошкол. возраста / Сост. И. П. Токмакова, Э. И. Иванова. — М.: Просвещение, 1996.
21. Зурабова К. «Закон джунглей» для юных слушателей // Дошкольное воспитание. — 2002. — № 1. — С. 71—74.
22. Иванова Э. О Кеннете Грэме и не только о нем // Дошкольное воспитание. — 1990. — № 12. — С. 53—57.
23. Ильчук Н. Беатрис Поттер и ее знаменитые зверята // Ребенок в детском саду. — 2002. — № 2. — С. 89—94.
24. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. Киплинг Р. Сказки. Милн А. А. Винни-Пух и все-все-все. Барри Д. Питер Пэн. — М.: Детская литература, 1985.
25. Киплинг Р. Сказки. пер. с англ. К. Чуковского. Стихи в пер. С. Маршака. — М.: Дет. лит., 1975.
26. Книга для чтения к учебнику «Счастливый английский. Книга 1» для 5—6 классов средней школы / Сост. Т. Б. Клементьева, Б. Монк. — 3-е изд. — М.: Просвещение, 1994.
27. Литература и фантазия: Кн. для воспитателей дет. сада и родителей / Сост. Л. Е. Стрельцова. — М.: Просвещение, 1992.
28. Маршак С. Я. Собрание сочинений в 4-х томах. — Т. 1. — Произведения для детей. / Сост. и прим. Т. Л. Аверьяновой. — М.: Правда, 1990.
29. Маршак С. Я. Собрание сочинений в 4-х томах. — Т. 4. — Переводы зарубежных поэтов. Из английской и шотландской поэзии. Английские эпиграммы разных времен / Сост. и прим. Т. Л. Аверьяновой. — М.: Правда, 1990.
30. Милн А. Винни-Пух и все-все-все...: Книга для чтения на англ. языке. — М.: Рольф, 2003.
31. Николаева Л. У истоков английской детской литературы XX века // Детская литература. — 1979. — № 7. — С. 33—37.
32. Писатели мира детям: Хрестоматия по заруб. дет. лит. / Сост. Э. И. Иванова. — М.: Просвещение, 1991.
33. Писатели США. Краткие творческие биографии / Сост. Я. Закурский, Г. Злобина, Ю. Ковалева. — М.: Радуга, 1990.
34. Рифмы Матушки Гусыни. — М.: Содействие, 1993.
35. Свифт Д. Путешествие Гулливера. Роман / Пересказ с англ. для детей Т. Габбе. — М.: ТЕРРА, 1993.
36. Сетон-Томпсон Э. Животные-герои / Пер. с англ. Н. Чуковского и А. Макаровой. — М.: Мысль, 1989.
37. Сказки Биг Бена. Английские стихи и сказки в пересказе Г. Кружкова. — М.: Монолог, 1993.
38. Счастливого пути: избранные переводы и пересказы И. Токмаковой. — М.: Дет. лит., 1985.

39. Сын Утренней Звезды. Сказки индейцев Нового Света. — М., Детская литература, 1971.

41. Токмакова И. Английская классика для детского чтения // Дошкольное воспитание. — 2001. — № 1. — С. 76—80.

42. Topsy-Turvy World. — М.: Progress Publishers, 1978.

43. Трэверс П. Мэри Поппинс. — Ижевск: Странник, 1992.

44. Харрис Д. Сказки дядюшки Римуса / Пер. с англ. и обработка М. Гершензона. — М.: Дет. лит., 1990.

45. Чуковский К. Сказки. — М.: Детская литература, 1978.

46. Энциклопедия для детей. — Т. 15. — Всемирная литература. — Ч. 1. — От зарождения словесности до Гете и Шиллера. — М.: Аванта+, 2000.

47. Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В. И. Новиков. — М.: Педагогика, 1987.

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН»

для специальности
0313 «Дошкольное образование»
с дополнительной подготовкой
в области иностранного языка

(повышенный уровень
среднего профессионального образования)

Пояснительная записка

Рабочая программа учебной дисциплины «Детская литература англоязычных стран» предназначена для реализации требований Государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования повышенного уровня по специальности 0313 «Дошкольное образование» с дополнительной подготовкой в области иностранного (английского) языка.

Курс призван обеспечить студентам приобретение необходимых для их будущей профессиональной деятельности знаний по англоязычной детской литературе, усвоение важнейших психолого-педагогических установок для организации работы с детьми по ознакомлению с литературными текстами; приобщить к культуре англоязычных стран.

Общая цель конкретизируется в следующих задачах:

- обогащение студентов знаниями о культуре, истории, традициях народов англоязычных стран, формирование их культуроведческой компетентности;

- развитие познавательной культуры студентов;

- формирование исследовательских умений и навыков в процессе изучения курса (работа с научно-популярной и справочной литературой, словарями, аннотирование, конспектирование, реферирование).

В процессе работы по изучению данного курса студент должен знать:

- факты истории страны изучаемого языка;

- сведения биографии изучаемых писателей и поэтов, их основные произведения для детей;

- основные признаки литературоведческих понятий: художественный образ, тема, идея, сюжет, композиция художественного произведения; основные признаки родов литературы (эпос, лирика, драма) и наиболее распространенные жанры; изобразительно-выразительные средства языка.

Уметь:

- рассказать об эпохе, в которой жил писатель или поэт;

- рассказать биографию писателя или поэта;

- выразительно исполнять фольклорные и литературные тексты;

- анализировать отдельные произведения англоязычной детской литературы;

- работать с учебной и научно-популярной литературой, пользоваться справочной литературой, библиотечными каталогами;

- составлять устные и письменные сообщения с элементами научного аппарата (ссылок на использованную литературу).

Представленный в программе материал расположен по историко-хронологическому принципу.

Основу программы составляют тематические блоки. В каждом блоке указаны опорные понятия, определяющие характер теоретических знаний, которые закрепляются в процессе работы над материалом данной темы.

Итогом работы студента по данной программе является зачет.

Курс рассчитан на 38 аудиторных часов.

Содержание программы

ВВЕДЕНИЕ

Англоязычная детская литература как важнейшее средство воспитания детей в духе общечеловеческих гуманных ценностей.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

культура

литература

мировоззрение

национальный характер

Самостоятельная работа студентов

Составление «читательской биографии»

РАЗДЕЛ № 1. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН В ДЕТСКОМ ЧТЕНИИ

Тема 1. Фольклор Великобритании

Малые фольклорные жанры, их своеобразие. Характеристика сборника «Рифмы матушки Гусыни». К. И. Чуковский, С. Я. Маршак — мастера перевода английского фольклора.

Произведения устного народного творчества Шотландии в переводах И. Токмаковой (сборник «Крошка Вилли-Винки»).

Продолжение переводческих традиций в творчестве Б. Заходера, В. Левина, И. Родиной и др.

Сказки Великобритании. Идейное содержание, проблематика, жанровое своеобразие английских и шотландских народных сказок; их роль в формировании у детей гуманизма и познавательного интереса. Анализ текстов, рекомендуемых для чтения детей младшего возраста.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

Фольклорные жанры

колыбельная
прибаутка
перевертыш
считалка
загадка
пословица
поговорка
сказка

Виды словесной образности

метафора
сравнение
эпитет
олицетворение
гипербола
литота

Самостоятельная работа студентов

Подготовка сообщения по выбранной теме.

Сравнительный анализ произведений русского и английского фольклоров, переводов одного текста разными писателями.

Инсценирование английской народной песенки в «театре картинок».

Тема 2. Героический эпос Великобритании

Поэма «Беовульф» — образец англосаксонской героической поэзии. Сюжетное построение поэмы. Образ Беовульфа.

Легенды о рыцарях короля Артура.

Расцвет баллады в английской и шотландской народной поэзии в XIV—XV веках. Тематическое своеобразие, особенности жанра. Образ Робина Гуда.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

баллада
легенда

Самостоятельная работа студентов

Самостоятельная работа с литературой: конспектирование текста.

Тема 3. Фольклор США

Особенности американского фольклора. Роль в становлении фольклора США устного творчества индейцев, негров. Своеобразие проблематики, персонажей, художественных особенностей малых фольклорных жанров и сказок.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

миф
мифология
мифологический образ
эпос

Самостоятельная работа студентов

Тезирование текста учебного пособия.

РАЗДЕЛ № 2. АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И «НОВОГО ВРЕМЕНИ» (ОБЗОР)

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

Возрождение
Просвещение
роман
сатира

Самостоятельная работа студентов

Составление сложного плана ответа по предложенной теме.

РАЗДЕЛ № 3. ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XIX ВЕКЕ

Общая характеристика английской литературы для детей в XIX веке. Круг проблем, идеи, выбор жанров. «Литература нонсенса»: развлекательные перевертыши, юмористические стихи и сказки — жанры, любимые детьми младшего возраста.

Тема 1. Поэтическое творчество Эдварда Лира

Отражение в юмористической поэзии чудачеств «перевернутого» мира. Эдвард Лир — родоначальник нового стихотворного жанра — лимерика. Стихи и сказки, вошедшие в чтение детей дошкольного и младшего школьного возраста: «Кот и Сова», «Чижи-Рики — воробей» и др.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

лирика
лирический герой
литература «нонсенса»
лимерик
«перевертыш»

Самостоятельная работа студентов

Составление словесного портрета писателя
Подготовка аргументированного ответа на вопрос.
Перевод с английского языка лимерика Э. Лира.
Сочинение лимерика в соответствии с особенностями жанра.

Тема 2. Льюис Кэрролл «Алиса в стране чудес», «Алиса в Зазеркалье»

История создания сказки. Связь с английской фольклорной традицией. Система образов, глубина содержания. Познание мира ребенка и выражение его внутренних психических потребностей. Художественное своеобразие сказок.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

романтизм
литературная сказка
литература «нонсенса»
аллегория
гротеск
ирония
каламбур
метафора

Самостоятельная работа студентов

Проект памятника писателю.
Составление тезисов ответа на предложенные вопросы.

РАЗДЕЛ № 4. АНГЛИЙСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Общая характеристика английской литературы для детей в конце XIX — начале XX века.

Тема 1. Произведения для детей Джозефа Редьярда Кипплинга

Отражение фольклора индийского народа в «Книге джунглей» («Маугли»). Индивидуализация характеров персонажей. Реализм бытовых картин и описаний природы. Нравственные уроки сказки.

Фольклорные источники австралийского и африканского народов в сборнике «Вот так сказки». Ориентация сказок на психологию ребенка дошкольного возраста, их юмор.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

миф
анималистическая сказка
жанр «фэнтези»

Самостоятельная работа студентов

Анализ сказки (письменно).

Устный ответ на проблемный вопрос: обоснование высказывания литературоведа примерами из текста.

Тема 2. Джеймс Мэтью Барри «Питер Пэн»

Автобиографические мотивы и литературные источники сказки. Система образов, драматизм образа Питера Пэна.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

композиция
конфликт
антитеза
эссе

Самостоятельная работа студентов

Эссе по самостоятельно сформулированной теме.

Тема 3. Развитие анималистической сказки для детей

Сказочные повести о докторе Дулитле Хью Лофтинга. Мастерство Беатрис Поттер в создании образов животных. Сказочная эпопея Кеннета Грэма «Ветер в ивах».

Основные литературоведческие понятия

драма

инсценировка

реплика

ремарка

Самостоятельная работа студентов

Написание монографического реферата на основе изученной статьи.

Инсценировка сказки Б. Поттер в кукольном театре.

РАЗДЕЛ № 5. АМЕРИКАНСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Общая характеристика американской детской литературы в конце XIX — начале XX века.

Тема 1. Джозеф Чэндлер Харрис «Сказки дядюшки Римуса»

Отражение в сказках фольклора и мировоззрения негров. Особенности композиции сборника, системы образов.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

образ повествователя

характеристика речевая

сюжет

Самостоятельная работа студентов

Составление плана текста по предложенной теме.

Тема 2. Лаймен Фрэнк Баум — основоположник американской литературной сказки

Нравственные уроки сказочного цикла о стране Оз. Образ Дороти.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

сказочный цикл

образ персонажа

Самостоятельная работа студентов

Сравнительный анализ перевода сказки Л. Ф. Баума и сказки А. М. Волкова.

РАЗДЕЛ № 6. ЛИТЕРАТУРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ XX ВЕКА В ЧТЕНИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Общая характеристика английской литературы для детей XX века. Круг проблем, идеи, выбор жанров.

Тема 1. Поэтические произведения для детей

Творчество для детей Джеймса Ривза («Шумный Ба-бах», «Профессор» и др.), Уолтера Деламера («Сыграем в прятки», «Кошка» и др.), Алана Александра Милна («Баллада о королевском бутерброде», «Королевская считалка», «Маленький Тим» и др.), Элинора Фарджон («Имена девочек», «Имена мальчиков», «Знаки Зодиака» и др.).

Тематическое многообразие произведений, особенности стихотворной речи.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

стихотворение

ритм стихотворный

рифма

Самостоятельная работа студентов

Устное сообщение по предложенной теме.

Тема 2. Развитие жанра литературной сказки

Мир игрушек Алана Александра Милна в сказочной повести о Винни-Пухе и его друзьях («Винни-Пух и все-все-все»). Традиции сказки-нонсенса в творчестве Дональда Биссета («Все наоборот», «О мальчике, который рычал на тигров» и другие). Развитие традиций английской литературной сказки в творчестве Памелы Трэверс («Мери Поппинс»).

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

прототип

система образов

Самостоятельная работа студентов

Устное сообщение по предложенной теме.

РАЗДЕЛ № 7. ЛИТЕРАТУРА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ XX ВЕКА В ЧТЕНИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Общая характеристика американской детской литературы XX века. Круг проблем, идеи, выбор жанров.

Тема 1. Стихи американских поэтов для детей

Стихи для детей Джона Чиарди («Мистер жук», «О той, у кого много глаз» и др.), Вильяма Смита («Про летающую корову», «Потехе час», «Крокодилов смех» и др.), Доктора Сьюза («Слон Хортон ждет птенца» и др.).

Тематика; ритмическое своеобразие; приемы создания юмористического образа.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

тематика

ритм стихотворный

юмор

Самостоятельная работа студентов

Составление мини-сборника стихов и аннотации к нему.

Тема 2. Развитие жанра литературной сказки в американской детской литературе

Литературные сказки У. Диснея «Приключения маленького щенка», Л. Муур «Крошка Енот и тот, кто сидит в пруду» и другие.

Развитие традиций сказки о животных; нравственный потенциал произведений.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

литературная сказка

традиции

новаторство

Самостоятельная работа студентов

Перевод с английского статьи об У. Диснее, творческое задание по ней.

Тема 3. Рассказы о животных Эрнеста Сетона-Томпсона

Реалистическое изображение животных. Проблема взаимоотношения человека и природы.

Основные литературоведческие понятия, словарная работа

реализм

реалистический рассказ

Самостоятельная работа студентов

Сопоставительный анализ анималистических рассказов Сетона-Томпсона и русских писателей.

Тематический план

Наименование разделов и тем	Макс. учеб. нагрузка студента (час)	Количество аудиторных часов при очной форме обучения			Самостоятельная работа студента
		Всего	Лекции	Практические занятия	
1	2	3	4	5	6
Введение Раздел № 1. Устное народное творчество в детском чтении. Тема 1. Фольклор Великобритании. Тема 2. Героический эпос Великобритании. Тема 3. Фольклор США	2 7	2 3 2	2 1 1	 2 1	 2
Раздел № 2. Английская литература периода Средневековья и «Нового времени» (обзор)	2				2
Раздел № 3. Английская детская литература XIX века. Тема 1. Творчество Эдварда Лира. Тема 2. Льюис Кэрролл. «Алиса в стране чудес», «Алиса в Зазеркалье»	4	 2 2		 2 2	
Раздел № 4. Английская детская литература конца XIX — начала XX века. Тема 1. Произведения для детей Джозефа Редьярда Киплинга	7	 2		 2	

1	2	3	4	5	6
Тема 2. Джеймс Мэтью Барри «Питер Пэн». Тема 3. Развитие анималистической сказки в творчестве Хью Лофтинга, Беатрис Поттер, Кэннета Грэма		2 3	 1	2 2	
Раздел № 5. Американская детская литература конца XIX — начала XX века. Тема 1. Джозеф Чэндлер Харрис «Сказки дядюшки Римуса». Тема 2. Лаймен Фрэнк Баум — основоположник американской литературной сказки	4	 2 2		 2 2	
Раздел № 6. Литература Великобритании XX века в чтении детей младшего возраста. Тема 1. Поэтические произведения для детей Джеймса Ривза, Уолтера Деламэра, Алана Александра Милна, Элинора Фарджон. Тема 2. Развитие жанра литературной сказки (А. А. Милна, Д. Биссета, П. Трэверс)	6	 2 4	 1	 2 3	

1	2	3	4	5	6
Раздел № 7. Литература Соединенных Штатов Америки и Канады XX века в чтении детей младшего возраста. Тема 1. Стихи американских поэтов для детей: Джон Чиарди, Вильям Смит, Доктор Сьюз. Тема 2. Развитие жанра литературной сказки в американской детской литературе. Тема 3. Реалистические рассказы о животных Эрнеста Сетона-Томпсона. Зачет	8	 3 3 2		 3 3 2	
Итого	42	38	6	30	4

Список произведений для обязательного чтения

Малые фольклорные жанры Великобритании:

«Котауси и Мауси», «Скрюченная песня», «Барабек» (англ., пер. К. Чуковского); «Маленькие феи», «Кораблик», «Храбрецы», «Три зверолова», «Шалтай-Болтай», «Дом, который построил Джек», «Перчатки» (англ., пер. С. Маршака); «Купите лук», «Крошка Вилли-Винки», «Спляшем» (шотл., пер. И. Токмаковой).

Сказки Великобритании:

«Три поросенка» (англ., пер. С. Михалкова), «Петух и лиса» (шотл., пер. М. Клягиной-Кондратьевой), «Чудовище Уинделстоунского ущелья», «Джек и бобовый росток», «Владыка из владык» (англ., пер. Г. Кружкова) и другие сказки по выбору студента.

Героический эпос Великобритании:

Легенды и баллады о короле Артуре и рыцарях «круглого стола», о Робине Гуде (2—3 текста по выбору студента).

Фольклор США:

Произведения малых жанров и 2—3 сказки по выбору студента.

Из английской литературы XIX века:

Поэзия:

Э. Лир Лимерики («Жил-был старичок из Гонконга...», «Жил-был старичок из Винчестера...», «Жила на горе старушонка...», «Один старикашка с косою...» и другие по выбору студента в пер. Г. Кружкова);

Проза:

Л. Кэрролл «Алиса в стране чудес», «Алиса в Зазеркалье» (в пер. Б. Заходера, Л. Яхнина, В. Орла по выбору студента).

Из английской литературы конца XIX — начала XX века:

Проза:

Д. Р. Киплинг «Слоненок», «Отчего у верблюда горб» (пер. К. Чуковского); Дж. М. Барри «Питер Пэн» (пер. И.Токмаковой); Х. Лофтинг «Доктор Айболит» (пер. К.Чуковского); К. Грэм «Ветер в ивах» (отрывки); Б. Поттер «Ухти-Тухти», «Сказка про Джемайму Нырнвлужу» (пер. О. Образцовой).

Из английской литературы XX века:

Поэзия:

А. Милн «Три лисички», «Баллада о королевском бутерброде», «Королевская считалка» (пер. Н. Слепаковой); Дж. Ривз «Шумный Ба-бах» (пер. М. Бородинской).

Проза:

А. Милн «Винни-Пух и все-все-все» (пер. Б. Заходера); П. Трэверс «Мери Поппинс», «Мери Поппинс возвращается»; Д. Биссет «Га-га-га!», «Лягушка в зеркале», «Про поросенка, который учился летать», «Про мальчика, который рычал на тигров» (пер. Н. Шерешевской); Л. Берг «Маленькие рассказы про маленького Пита» (главы по выбору студента, пер. О. Образцовой); Э. Аттли «Про маленького поросенка Плюха» (главы по выбору студента, пер. И. Румянцевой и И. Баллод); Э. Блайтон «Знаменитый утенок Тим» (главы по выбору студента, пер. Э. Паперной); Э. Хогарт «Мафин и его веселые друзья» (главы по выбору студента, пер. О.Образцовой).

Из американской литературы конца XIX — начала XX века:

Проза:

Дж. Ч. Харрис. «Сказки дядюшки Римуса» (3—4 сказки по выбору студента); Л. Ф. Баум. «Мудрец из страны Оз» (2—3 главы по выбору студента).

Из американской литературы XX века:

Поэзия:

В. Смит «Про летающую корову», «Потехе час», «Крокодилов смех» (пер. Б. Заходера); Д. Чиарди «Мистер жук», «О той, у кого много глаз» (пер. Р. Сефа); Доктор Сьюз «Слон Хортон ждет птенца» (пер. Т. Макаровой).

Проза:

Л. Муур «Крошка Енот и тот, кто сидит в пруду» (пер. О.Образцовой); У. Дисней «Приключения маленького щенка» (пер. Л. Елисеевой)

Из литературы Канады XX века:

Э. Сетон-Томпсон. Рассказы о животных (по выбору студента).

Вопросы для зачета

1. Своеобразие малых фольклорных жанров и сказок Великобритании.
2. Героический эпос Великобритании.
3. Особенности американского фольклора: проблематика, своеобразие персонажей, художественные особенности малых жанров и сказок.
4. Поэтическое творчество Э. Лира в чтении детей младшего возраста.
5. Сказка Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес»: система образов, связь с английской народной поэзией, художественное своеобразие.
6. Сборник Р. Киплинга «Вот так сказки»: фольклорные источники, ориентация на психологию ребенка младшего возраста, нравственные уроки.
7. Система образов сказки Д. М. Барри «Питер Пэн».
8. Развитие анималистической сказки в английской литературе к. XIX — нач. XX века: сказочные повести о докторе Дулитле Х. Лофтинга; мастерство Б. Поттер в создании образов животных: эпопея К. Грэма «Ветер в ивах» (по выбору студента).
9. Д. Ч. Харрис «Сказки дядюшки Римуса»: отражение фольклора и мировоззрения негров, особенности композиции, характеристика образов героев.
10. Сравнительный анализ сказок Л. Ф. Баума «Мудрец из страны Оз» и А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города».
11. Тематическое многообразие и художественные особенности стихотворений Д. Ривза, У. Деламерэ, А. А. Милна, Э. Фарджон, вошедших в круг чтения детей младшего возраста.
12. Сказочная повесть А. А. Милна о Винни-Пухе и его друзьях: система образов, художественные особенности, нравственные уроки.
13. Развитие традиций сказки-нонсенса в творчестве Д. Биссета.
14. П. Трэверс «Мери Поппинс»: проблематика, художественные особенности сказочной повести, образ Мери Поппинс.
15. Тематическое многообразие, художественные особенности, приемы создания юмористических образов в стихах американских поэтов для детей младшего возраста: Д. Чиарди, В. Смита, Доктора Сьюза.
16. Развитие традиций анималистической сказки в творчестве У. Диснея, Л. Муур и других американских писателей XX века.

17. Реалистические рассказы о животных Э. Сетона-Томпсона, проблема взаимоотношений человека и природы.

Список рекомендованной литературы

Учебники и пособия

Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 1998.

Брандис Е. От Эзопа до Джанни Родари. Зарубежная литература в детском и юношеском чтении. — М.: Детская литература, 1980.

Будур Н. В. и др. Зарубежная детская литература: Учеб. пособие для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 1998.

Зарубежная детская литература: Учебник для студентов библ. фак. ин-тов культуры / Сост. И. С. Чернявская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1982. — 559 с.

Зарубежная литература для детей и юношества. В двух частях/ Под ред. Н. К. Мещеряковой, И. С. Чернявской. — М., 1989.

Писатели США. Краткие творческие биографии / Сост. Я. Закурский, Г. Злобина, Ю. Ковалева. — М.: Радуга, 1990.

Энциклопедия для детей. — Т. 15. — Всемирная литература. — Ч. 1. — От зарождения словесности до Гете и Шиллера. — М.: Аванта +, 2000.

Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В. И. Новиков. — М.: Педагогика, 1987.

Монографии, сборники

Все наоборот: Небылицы и нелепицы в стихах: / Сост. Г. М. Кружков. — 2-е изд., испр. — М.: Просвещение, 1993.

Демурова Н. М. Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. — М.: Наука, 1979.

Литература и фантазия: Кн. для воспитателей дет. сада и родителей / Сост. Л. Е. Стрельцова. — М.: Просвещение, 1992.

Писатели мира детям: Хрестоматия по зарубеж. дет. лит. / Сост. Э. И. Иванова. — М.: Просвещение, 1991.

Сказки Биг Бена. Английские стихи и сказки в пересказе Г. Кружкова. — М.: Монолог, 1993.

Сын Утренней Звезды. Сказки индейцев Нового Света. — М., Детская литература, 1971.

Статьи

Зурабова К. Живое чудо сказки // Дошкольное воспитание. — 2001. — № 4. — С. 68—74.

Зурабова К. «Закон джунглей» для юных слушателей // Дошкольное воспитание. — 2002. — № 1. — С. 71—74.

Иванова Э. О Кеннете Грэме и не только о нем // Дошкольное воспитание. — 1990. — № 12. — С. 53—57.

Кагарлицкий Ю. О писателях-сказочниках и мире детства. В кн.: Л. Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес. Р. Киплинг. Сказки. А. А. Милн. Винни-Пух и все-все-все. Д. Барри. Питер Пэн. — М.: Детская литература, 1985.

Рыбаков В. Сказочник и его сказка // Семья и школа. — 1982. — № 1. — С. 23—27.

Тихонова С. Великий фантазер и чудак // Дошкольное воспитание. — 1984. — № 3. — С. 41—44.

Токмакова И. Английская классика для детского чтения // Дошкольное воспитание. — 2001. — № 1. — С. 76—80.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Фольклор Великобритании	7
Героический эпос Великобритании	37
Английская литература периода Средневековья и «Нового времени»	47
Фольклор Соединенных Штатов Америки	55
Английская детская литература XIX века	62
Поэтическое творчество Эдварда Лира	63
Льюис Кэрролл	71
Английская детская литература конца XIX — начала XX века	91
Произведения для детей Джозефа Редьярда Кипплинга	91
Джеймс Мэтью Барри	103
Развитие анималистической сказки (Х. Лофтинг, К. Грэм, Б. Х. Поттер)	113
Литература США конца XIX — начала XX века	144
Джоэль Чендлер Харрис	144
Лаймен Фрэнк Баум — основоположник американской литературной сказки	148
Английская литература для детей XX века	155
Развитие жанра литературной сказки (Д. Биссет, А. А. Милн, П. Трэверс)	155
Поэтические произведения для детей младшего возраста (У. Деламер, Д. Ривз, Х. Беллок, А. А. Милн, Э. Фарджон)	194
Литература Соединенных Штатов Америки и Канады XX века в чтении детей младшего возраста	211
Стихи американских поэтов для детей (В. Д. Смит, Д. Сьюз, Д. Чиарди)	211

Развитие жанра литературной сказки в американской детской литературе (У. Дисней, Л. Муур)	223
Реалистические рассказы о животных Эрнеста Сетона-Томпсона	231
О переводчиках детской литературы англоязычных стран	240
Список использованной литературы	243
Рабочая программа дисциплины «Детская литература англоязычных стран»	247

**ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН**

Технический редактор *В. А. Смирнова*
Корректор *Е. А. Черкашина*
Компьютерная верстка *Н. Н. Быковой*

Подписано к печати 29.04.2005. Формат 60×84/16.
Гарнитура Школьная. Печать офсетная.
Объем — 15,6 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ 1044.

Издательский центр Вологодского института развития образования
160012, г. Вологда, ул. Козленская, 99а